

РЕВОЛЮЦИЯ
ПОТОМУ И ПОБЕДИЛА,
ЧТО С ПЕРВЫХ ЖЕ
ДНЕЙ ЕЕ
РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ
СТОЯЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ,
КАК А. Д. ЦЮРУПА.

„Правда",
8 мая 1928 г.

Всеволод Цюрупа

КОЛОКОЛА ПАМЯТИ

т. Цюрупа! Вид
больной. Не теряя
времени на 2-х ме-
сячный отдых. Если
не обещаете точно,
буду жаловаться в ЦК
Лен

Записка В. И. Ленина
А. Д. Цюрупе

Всеволод Цюрупа

КОЛОКОЛА ПАМЯТИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1986

ББК 66.61(2)8
Ц98

Цюрупа В. А.

Ц98 Колокола памяти.— М.: Политиздат, 1986.— 256 с.

В. А. Цюрупа — сын народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы — рассказывает в своей книге об отце. Опытной рукой публициста он объединил свои воспоминания, незабываемые рассказы отца о работе под руководством В. И. Ленина, а также архивные документы, письма, записки Ленина Цюрупе: личные, полные тепла и заботы, и руководящие, которые содержат программные положения создания нового, социалистического аппарата. Этот органический «сплав» воспоминаний и документов позволил автору воссоздать правдивую атмосферу первых труднейших лет молодой Советской республики.

Адресуется массовому читателю.

Ц $\frac{0902030000-125}{079(02)-86}$ 240—86 ББК 66.61(2)8

КАЖЕТСЯ,
ЧТО ЭТО БОРЬБА
ТОЛЬКО ЗА ХЛЕБ;
НА САМОМ ДЕЛЕ
ЭТО — БОРЬБА
ЗА СОЦИАЛИЗМ

В. И. Ленин

...Колокола памяти. Их голоса пробуждаются от прикосновения к далекому детству. Они гудят трагедийно и победно под ветром Истории, когда перелистываешь старые письма, документы, хрупкие от времени листы газет.

И — записки. На маленьких клочках бумаги их писал Владимир Ильич Ленин на заседаниях Совета Народных Комиссаров.

Решались государственные неотложные задачи: вернуть жизнь мертвым заводам, тысячам разбитых, лишенных топлива паровозов; дать добытую трудом, кровью восьмушку хлеба в голодные руки детей, красноармейцев, рабочих, многомиллионного населения. Восьмушку...

Три часа ночи. Рядом с Лениным за столом заседания в Кремле — его товарищи, прошедшие жестокую революционную школу — царские тюрьмы и каторгу. Руководители первого в мире государства Советов. Как и он, они еще не достигли своего пятидесятилетия, некоторым — едва за тридцать. Он слушает их — энергичных, одержимых, усталых, видит побледневшее от напряжения и недоедания лицо народного комиссара продовольствия — моего отца — Александра Дмитриевича Цюрупы и пишет ему своим быстрым, летящим почерком:

«Смотрю на Вас и жалею Вас: надо бы Вам заменять себя Свидерским и отдыхать (в случае крайности он бы Вас вызывал)».

Два месяца и девять дней отделяют эту июньскую ночь от 30 августа, когда Ленин будет предательски ранен отравленными пулями. Его товарищи — народные комиссары, и мой отец в их числе, всю ночь тогда метались по этому залу, дежурили рядом в кабинете Владимира Ильича, вглядываясь в лица врачей: есть ли надежда?

Колокола памяти... Издалека возникает ощущение округлой тяжести металла, нагретого в мальчишеской ладони. Это — луковица часов Владимира Ильича. В ту пору

мне девять лет. Но Ленин, словно не замечая, что у меня уже выросли длинные ноги и руки торчат из рукавов, привлек меня к себе на колени. Он вынул из жилета часы, и, не отстегивая цепочки, дал мне играть.

Приткнувшись к его груди, слушаю их торопливый стук. И вдруг — мысль: это бьется его сердце. Но ход часов слишком быстр. А отец говорил, врачи считают, что организм Ленина справился, сердце работает ровно и размеренно. Конечно, я выдумал, что это спешит сердце. Но целую жизнь я это помню и не говорю, мальчишкой — боясь, что меня высмеют, в зрелые годы — что неосторожным словом спугнут детскую память.

В тот день отца снова подвело надорванное сердце. Но дела требовали решения, и Владимир Ильич пришел к отцу для неотложной, деловой беседы. С ним были еще несколько товарищей, чье присутствие он счел необходимым. Я перетащил стулья к кровати. Владимир Ильич устроился в кожаном кресле у отцовского стола. Отец ласково кивнул мне. Это был знак уйти. Но Владимир Ильич воспротивился:

— А нельзя ли, Александр Дмитриевич, чтобы ваш адъютант остался с нами?

И вот я неловко сижу у него на коленях.

Дверь из кабинета в столовую открыта, в доме тихо. Старшие братья Дмитрий и Петр на фронтах, сестра Валя и брат Дима (Вадим) в интернате при школе-коммуне, там сытнее. Мама на работе: как всегда утром, за ней заехала Надежда Константиновна. Я, младший, с отцом дома один. Рука Владимира Ильича обнимает меня. Доказывая что-то, он от плеча выбрасывает руку вперед. На моей щеке его дыхание, когда он слушает негромкий голос отца.

Их взволнованные слова «продналог», «свободный хозяйственный оборот», «крестьянам станет легче дышать» не задевают чувств и мыслей девятилетнего мальчишки, непонятые, откладываются в тайниках памяти. Это еще детство. В отрочестве я узнаю от отца, что мне выпала удивительная участь — быть на одном из предварительных обсуждений острейшего вопроса о замене продразверстки продналогом.

Вскоре Владимир Ильич, а затем народный комиссар продовольствия Цюрупа выступят с докладами на X съезде партии, и съезд примет резолюцию о замене разверстки натуральным налогом.

Жизнь и работа моего отца были освещены руководством, доверием, требовательностью, заботой, близостью

Ленина. Мои детство и отрочество согреты живой памятью о Владимире Ильиче, Надежде Константиновне, людях той поры.

Но я неизменно помню слова Анатолия Васильевича Луначарского: «Всегда бывает очень страшно припомнить что-нибудь из бесед с Владимиром Ильичем не для себя лично, а для опубликования. Все-таки не обладаешь такой живой памятью, чтобы каждое слово, которому, может быть, в то время не придавал максимального значения, запечатлелось в мозгу, как врезанная в камень надпись, на десятки лет, а между тем ссылаться на то, что оно сказано великим умом, допуская возможность какого-нибудь искажения, очень жутко».

Таково признание партийного и государственного деятеля, работавшего рядом с Лениным. А ведь я причастен к тому героическому времени не как его боец и работник, а лишь детскими, юношескими воспоминаниями.

Имею ли я право писать?..

В те трудные первые годы Советской власти отец приходил домой качаясь от усталости, и я, младший сын, ставил ему на стол чай без сахара с черными сухарями.

Я выучился читать по газетам, раскрытым на отцовском столе; рядом с сообщениями о героических боях Красной Армии — их я в первую очередь разыскивал на полосе — стояли слова «хлеб», «голод», «сыпняк», «Антанта».

Помню острое желание есть, с ним мы, дети, просыпались и засыпали, помню желанную тяжесть ломтя хлеба, тяжелого, как глина, с жесткими торчками крупно смолотой половы. Этот хлеб ели и в нашей семье.

Помню написанные отцом с ятями и твердыми знаками на обложке моей тетради ленинские слова: «В такое время — а для истинно коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня...» Это был урок нравственности, обращенный из тех далеких дней и в наш сегодняшний день, и навсегда вперед.

Трудности, которые переживали Республика и каждая семья, где дети не ели досыта, откуда уходили сыновья на фронт в бои с интервентами, с белыми армиями, с вооруженным кулачьем за жизнь самой Страны Советов, за хлеб для каждого ее ребенка,— это было жизнью и нашей семьи.

Дни и годы отца не делились на работу и на жизнь домашнюю, личную, они были неразделимы. Внутренняя работа шла в нем всегда. Задумавшись, не сразу слышал,

когда к нему обращалась мама. Уйдя к себе в кабинет, ночи сидел над документами.

Вечерами, когда он болел, у него бывал Владимир Ильич, они с отцом закрывались в кабинете. Уходя, Владимир Ильич неизменно благодарил маму, называя наш дом единственным местом, где они вместе с моим отцом могут спокойно подумать в тишине...

А дом звенел детскими голосами.

Мои уроки истории начались не в школе, а за семейным столом, где за чашкой морковного чая в нередкие вечера сиживали в кругу нашей большой семьи Владимир Ильич и Надежда Константиновна. И хотя наша мама просила отдохнуть, не говорить о политике, помню, как оправдывался Владимир Ильич, убеждая маму, что это вовсе не политика, а жизнь...

Сколько шуток, рассказов, обращенных Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной к нам, детям, звучало за нашим столом. Детская память, как чуткая кинопленка, записывала выражения лиц, голоса, речи, смех...

Но для создания этой книги недостаточно детских и юношеских воспоминаний. Моя задача сложнее и ответственнее. Зрелым сознанием ясно понимаю: жизнь отца — это ленинская революционная школа мысли и действия, школа человечности в высочайшем смысле этого слова.

Я должен вложить в книгу самое большое мое богатство — рассказы отца нам, повзрослевшим сыновьям,— о Ленине, о работе с ним, о разговорах с ним, после которых, по словам отца, в самой трудной обстановке ясно высвечивался смелый план государственных действий. Отец старался передать нам атмосферу тех бесед и блистательную логику работающей ленинской мысли и любовно сбереженную ленинскую интонацию.

Когда отца не стало, мы, сыновья, не однажды вспоминали его рассказы, и нас тревожило, что мы одни владеем полученным с отцовского голоса наследством.

Но ведь и наша коллективная память — не документ. Смогу ли я ввести эти изустные рассказы в книгу. Без них книги не будет, они — ее живая душа.

Верный журналистской традиции, я работал в архивах.

Вероятно, каждый, кто изучал старые подлинные документы, чьи выцветшие строки и полустертые печати иной раз разбираешь с помощью лупы, знает волнующее чувство сопричастности, когда действия, решения, борьба далеких лет втягивают тебя в свой кипящий круговорот.

Я перечитывал тома Ленина, Ленинские сборники, тома Биохроники, не только изучая ленинскую продовольственную политику первых лет Советской власти, но ища подтверждения и опоры тому, что сберег из рассказов отца. Я требовательно испытывал нашу общую сыновнюю память.

Конечно, ни живой ленинский жест, ни его улыбка, ни жесткая иной раз интонация, переданная отцом, не могли найти документального подтверждения. Но конструктивная мысль, однажды высказанная Владимиром Ильичем, получает развитие в других его речах, письмах того же периода.

Три источника материалов вошли в плоть книги: документы времени, рассказы отца нам, сыновьям, и мои воспоминания. Вправе ли я сплетать мои мальчишеские свидетельства с документами эпохи?

Вот мое оправдание: у меня хранится книга-реликвия. Это экземпляр первой Конституции РСФСР 1918 года. Ее будут обогащать социальными завоеваниями Конституции СССР, когда наша Родина станет могущественной державой.

Но эта — п е р в а я.

На ее титульном листе написано рукой отца:

«Моим детям — вместо завещания. 1920 год. Москва».

Отец не вручал ее нам с высокими словами. Просто надписал.

После его смерти я нашел ее среди книг.

Эти слова для меня — будто набатный колокол. Они зовут и требуют. В них щедрость, и сила, и доверие к нам, детям. *Моим детям* — значит, всем детям, маленьким и вырастающим детям следующих поколений,— *вместо завещания...*

Отец доверил нам ответственность за то, что завоевано революцией...

Из трех его сыновей, воевавших в Великую Отечественную, лишь мне одному довелось после победы у Кремлевской стены, сняв пилотку у доски с дорогим отцовским именем, наедине с памятью, с совестью, молча отчитаться за всех троих — как мы поняли свой долг.

Имею ли я право писать?.. Вероятно, я не имею права НЕ писать, если жестокая проблема хлеба, которой служил отец, сегодня обрела глобальный характер. И в наше время миллионы людей еще голодают или живут на грани голода.

Святая обязанность социализма дать людям мир, труд, хлеб.

Мы не закрываем глаза на трудности. Они есть. Есть потому, что экономика — живой сложный организм, на который влияет много причин внутренних и внешних и который влияет на них.

Имею ли я право писать?

Прошли годы, и я узнал время моего детства и юности на страницах учебников истории. В стране нищей, разрушенной войнами империалистической и гражданской; в стране, где хлебные и топливные районы были захвачены врагом, стояли промышленность и транспорт; где миллионы крестьян, впервые получив землю, не могли ее засеять — не было ни семян, ни плугов, и Республика напрягала все силы, чтобы помочь; и когда этот же крестьянин собирал на своей земле хлеб, он, по сложившемуся за века мелкособственническому разумению, не хотел делиться им с Советской властью. И она принуждена была брать хлеб, чтобы накормить рабочих, падавших у станков от истощения, бойцов, защищавших труд, и жизнь, и землю этого самого крестьянина.

«Когда в результате ряда лет наших усилий пролетариат полностью на более высокой материальной и организационной основе разовьет это единство народного хозяйства, крестьянство оценит все великое значение той организующей принудительной работы, которую вынуждены были проводить партия и пролетариат в продовольственном деле».

На хрупкой от времени полосе газеты «Экономическая жизнь» читаю эти слова отца и слышу в них боль и надежду. Вижу ленинскую школу — в труднейших обстоятельствах действовать во имя четко понятой цели; во временных тактических отступлениях видеть наступательное движение социализма.

Народный комиссар продовольствия, в руках которого были сосредоточены все продовольственные ресурсы страны, на заседании Совнаркома упал в голодный обморок...

Читаю Ленина. Вслушайтесь! Будто сегодня сказаны эти слова: «...какие чудеса техники... приспособлены к истреблению людей... Чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей... производства — земледельческого».

Это 1918 год. Ленинские цитаты — лишь искры из пламенного потока его конструктивной мысли, строящей реальное социалистическое будущее.

Время диктует новые формы и методы продовольственной политики, дает ей неизмеримо выросшие социальные, экономические возможности и ставит перед нею новые экономические и политические проблемы. То была начальная школа социалистического хозяйства, а сейчас — высшая школа экономики социализма.

Ленинские принципы с нами. Они обращены к нашей с вами гражданской и трудовой чести. На ответственном рубеже — в решении продовольственной проблемы, на современном уровне объединяющей труд земледельца, индустрию, науку, идеологию,— ленинские принципы с нами, как нержавеющее оружие.

Ответственность за народ и перед народом определяет действия партии.

Трудное, окрыляющее чувство ответственности вело на подвиг первое поколение большевиков, к которому принадлежал отец.

Каждое время неповторимо по-своему.

Еще живы в памяти дорогие образы.

Скромные свидетельства и нетленные документы, может быть, войдут штрихами в портрет времени, осененный присутствием Ленина.

Я должен писать эту книгу...

ХЛЕБ РЕВОЛЮЦИИ

Лицом к лицу
лица не увидать.
Большое видится
на расстоянье.
С. Есенин

«Хочу есть!» — с этим просыпались, с этим засыпали мы, дети, в большой кремлевской квартире.

Октябрьская революция свершилась, когда в Петрограде было хлеба всего на один день. Враги внутренние и внешние обвиняли в голоде большевиков, взявших власть. Это было ложью. Такое наследие оставили молодой Республике бездарное хозяйничание царизма и империалистическая война. Вот записка председателя Государственной думы Родзянко Николаю II в феврале 1917 года:

«Ваше императорское величество.

...Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое... Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше. Московский городской голова сообщает... Москва скоро совсем не будет иметь никаких запасов муки. Не лучше положение Петрограда...

О провинции, на которую внимание власти обращено, конечно, в меньшей степени, и говорить нечего... Пермская губ. обеспечена запасами зерна только до половины марта... Пермской губ., работающей на оборону, в апреле грозит форменный голод... Многие рудники и заводы остались почти совсем без муки и находятся под угрозой настоящего голода... Дело продовольствия страны находится в катастрофическом положении».

...В Музее революции СССР лежит под стеклом крохотный кусок хлеба — твердый комок, похожий на глину с соломой. От него зависела жизнь человека. Моя рука хранит память об этом куске. В нашей семье ели тот же хлеб.

Через два с половиной десятилетия фашизм за 900 дней и ночей ленинградской блокады снова попытается сломить советских людей голодом. По ледовой «Дороге жизни», по Ладоге, под бомбами грузовики с хлебом и в небе груженные продуктами самолеты с пробитыми крыльями будут

пробиваться к Ленинграду, чтобы накормить 2487 тысяч взрослых и 400 тысяч детей, зажатых в кольце блокады.

Ленинград выстоит. Несмотря на утраты. Выстоит с помощью страны.

А тогда, в 18-м, 19-м, 20-м, голодала вся страна, истерзанная войной и разрухой.

Сегодня, по прошествии более шести десятилетий, потрясает трагизм телеграмм. Вот одна из них.

«15.I.1918 г. В Харьков, Антонову и Серго

Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба* и *хлеба!!!* Иначе Питер может околеть. Особые поезда и отряды. Сбор и ссыпка. Провожать поезда. Извещать ежедневно.

Ради бога!

Ленин».

Эта телеграмма была послана чрезвычайному комиссару Украины и юга России — Г. К. Орджоникидзе и В. А. Антонову-Овсеенко, командующему войсками, боровшимися против Центральной рады на Украине и с белогвардейцами на Дону и Кубани.

Еще одна телеграмма 9 мая из Кремля всем губсовдепам и губпродкомам, наркому путей сообщения:

«Петроград в небывало катастрофическом положении. Хлеба нет. Выдаются населению остатки картофельной муки, сухарей. Красная столица на краю гибели от голода. Контрреволюция поднимает голову, направляя недовольство голодных масс против Советской власти... Только напряжением всех сил советских организаций, только принятием всех мер по немедленной погрузке, по экстренному продвижению продовольственных грузов можно спасти, облегчить положение... Непринятие мер — преступление против Советской Социалистической Республики, против мировой социальной революции.

Председатель Совнаркома *Ленин*...
Наркомпрод *Цюрупа*».

В этот же день, 9 мая, на заседании Совнаркома был принят декрет о продовольственной диктатуре. 11 и 13 мая декрет утвержден во ВЦИК, несмотря на яростное сопротивление меньшевиков и эсеров.

После заседаний, стоивших сильного напряжения, предутренний майский воздух, думаю, казался отцу живительным. Он шел по Кремлю, по старой брусчатке Дворцовой

улицы. Мама у окна прислушивалась к его усталым шагам... Нет, так будет позднее, когда мы, семья, приедем к отцу из Уфы. Он шел с ночных заседаний, а мы, дети, спали. Увидеть бы сейчас его глазами все, что он видел тогда, возвращаясь. Может быть, уже золотились купола кремлевских соборов. Или только вознесшийся над городом купол Ивана Великого поймал первый солнечный луч? Может быть, уже с граем поднялись в посветлевшее небо стаи галок. Или не было птиц в той голодной Москве? Знаю, с обостренным чувством надежды он смотрел на алый флаг, струившийся над зданием Совнаркома...

О чем он думал? О хлебе. Все тяжелейшие три года — о хлебе.

И в тот предутренний час тоже.

...Конечно, продовольственная диктатура — мера вынужденная, жестокая. Но судьба хлеба — сегодня судьба революции. Значит, каждый пуд хлеба — в руки государства. У кулаков скоплены миллионы пудов зерна, предстоит брать силой оружия для спасения революции. Ну, а рядовой крестьянин-бедняк? Владимир Ильич говорит: откуда взять ему сознание того, как необходима хлебная монополия? Ему, впервые после многих столетий посеявшему свой хлеб на своей земле.

В невероятно сложный узел экономических, политических и нравственных проблем превратился продовольственный вопрос!..

Ленин сказал:

«Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле это — борьба за социализм...»

До дома, бывшего Кавалерского корпуса,— недалеко, но сердце не дает ступить ни шагу больше. Болезнь сердца держит моего отца в тисках еще с Олонецкой ссылки.

Помню его высокую, худощавую фигуру. Он гордо нес голову с легкими седыми волосами. Помню его серые внимательные глаза на мужественном лице. Когда атаковала болезнь, по лицу разливалась бледность. Если это было дома, мама взглядывала на меня, я слышал ее молчаливую команду.

— Да нет, все в порядке, правда,— убеждал нас отец и безропотно глотал поданное мною лекарство.

...В тот предутренний час он стоял в тишине Дворцовой улицы, пережидая боль. Быть может, прислушивался к звукам просыпавшегося города. Далекий гудок — началась смена где-то на заводе. Спасибо рабочим, ослабевшим

от голода, они продолжают работать. Приглушенный кремлевскими стенами стук копыт: развозят хлеб, сегодня опять пришлось урезать паек...

Это — предположение, но вот — из его рассказа: он опустил руку в карман, нащупывая облатку с лекарством, под пальцами зашелестел листок бумаги. Раскрыл. Улыбнулся. Полушутливые, полуприказные слова Владимира Ильича помогли унять свистопляску в груди, совладать с дыханием.

Какая же это была записка из тех, которые отец часто получал от Ленина на заседаниях, среди прений и споров. Может быть, эта?

«*Предписание.* За неосторожное отношение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе 1-е *предостережение* и *предписывается немедленно ехать домой...»*

Нет, эту записку отец получит ближе к осени, в августе...

«Дорогой А. Д.! Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом.

Предписание: три недели лечиться!..

Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться!

Привет! Ваш *Ленин*».

Нет, не совпадают по датам и эта, и многие другие записки, бережно сохраненные отцом, переданные нашей семьей в Центральный партийный архив. Время когда-нибудь обнаружит и ту записку, что читал отец в предутренний час.

Лидия Александровна Фотиева, секретарь Совнаркома и СТО, через много лет рассказывала, что отец пытался скрыть болезнь.

— Однажды он почувствовал себя плохо в кабинете Владимира Ильича. Чтоб не привлечь ничьего внимания, вышел. Решил зайти в будку коммутатора, там был диван, он надеялся прилечь. Но у часового в списке лиц, кто мог входить в будку для служебных разговоров, Цюрупа не значился. Я почуяла неладное и вышла вслед. Александру Дмитриевичу пришлось обратиться ко мне за помощью. Так мы узнали о его больном сердце...

В один из дней Лидия Александровна предупредила Ленина:

— Я спрашивала разрешения у Цюрупы донести вам, что у него сегодня дважды были припадки и что он доклад

делать не может. Он не разрешил, и потому меня не выдавайте.

Владимир Ильич не выдал — закон товарищества, но доклад был перенесен на другой день.

Еще записка, одна из многих:

«Тов. Цюрупа! Вид больной. Не теряя времени,— на двухмесячный отдых. Если не обещаете точно, буду жаловаться в ЦК.

Ленин».

С отдыхом у отца не выходило в те напряженные месяцы и годы, когда каждый ломоть хлеба и горсть крупы нужно было отбить у кулаков и спекулянтов, отдать в голодные руки. Отлежавшись, он уходил в Наркомпрод.

Владимир Ильич неизменно заботился об отце. Через 50 лет в «Комсомольской правде» А. П. Серебровский, в те годы заместитель наркома путей сообщения, расскажет, как в 2 часа ночи его вызвал Ленин:

— Я прибежал в Кремль и застал Ильича на ногах... Он страшно устал. Но это не помешало ему дать мне несколько распоряжений, касающихся военного снабжения. Затем глаза его как-то особенно засветились теплом, он заговорил о том, что т. Цюрупе очень трудно подниматься по лестнице, нужно устроить лифт в Совнаркоме. Я сказал, что можно снять подходящих размеров лифт в одном доме и поставить его на лестницу в Совнарком. Так и было сделано. Лицо, когда он заговорил о т. Цюрупе и его слабом сердце,— было лицо совсем другого человека, не того, который давал приказания о снарядах и патронах.

Узнал ли мой отец о причине, по которой вдруг появился в Совнаркоме лифт?

Ленин заботился не об одном отце. Он дает распоряжение о немедленном отдыхе Дзержинского, который доработался до кровохарканья; о Чичерине, который «лечиться не хочет, убивает себя»; о Воровском, которого требует «долечить и отправить в Италию»; о Менжинском, которого надо «обязать... взять отпуск»; о Кржижановском, чей «ремонт необходим и неотложно необходим».

Владимир Ильич не думает только о себе.

В наши дни я с волнением прочитал воспоминания Ивана Игнатьевича Алексеева. Бывший председатель волостного комитета бедноты в Пензенской губернии, он в 1921 году состоял в личной охране Ленина.

Заступая на пост, он был предупрежден товарищами, что Владимир Ильич давно не выходил из кабинета, рабо-

тает. «Кончилась и моя восьмичасовая смена, а Владимир Ильич все не уходил. Поздно ночью, когда я вторично принял смену, Владимир Ильич продолжал сидеть за работой. Только ранним утром он вышел из кабинета и быстрыми шагами направился по коридору в свою квартиру... Через несколько шагов Ильич повернулся и спросил у меня:

— Который час?

— Шесть часов утра,— сказал я».

Елена Дмитриевна Стасова, секретарь ЦК и руководитель секретариата, рассказывала отцу, что Надежда Константиновна и Мария Ильинична жаловались ей:

— Напряжен до крайности, ночами звонит куда-то, проверяет, сделано ли, выполнено ли. Мозг его работает непрерывно. А на просьбы отдохнуть отмахивается: «Некогда!» Помогите, Елена Дмитриевна, вмешайтесь!

Стасова обзванивала членов ЦК, подготавливала постановление: предоставить Ленину отпуск.

— Как он это принял? — спрашивал отец, улыбаясь.

— Ужасно сердился,— признавалась Стасова,— однако решению ЦК не так уж безропотно, но подчинился. И спрашивал меня подчеркнуто официально: «Когда прикажете приступить к отпуску?» А я отвечала: «Тут написано, Владимир Ильич!»

И они, два заговорщика, смеялись, Елена Дмитриевна — комично зажимая рот рукой. Нежность и тревога за Владимира Ильича были в их смехе, в их глазах. Это рассказывала мама, разговор был при ней.

...Вернусь к часу, когда отец идет домой с одного из многих заседаний, длившихся до утренних зорь в этот тяжкий и последующие трудные годы. Он входит в квартиру еще по-ночному тихую. Спят дети — трое младших и недавно удочеренная девочка из Поволжья, Гайша бика-Киреева, ее родители умерли от голода. Отец бросает взгляд на свой рабочий стол, нет ли писем от сыновей с фронта.

В кабинете отца ждет чай без сахара, ломоть хлеба. Знаю случай, когда он пил сладкий чай. Не хватило сил. Перед глазами маячили темные круги. Позвонил Петру Авдеевичу Кузько, который возглавлял секретариат наркомата:

— Неделю не видал сахара. Не найдется ли у вас один-два кусочка?

Было неслыханно, чтоб нарком о чем-то попросил для себя.

— Да, да, я сейчас! — в смятении крикнул Кузько в трубку.

— К счастью,— рассказывал мне Петр Авдеевич,— у меня нашлось несколько кусков сахара, у меня ведь дети. Я мчался по лестнице, запыхавшись влетел к наркому, принес три кусочка...

...Мы хотели есть. Но отец сказал нам твердо:

— Это не голод. Вы и понятия не имеете, что такое голод.

Иду по следам документов. Вот телеграмма, подписанная отцом:

«Страдания пролетарских детей, умирающих от голода, не нуждаются в описании. Шлите немедленно все запасы манной крупы».

Колоссальные хлебные ресурсы остались в районах, отторгнутых врагом.

Детское питание объявлено первоочередной задачей. Труднейшее положение на фронтах, Юденич наступает на Петроград. Ленин 17 мая 1919 года подписывает подготовленный наркомом продовольствия декрет о бесплатном питании для детей до 14 лет включительно, без учета классовой принадлежности их родителей, в 16 промышленных центрах.

В ночь на 13 июня — тревожная весть о контрреволюционном мятеже — измене форта «Красная Горка». В тот же день Ленин подписывает постановление Совнаркома, обеспечивающее бесплатное питание детей уже до 16 лет в большем числе районов.

На народного комиссара продовольствия возложено проведение декрета в жизнь. А это значит — заготовка новых тысяч пудов хлеба, продуктов для детских столовых, питательных поездов, детских домов, для подростков и малышей, у которых от голода пухнут животы и на маленьких исхудавших лицах под огромными глазами лежат синие тени.

В 1919 году бесплатное питание получали почти 3 миллиона детей, а в начале 1920-го — свыше 6 миллионов.

Позднее, когда засуха поразит Поволжье, Ленин подпишет декрет об организации питания во всех сельских школах.

К Ленину шли детские письма. Некоторые отец приносил домой, показывал нам. Эти письма Владимир Ильич ценил бесконечно.

4 ноября 1918-го. Пишут ученики из Новгородской губернии:

«...У нас теперь в 4-й советской школе идет дело как нельзя лучше прежнего.

1) Будут выдаваться горячие завтраки.

2) Учат всякому мастерству, рукоделию — сапожничеству и разным прочим предметам. А раньше были ли когда в помине хотя бы эти предметы? Как молотом нам вбивали закон божий в голову...

Да здравствует Российская Советская Социалистическая Республика!!!

Привет товарищу Ленину! Ура-а-а-а!!!»

Строки из письма мальчика Семена Ширяева, написанного в апреле 1920 года:

«Владимир Ильич!..

У нас в председатели прошел коммунист, но раньше у нас сидел кулак, и он было совсем задавил бедноту.

Но теперь все постановления проводятся в жизнь... Открылась столовая, и как хорошо глядеть, когда дети соберутся в гнездышке своем. А главный этого дела был ты, дорогой товарищ.

Я, 14-летний мальчик, еще мал, но я отдам все свои силы для Советской России, выросту — также запишусь в коммунисты, а пока я в Союзе Коммунистической Молодежи.

У нас организовали фронт труда, и я хожу на станционные работы, очищаю снег и проч.

Пришлите хотя весточку о Вашей работе, о чем Ваши мысли о будущем...

Дер. Антоново Богородск. у. Моск. губ.».

Кормящие матери получали продукты дополнительно. Наркомпрод взял в свои руки все склады, все запасы шоколада, какао, варенья, в том числе захваченные у интервентов в Архангельске. Манная крупа давалась только малышам до пяти лет. Еще существовавшие тогда частные торговые предприятия, кинотеатры, рестораны облагались отчислениями в фонд детского питания.

Из декрета 2 августа 1918 года:

«Принимая во внимание... нищенский паек для детей до 5 лет, Совет Народных Комиссаров постановил:

...Со дня утверждения настоящего декрета увеличить детский продовольственный паек до размера пайка взрослых».

Наркомпрод, комиссия по закупке продуктов для детей предложили провести «неделю голодных детей», обменивая в селах товары на продукты. Ленин поддержал

идею. Страна откликнулась горячо. «Недели ребенка» были проведены в 1919, 1920, 1921 годах по всей стране множество раз. В феврале 1919 года был учрежден под председательством наркома просвещения А. В. Луначарского Совет защиты детей, который работал рука об руку с Наркомпродом, Народным комиссариатом социального обеспечения, Наркоматом здравоохранения.

В голодное, трудное лето 1919 года из промышленных центров были вывезены десятки тысяч истощенных детей; они получили питание и заботу в семьях рабочих и крестьян, в детских домах и колониях, устроенных для них коммунистами и комсомольцами в районах Поволжья и Украины.

Страна, истерзанная разрухой, отдавала детям все, что было в ее силах. В адрес Совета защиты детей шли обозы и составы с продуктами, картофелем, хлебом.

Продкомиссар из Вологды под усиленной охраной выслал четыре вагона вологодского масла. Четыре вагона! Какое богатство!

Распоряжение А. Д. Цюрупы:

«Все масло — до последней унции — детям и раненым».

Прибыл вагон с просом. Резолюция Ленина:

«Если можно, прошу для детей».

Телеграмма 20 июня 1919 года в Симферополь:

«...Предлагаю все имеющиеся в Крыму фруктовые консервы, также сыр отправлять исключительно для питания больных детей севера Великороссии в адрес Компрода...

Предсовобороны *Ленин*».

В Саратове на экстренном заседании Совета помощи детям выступил народный судья С. А. Королев:

— Нужно не единовременное отчисление, а периодическая отправка маршрутных поездов со съестными припасами, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить участь нашего будущего коммунистического поколения. Это не будет великодушие — мы исполним нашу обязанность.

Решили: «Отчислять по четверти фунта от каждого пайка в течение недели — со всех без исключения граждан города Саратова».

Еще один интересный факт: после уроков саратовские школьники колоннами шли к театру. Давали «Золушку». Вместо билета каждый зритель нес мешочек с сухарями. Ребята сами придумали такой порядок. Сухари вез в Петроград первый эшелон — 13 вагонов муки, 2 вагона манной крупы, 10 вагонов с рыбой, сухари и разные про-

дукты. Поезд шел 13 суток. Добывая топливо для паровоза, сопровождавшие эшелон валили лес. Водокачки не работали, снег носили ведрами. Выдерживали стычки с бандитами. А всего пришло за короткий срок 60 вагонов от саратовцев детям Москвы и Петрограда.

Из записки В. И. Ленина А. Д. Цюрупе:

«...Может быть, еще что-либо взять и сделать для детей? *Надо бы...*»

Посылки шли со всех концов страны на имя Ленина. И на имя моего отца тоже. Были ли это вагоны с продуктами, или узелки с домашней снедью, все отправлялось в детские дома.

Отдавая детям первый глоток молока и первый кусок хлеба, задыхаясь в огненном кольце фронтов, сокрушая силы империалистических держав, в 100 раз (сто!) — это ленинские слова — превышавших наши силы, Советская власть думала не только о хлебе насущном для ребят, она думала об их завтрашнем дне, о том, какими они вырастут, она строила для них культуру. В нищей, голодной стране 13 тысяч новых школ открылись в помещичьих и кулацких домах, почти на 2 миллиона выросло число учащихся. На стенах домов был вывешен декрет: для сознательного участия в политической жизни страны все население от 8 до 50 лет обязано учиться грамоте на русском или родном языке.

Мне было семь лет, когда отец рассказал дома, что произведения классиков Советская власть объявила собственностью народа. Из классической литературы я знал «Муму» И. С. Тургенева, и в мою мальчишескую голову влетела уверенность, что теперь-то уж Муму не утонет никогда!

С мая 1918 по май 1919 года книги классиков были напечатаны тиражом более 8 миллионов экземпляров. А. В. Луначарский писал, что для этих книг «потребовалась бы полка, равная расстоянию от Москвы до Петербурга. Пусть с этой колоссальной полки снимают мозолистые руки крестьян и рабочих томы, написанные когда-то именно для них великими русскими писателями, но до сих пор до них не доходившие».

Мы, дети, присутствовали при *сотворении мира* и не догадывались об этом. Мы хотели есть.

Однажды брат Дима и сестра Валя вернулись из школы в слезах. Ребята не давали им прохода:

— Вы, комиссарские дети! Ваш отец виноват, что нас плохо кормят!

Отец молча слушал их горькие жалобы. Погладил Валю по ее темноволосой, с длинными косами голове, сказал мягко:

— Не обижайтесь на них, они не виноваты, они голодны...

Было ли у нас дома лучше?

После уроков примчавшись с девочкой домой, помню, Валя шарила в шкафах в поисках съестного. Шкафов было много в квартире, ранее принадлежавшей барону Фредериксу, министру двора, ведавшему дворцовыми церемониями, когда царь приезжал из Петербурга в Москву. Апартаменты шли анфиладой, но ее перегородили, и в следующих комнатах жили семьи других ответственных работников. Итак, шкафов было много, но съестного в них — ни крошки.

Во взрослые годы та девочка, что приходила с Валей, призналась:

— Я думала: вот уж наемся досыта. Меня ошарашило, когда увидала, что у вас дома еще хуже, чем у нас...

Валя, боевая девчонка, ходила в красной косынке, состояла в ЧОНе (части особого назначения). Шла гражданская война, в городах орудовали враждебные элементы. Комсомольцев обучали военному делу: учили стрелять, занимались строевой подготовкой. Преграждая путь подводам и редким автомобилям, ребята по-пластунски ползали по мостовой, мчались в атаку, крича «ура». Валя кричать стеснялась, у нее получался писк...

В тот час, когда девочки прибежали к нам домой, ел я один, младший. Я еще не ходил в школу, так как не окреп после путешествия по детским приемникам для беспризорных по пути из Уфы. С тарелкой супа, оставленного мне мамой, я расправился. Сидел на подоконнике с моим куском черного хлеба, намазанным (трудно сказать откуда взявшейся в доме) горчицей.

Вскоре отец стал брать меня с собой в Наркомпрод, в Верхние торговые ряды (ныне ГУМ). Мы вместе выходили из Спасских ворот, часовые отдавали честь народному комиссару, отец отвечал, и я прикладывал руку к шапчонке. Я хотел быть часовым. Став постарше, я хотел быть курсантом кремлевской школы имени ВЦИК и, как мой брат Петр, нести караульную службу на посту № 27, охраняя Ленина. Но это — потом. А сейчас я шел с отцом по Красной площади и оглядывался на часового. Он был мой знакомый. Однажды, когда я был один, он долго раз-

глядывал фамилию на моем пропуске, а возвращая, сказал:

— Ишь ты! Курносый, в точности, как мой братеник.— И вдруг спросил: — А правду говорят, что комиссары по осьмушке хлеба получают? — Я кивнул. Он покачал своей папахой: — Меньше, чем мы, красноармейцы.— И оглянувшись, сунул руку под полу шинели и достал и вложил мне в ладонь ржаную лепешку.— И валяй отсюдова скорей,— сказал он мне тогда,— я из-за тебя устав службы нарушаю...

В кабинете отца я устраивался на глубоком подоконнике и смотрел на Красную площадь. Иногда строем проходили красноармейцы с винтовками, на головах — островерхие шлемы с красными звездами, на ногах — обмотки. Шли с песней. Однажды отец стал рядом со мной у окна, проводил их взглядом, сказал:

— Любо поглядеть, крепкие башмаки. А сколько еще воюют разутыми, чуть ли не в лаптях...

Увидал, что я гляжу на него во все глаза, пообещал:

— Обуем. Всех обуем. И вооружим. И накормим.

Иной раз, к моей радости, проезжал конный взвод, цокая копытами. Или, скрежеща колесами, проходил грузовой трамвай с дровами, ящиками или мешками. Для пассажирского движения у столичной электростанции не хватало энергии, не было топлива. Какой праздник настанет для нас, мальчишек, когда пустят по московским улицам трамваи и они побегут с веселыми звонками. Мы не знали, что трамвай принесет в нашу семью горе...

Красная площадь за окном была огромной. Еще не было Мавзолея. Да, его еще не было!.. Под Кремлевской стеной зеленела припорошенная снегом трава на могилах борцов революции.

Я сидел на подоконнике в кабинете народного комиссара и играл без игрушек. Это уж потом я получу по ордеру с печатью самокат, доску на колесиках, и мы с ребятами будем гонять мимо Царь-колокола и Царь-пушки. И в школьные годы нам, кремлевским мальчишкам, детям сотрудников правительственных учреждений, выдадут по просьбе Ленина настоящий футбольный мяч, вместо тряпичного, который гоняли по плацу, когда там не шли строевые занятия или конные выезды курсантов школы имени ВЦИК (тогда она называлась Первая Московская революционная пулеметная школа). Впрочем, тряпичный мяч сшили старшие мальчики, а мы, мелюзга, обходились чуркой...

На подоконнике в отцовском кабинете мне не хватало оловянных солдатиков, оставленных в Уфе. Но мы с 12-летним Димой уезжали из Уфы ночью, поспешно, когда на другом конце города уже шла стрельба. Мама с Валей уехали из освобожденной Уфы раньше, знакомые должны были нас привезти вслед, но белые опять прорвались в город.

Уфа переходила из рук в руки. Ее захватывали белочехи, колчаковцы, дутовцы. Красная Армия снова гнала врагов из города. После первого освобождения Уфы Фурманов писал: «А сколько здесь было расстреляно красных, знают только белые жандармы да темная ночь».

И вот снова враг у ворот города. Детей Цюрупы знакомые люди укутали, усадили в розвальни, довезли до железнодорожной станции; поверх голов толпы, атакующей эшелон, через окно сунули в вагон. Только мы стали на пол меж скученных тел, упираясь носами в чьи-то кожухи и мешки, как начался обстрел, и нас вытащили обратно.

Недавно мы с сестрой Валей точно установили, когда они с мамой покинули Уфу: на какой-то станции они побежали на привокзальный рынок купить хлеба — пресные, без соли, лепешки. Возвращались к вагону, когда стали гудеть паровозы, все движение замерло. Железнодорожник сказал, что в Германии зверски убиты Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Это было 15 января 1919 года.

А нас с Димой везли позже. Помню езду в кибитке по заснеженной башкирской степи под темным небом. Нас, комиссарских детей, которым грозила расправа, переправляли через фронт. Согревались кипятком из железных кружек. На каком-то перегоне — обстрел, скрежет тормозов, крики. Бежим, спотыкаясь о шпалы. Мы отбились от знакомых людей. Как во сне — детские приемники, детские дома. Мы потерялись. Каким-то чудом нас нашли. И вот — Москва, автомобиль, впервые увиденный, куда-то несущиеся отражения огней в стеклах. Кутафья башня, и часовой в косматой папахе накалывает на штык наши пропуска...

Где было перед отъездом вспомнить об оловянных солдатиках.

Играю коробками из-под духов, подобранными для меня заботливой сотрудницей в заброшенных торговых рядах. Я их ненавижу, атлас цепляется за мои шершавые пальцы и вдобавок пахнет духами. Сотрудница шепнула

мне дружески, что коробки эти похожи на кареты сказочных принцесс. Конечно, раньше она была девчонкой, потому и рассуждала по-девчоночьи.

Подумаешь, принцессы! Я ответил громко, что всех принцесс вместе с царями и королями мы свергнем.

Отец, оторвавшись от дел, стал хохотать. (Редко он смеялся в ту пору!) У него был заразительный, ясный, молодой смех, и все смеялись вокруг. Он сказал, что я максималист.

В кабинете шли заседания, звонили телефоны. Люди докладывали, просили, требовали. Выдержанный, ровный голос отца иногда отвердевал, я оборачивался, видел, что он бледнел, обозначались желваки под кожей исхудалых щек. Мне хотелось подойти, ткнуться лбом ему в грудь. Но я не смел.

Когда он говорил с Владимиром Ильичем, все затихало вокруг.

— Понял. Согласен, Владимир Ильич. Проверю тотчас.

Или неуступчиво:

— На мостовых хлеб не растет. Мы им дадим хлеб, но не в Москве. Вагоны застряли на такой-то станции. Возможно, саботаж. Возможно, придется отбивать силой. Нет, Владимир Ильич, увольте: не могу более отрывать от голодного пайка московских рабочих.

Слушал, мрачнел:

— Для детей? Да, конечно. Завтра опять уменьшим норму выдачи. Пусть приходят, сделаю все, что в моих силах.

«Хлеб... хлеб... железнодорожные составы... кулаки подожгли, кулаки сгноили... вооружить продотрядовцев... хлеб... Взять, доставить, распределить...» — звучало в кабинете с утра до вечера. А с вечера до утренней зари — уже на заседаниях Совнаркома, этого, естественно, слышать я не мог.

— Что ты там мурлычешь? Что за песня? — однажды спросила меня мама, вернувшись с работы.

Я стал соображать, что я пою? Оказалось, пою на свой мотив услышанное в кабинете отца: «С бедняка — ничего, с середняка — мало, с кулака — много». А один приезжий сказал отцу: «А мы на свой лад: «Не тронь бедняка, не обидь середняка, не щади кулака». Вот эти оба варианта я и пел.

Мы с отцом ходили обедать в наркомпродовскую столовую. В ней было людно. Питались все — сотрудни-

ки, мой знакомый курьер, и члены коллегии Наркомпрода, и люди, приезжавшие из разных краев; часто мои ноги стояли на торбах, которые они задвигали под стол.

На раздаче отцу старались налить лишнюю тарелку для меня.

— Что сыну положено, он получит дома,— отказывался отец.

Мы с ним ели вдвоем его обед. Суп из селедочных голов или мелкой тюльки и кашу. Взрослые говорили, что пшено горчит, но, по-моему, все было прекрасно.

Здесь, как и в небольшой кремлевской столовой (она была организована после голодного обморока отца). По свидетельству Л. А. Фотиевой, Владимир Ильич предложил устроить столовую сперва человек на 30 — «наиболее отощавших, наиболее оголодавшихся», где мне тоже не однажды пришлось есть с отцом его обед. За длинным столом велись веселые споры: как называть эту пшенную кашу — каша без всего? Каша без ничего? Или каша с ничем?

Эту шутку повторяли у нас дома при каждой трапезе. Но тогда, в столовой, мне понравилось, как один приезжий дядька, выскребая жидкую кашу деревянной щербатой ложкой из тончайшей, с фарфоровыми кружевами тарелки, сказал:

— По-царски едят. Крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой.

— Недокаша, пересуп,— ответил другой кратко.

Ясно помню эту столовую, разномастные тарелки, стук ложек. Помню людей и голоса. И роскошную бороду Отто Юльевича Шмидта, в будущем — известного исследователя Арктики.

В нашей семье Отто Юльевича любили и уважали задолго до того, как он стал героем, увенчанным славой академиком. Отец рассказывал, что, когда бывший наркомпродом до отца А. Г. Шлихтер в Петрограде в первый день работы пришел в Аничков дворец — в прежнее министерство продовольствия — он не нашел ни одного служащего. Забастовку вдохновил меньшевик Громан и его единомышленники, с Февральской революции державшие в своих руках заготовки и снабжение. Вот тогда и предложил свою помощь народному комиссару Шмидт, молодой ученый, статный богатырь, и привел с собой пятьдесят служащих.

Я часто видел Отто Юльевича у нас дома и тут, в Нар-

компроде. Помню его лучистые глаза и как он спрашивал у отца про меня:

— Что это он у вас такой неулыба?

Помню в столовой члена коллегии Алексея Ивановича Свидерского. Как бы ни были люди усталы, поглощены едой, стоило ему появиться, как с ним появлялся смех. Он был остроумнейшим человеком. Но кроме того, с ним всегда что-нибудь приключалось. Вещи ему были непокорны. То вилка оказывалась у него под локтем, то шнурок от пенсне запутывался о пуговицу. Он сам над собой посмеивался.

Алексей Иванович еще с Уфы был женат на сестре нашей мамы — Людмиле Петровне. Мы, ребята, часто бывали у Свидерских. Сам он был испытанным революционером, товарищем отца по ссылке, по «Искре», по Уфимскому ревкому.

Сейчас, в столовой, Алексей Иванович отдал мне свою ложку (их не хватало), а сам ждал. Помню его рассказ про чижей и канареек,— кому из ребят не интересно узнать про птиц! Недобро прищурившись за стеклами пенсне, Свидерский рассказал про уфимскую кадетскую газету. В ней «с мерзким злорадством», сказал он, сообщают, что любители певчих птиц скармливают канарейкам и чижам зерна больше полфунта в месяц, а в красной столице взрослый едок получил за четыре месяца всего по 2 фунта, чем не поддержишь жизнь даже одной канарейки. Вот какая арифметика...

И все замолчали за столом.

Еще помню в столовой доброго Петра Авдеевича Кузько. Отец сказал мне при нем:

— Ты не гляди, что Петр Авдеевич с виду человек тихий. Он командовал ротой на Кавказе в царской армии и стал первым председателем Совета солдатских депутатов в селении... как оно?

— Алхалгалаки Горийского уезда,— улыбаясь, подсказал Кузько.

— А вообще, Петр Авдеевич человек, у которого нам всем надо учиться обязательности и точности,— сказал отец.

Помню и Моисея Ильича Фрумкина, члена коллегии Наркомпрода, заместителя отца, добрейшей души человека. Это уж я много позднее узнал о его революционной биографии, о том, что он вел подпольную партийную работу по многим городам России, в партии он, как и отец, с года ее основания, работал в органах Советской власти

в Сибири. Позднее станет заместителем председателя Сибревкома, потом заместителем наркома внешней торговли, заместителем наркома финансов.

Ничего этого я не знал, а видел хорошо мне знакомого человека, мягкого и приветливого, очень заботливо относившегося ко всем приезжим товарищам. И только один раз я услышал, как он тихо, строго сказал одному из них, который все заговаривал с отцом и пытался открыть свой большой портфель:

— Прошу. Здесь никаких служебных разговоров. Мы все должны помочь ему отдохнуть хоть эти обеденные полчаса...

Кажется, всех помню... Но — причуды детской памяти — отца, который сидел рядом, касался меня, чья рука отламывала мне от его куска еще кусок хлеба (если хлеб был), вот отца здесь, в столовой, не помню. Чувствую его рядом, слышу голос, а не помню. И потому привожу рассказ из книги писательницы Елизаветы Яковлевны Драбкиной «Черные сухари»:

«Получив обед, он бережно ставил тарелки на стол и съедал все до последней крошки. Потом он несколько минут сидел, положив на колени желтые костлявые руки, видимо не имея сил подняться.

Он говорил тихим, глуховатым голосом и производил впечатление мягкого, уступчивого человека. Но какой непреклонной волей звучал этот голос, когда под вой и улюлюканье правых эсеров и меньшевиков, требовавших объявления свободной торговли и повышения цен на хлеб, Цюрупа заявлял, что Советская власть никогда не откажется в угоду кулакам от хлебной монополии».

Через много лет мы с Елизаветой Яковлевной, уже не молодые люди, смею думать — друзья, говорили об отце. Она сказала:

— У вас руки похожи на отцовские... Обязательно напишу о нем. Как, пообедав, он извечным крестьянским движением сгребал в ладонь хлебные крошки со стола, откинув рано поседевшую голову, ссыпал их в рот. Приходил в столовую замкнутый, неулыбчивый, да и правду сказать, сейчас даже нам, пережившим это, трудно представить — как можно было пережить и победить... Поев, он сидел неподвижно, и словно бы душа его оттаивала, он начинал видеть окружающих, разговаривал мягко. Никогда к нему в столовой не обращались по работе. Щадили.

— Вы, значит, были тогда совсем мальчишкой? — удивилась она.— А мне было восемнадцать. Я уже работала в

приемной Якова Михайловича Свердлова. Прошел человек сквозь ссылки, предательства провокаторов, побеги, подполье. «Пролетарский вождь»,— назвал его Владимир Ильич... Завоевал любовь всего народа. И погиб в несколько дней от «испанки», гриппа, не дожив до 34 лет... Ваш отец любил его. Его любила вся партия, кроме отщепенцев, против которых он дрался без пощады... Пришлось вам когда-нибудь с ним говорить, видеть его улыбку?..

Я ответил, что пришлось. Разговор был короткий. Мы с ребятами гоняли по снегу чурку. Она застряла в высоком сугробе — снег в Кремле не убирали. А мимо быстро шел Яков Михайлович. Он оценил ситуацию, сказал:

— Эх вы, сапоги! — Достал из сугроба наш «мяч» и, смеясь глазами из-за стекол пенсне, лихо, по-мальчишески запулил чурку в небо. Вот так и поговорили.

Помню, как после похорон Якова Михайловича сидели у нас дома Владимир Ильич, Надежда Константиновна, отец и мама — молчали.

Кончив обед, мы с отцом поднимались по лестнице, шли по верхней галерее пустых торговых рядов. Теперь на стене ГУМа, на улице 25 Октября, висит мемориальная доска, рассказывающая новым поколениям, что здесь находился штаб борьбы за хлеб, Комиссариат продовольствия, руководимый видным государственным деятелем, соратником В. И. Ленина, народным комиссаром Александром Дмитриевичем Цюрупой.

...Потом уже отец больше не брал меня в Наркомпрод, я учился в школе, мы приносили обед в судках из столовой.

Стало ли у нас сытнее? Наверно. Но на второе брали только котлеты, их на порцию давали по две штуки и можно было разделить на всех. Это уже благополучное время — котлеты!

Дело в том, что нас, детей, всегда в семье было много. С 1920 по 1925 год прибавилось у нас четыре девочки. Сперва — Гайша. Перед ее приездом отец сказал нам:

— Она будет вашей сестрой. Отнеситесь к ней так, чтобы она не чувствовала, что она приемная девочка.

Затем поселилась у нас дочь папиного соученика, умершего от туберкулеза. Потом один сотрудник привез с Урала 15-летнюю Пишу, Епистимию, сироту, которая хорошо пела. Пиша жила у нас, пока повзрослела, ее приняли в интернат музыкальной школы.

А еще раньше в нашу семью вошла Аля. В Уфе умерла мамина двоюродная сестра, оставив дочку. Ее отец с семьей не жил.

Папа написал ему, вот это письмо лежит передо мною:

«Дорогой Федор Лаврентьевич... Мы знаем, Вам безмерно трудно... Мы предлагаем: пусть Алечка переезжает к нам: мы приютим ее как родную дочку; дадим ей все, что сможем дать,— все, что даем и своим детям, поместим в учебное заведение... Просим Вас согласиться. Письмо это шлю в нескольких экземплярах, разными путями, чтобы оно непременно достигло Вас...»

Алечка жила у нас всегда, вплоть до замужества. Первая из детей получила высшее образование, с годами стала заслуженной учительницей Республики — Александрой Федоровной Бобковой.

Так что семья у нас всегда была большая. А отец получал сравнительно небольшую зарплату, «партмаксимум».

Однажды — это еще в 1919 году — Владимир Ильич пришел к нам в час обеда. Отца не было. Владимир Ильич решительно отказался от еды, посидел с нами, пошутил.

И вот нежданно-негаданно для отца — записка, посланная Владимиром Ильичем 15 мая 1919 года в Президиум ЦИК:

«Цюрупа получает 2000 руб., семья 7 чел., обеды по 12 руб. (и ужин), в день $84 \times 30 = 2520$ рублей.

Не доедают! Берут *4 обеда,* этого мало. Дети — подростки, нужно *больше,* чем взрослому.

Прошу увеличить жалованье ему до 4000 руб. и дать сверх того пособие 5000 руб. единовременно семье, приехавшей из Уфы *без платья.* Прошу ответить.

Ленин»

Это про нас с Димой! После ленинской записки нас обмундировали! По ордеру! Сестра Валя вспоминает мальчишеские рубахи и штаны из простой ткани, которые не раз стирала для нас, младших. Но я-то помню другое: я получил суконный шлем с красной звездой, и, хоть он налезал мне на уши, не было предела моей гордости. Я повесил над кроватью листовку, выпущенную в 1918 году Реввоенсоветом, я считал, что она теперь имеет ко мне непосредственное отношение:

«Смотри, товарищ! Вот Красная Звезда! Она — отличительный знак красноармейца... На красноармейской звезде изображены плуг и молот. Плуг — пахаря-мужика.

Молот — молотобойца-рабочего. Это значит, что Красная Армия борется за то, чтобы звезда правды светила пахарю-мужику и молотобойцу-рабочему, чтобы для них была воля и доля, отдых и хлеб, а не одна только нужда, нищета и беспрерывная работа. Все под Красную Звезду, товарищи! Она есть звезда освобождения всех трудящихся от голода, войны, нищеты и рабства. Она есть звезда счастья...»

А есть все равно хотелось. Это чувство не отвязывалось до ночи.

Помню случай, поразивший меня, мальчишку, до глубины души. Что-то мне понадобилось в отцовском кабинете. Дверь была открыта, но, не дойдя до нее, я словно споткнулся, услышал жесткий, неузнаваемый голос отца. Он говорил по телефону:

— Если не выполните, я прикажу вас расстрелять.

Он положил трубку на рычаг и поднял голову. Его лицо было не только гневным, оно было страдающим. Понял ли я тогда, что отцу трудно быть жестоким, но другим сейчас он быть не может?

— Саботажник,— затрудненно переводя дыхание, сказал он.— Негодяй. Прости меня, сынок.

Речь шла о задержке хлебных маршрутов для голодающих.

На заседании Совнаркома Александр Дмитриевич Цюрупа потерял сознание. Взволнованный Владимир Ильич распорядился срочно вызвать врача. Врач установил голодный обморок.

...Наверно, все помнят эпизод в фильме «Ленин в 1918 году». Большевик Василий приводит эшелон с хлебом и теряет сознание от голода. Автор сценария Алексей Яковлевич Каплер говорил мне, что истоком этого эпизода послужила биография моего отца. Я благодарен ему за это. Но хочу сказать, что не эшелон хлеба, а продовольственные ресурсы всей страны были в руках ленинского народного комиссара Цюрупы. Потерял сознание от голода человек, которого партия наделила чрезвычайными полномочиями, властью хлебного диктатора.

Через многие десятилетия, в наши дни, в зал заседаний Совнаркома пришла экскурсия. У портрета наркома продовольствия, первого заместителя Владимира Ильича по Совету Народных Комиссаров и Совету Труда и Обо-

роны, участники выслушали рассказ о голодном обмороке.

И вдруг один из присутствовавших сказал:

— Вот чудак!

Недоуменные, возмущенные слова и взгляды были достойным ответом сегодняшнему нашему сытому, благополучному современнику.

Я думаю, слышал ли этот человек — юный или зрелый — о том, что Ленин отчитал сотрудницу за попытку увеличить ему порцию хлеба на несколько граммов, когда голодал народ?

Знает ли о подвиге — политическом, организационном, боевом, нравственном, просто человеческом подвиге людей ленинской выучки, людей, близких Ленину, о подвиге, который они вершили для народа и его детей, для будущих поколений и, значит, для этого человека тоже? Слово, кощунственно сказанное им, взволновало многих.

Вдохновенными строками, посвященными отцу, ответил поэт Степан Петрович Щипачев:

Жестокая правда далеких лет.
В железной разрухе голодные зимы...
В партийных решениях — неразделимы —
звучали слова:
Революция!
Хлеб!..
И пусть те слова, что с тех пор берегу,
касаются сердца, просты, вдохновенны,
как красное знамя касается губ,
когда присягают, упав на колено.
Их телеграфисты в тифозные ночи
выстукивали.
И все «срочно», все «срочно».
Выстукивали,
чтобы с ленты
они уходили
в преданья, в легенды.
Они с прямотою кремлевских шифровок
расскажут о времени том суровом.
Чтоб где-то грузили
то хлеб,
то крупы,
чтоб где-то охрана была у моста,
чтоб вовремя в Питер пришел состав,
усталый, больной Александр Цюрупа

в бессонных ночах забывал о себе.
Все думы о хлебе,
о трудном,
о черном,
о завтрашней
снова
осьмушечной норме
все с тою же примесью отрубей,
о жесткой,
своровaнной где-то
корке
у беспризорника
в горстке.
Сквозь пули бандитов,
сквозь мглу расстоянья
он хлеб эшелонами гнал в города,
а сам доходил
от недоеданья
до обморока иногда.
...Сегодня берем
пеклеванный и ситный.
В пекарнях
румяные хлебы —
в ряд.
О, как я хочу,
чтобы все были сыты!
Вот только боюсь,
чтоб кому-то сытость
на прошлое
не затуманила взгляд.
Нарком!
И сейчас это твердое слово
звучит картаво чуть-чуть и сурово,
как Ленин произносил тогда,
в те пламенные года.

Светла революция именами
и самоотверженностью высока.
Я счастлив, что не изменила строка,
что жизнь осеняет мне
то же знамя,
того же
рукою
касаюсь древка..

„УНИВЕРСИТЕТЫ"

В книгах и статьях об отце его часто называют «интендантом революции». Полагаю, это слишком мирное имя. Он был боец. Об этом говорят документы, сохранившие его голос, его слово — действие:

«Вы на трупах братьев строите для себя дворцы, у вас не станет поперек горла кусок хлеба, отнятый у забитого, бессильного перед вами труженика... Нет для вас пощады, нет и достойной кары».

В ученическом рукописном журнале «Пробуждение» это пишет учащийся Херсонского сельскохозяйственного училища, в просторечии «земледелки»,— Александр Цюрупа. Ему 21 год. Он взял на себя редакторство журнала.

Встревоженные донесения полиции:

«...Направление журнала «Пробуждение» резко изменяется, и вместо прежних, невинных беллетристических упражнений учеников в нем помещаются статьи тенденциозного и преступного содержания, написанные вовсе не ученическим, а вполне выработанным слогом и изобличающие в авторах их основательное знакомство с революционным движением и его литературой».

Минует четверть века после того юношеского выступления. Год 1917-й, ноябрь. Всероссийский продовольственный съезд, созванный эсерами и меньшевиками. Бывшее министерство продовольствия, дело снабжения и заготовок после Февральской революции — в их руках.

В переполненном зале — всего один большевик, председатель Уфимской продовольственной управы и губернского продовольственного комитета — Александр Дмитриевич Цюрупа. Еще не передохнув после многодневного пути в теплушке из Предуралья, он поднимается на трибуну.

Читаю стенограмму и, кажется, слышу, чувствую, как отец собирает в кулак все мысли, всю волю, приготовившись к схватке.

— ...Вы утверждаете, что с момента захвата большевиками власти на местах нет подвоза хлеба. Я утверждаю,

что это неправда!.. Подвоз страшно сократился... вследствие того, что сидевшие в министерстве и вы, руководители продовольственного дела, вы, на которых лежала обязанность выработки плана и осуществления программы, вы ничего... не сделали. Вы повинны... Вы не думайте встать в красивую позу, умыть руки... Мы этого не позволим, и если будет кровавая бойня, то мы скажем, что вы в братской крови умыли руки, мы этого не забудем... вам не забудет этого история.

Вы призывали здесь к прямой борьбе с большевиками. Вот это прием правильный. Нечего в прятки играть... Вы призываете к забастовке. И вот я вас спрашиваю: неужели вы посмеете это сделать... когда 10 миллионов голодают? Подвергнете смертельной опасности 10 миллионов людей? Нет, мы вас не допустим это сделать.

Читаю строки стенограммы и слышу, как привычный, мягкий голос отца здесь, в бою, на трибуне, стал гневным и жестким:

— Продовольственный аппарат, который находится в ваших руках, кормящий плохо ли, хорошо ли, по кормящий миллионы людей,— употребить этот аппарат в качестве орудия политической борьбы недопустимо... нечестно, вам этого не позволят сделать!

Четверть века, пролегшие между юношеским выступлением и этим гневно звучащим сейчас с трибуны, пройдены в революционной борьбе, под навсегда решившим его выбор влиянием Ленина.

Отец говорил нам, сыновьям: «Человека делает действие».

Тут, на трибуне, было действие — борьба за хлеб. Это еще самое начало. Стране Советов три недели от роду. Впереди непомерно трудная битва на фронтах — военном и продовольственном.

Я помню отца только седым. Мама говорила, что он поседел почти сразу, когда по приказу партии принял на свои плечи сверхчеловеческую ответственность — накормить разоренную страну, каждого ее бойца, каждого ребенка.

Отец был назначен народным комиссаром продовольствия, когда от хлеба зависела судьба революции.

Он умер в 1928 году пятидесяти восьми лет. Мне шел семнадцатый год. Еще предстояло не скоро понять, как это немного — пятьдесят восемь. Но Владимир Ильич умер еще раньше, в пятьдесят четыре года. Они родились с отцом в один год, в 1870-м.

Отца помню с Уфы. Помню, в 17-м году, еще до Великой Октябрьской революции, он шел с нами, с детьми, в первом ряду первомайской демонстрации, я, пятилетний, сидел верхом на его плечах. По обе стороны шагали 12-летняя сестра Валя и 10-летний Дима. Народу была уйма. Помню веселый, громкий голос отца:

— Товарищи! Надо пройти по всем рабочим окраинам! — И меня мотало на его плечах, когда кончились мощеные улицы. Портретов Ленина в Уфе еще не было, несли кумачовые лозунги, из окон вывешивали что у кого было красное — ковры и даже одеяла.

Позже папа привез домой фотографию Ленина...

Еще помню, как в тот год отец брал меня из Уфы верст за 35, на Узенский хутор, где раньше работал управляющим. Радуясь встрече с местами ему дорогими, он, смеясь, подбрасывал меня в воздух сильными руками. Вижу его запрокинутое, мужественное лицо. Доверив вожжи, сжав мои руки в жестких, ласковых ладонях, он вез меня па тряских дрожках. Ссадил в поле, где колосья были выше моей макушки, растер колос, отшелушив ость, и ссыпал мне в руку зерна.

— Хорош? Это сорт «кугушевка», мы его тут сами вывели.— И, оглядывая степной простор, мягкие очертания холмов, добавил:

— На этой земле, сынок, мне славно поработалось...

Мы с ним ездили в луга, к лошадям. Он оглаживал их, что-то ласково приговаривал. Они узнавали его, приветствовали тихим ржанием, отец радовался. Подсаживал меня: «Держись, сынок, за холку!» — и лошадь послушно шла за ним, а я вцеплялся в гриву, сжимая скользящими ногами крутые конские бока,— стремян не было. Да я и не дотянулся бы до них.

Очень запомнилось (потому что испугался), как отец сказал:

— Если мне придется, сынок, надолго уехать, берегите маму.

— Куда уехать? Зачем? Не надо!

Недолгие сроки отделяли этот наш день, жаворонков, звенящих над степью, избы крестьян, уважительно кланявшихся моему отцу, весь огромный мир России от Великой Октябрьской социалистической революции.

Узенский хутор. Мы побывали здесь с отцом и раньше, зимой, когда посаженный отцом сад возле княжеского дома был пушистым от изморози. Так и запомнилось: белый, сверкающий сад под синим зимним небом без едино-

го облака. В Средней России редко бывают такие синеокие крутые зимы, как в Предуралье.

Рубленый дом вовсе не походил на княжеское поместье. Кугушевы приезжали сюда из Самары только на рождество, устраивалась елка для окрестных ребят. А мы жили тут постоянно.

— Вот сюда я привез тебя с мамой из Семеновки, когда ты родился. А вот тут жили твои старшие братья — Митя и Петя, а тут Валя, Димка. А здесь была мамина аптечка.

Наша мама до Бестужевских курсов кончила фельдшерскую школу. Не со всякой бедой женщины из деревень обращались к доктору в Семеновскую больницу; порежется кто косой, ребята поколются стерней, животом ли кто мается — шли к нашей маме.

— А кто жил в этой комнате? — спросил я, прыгая па пружинной сетке одной из трех незастеленных кроватей.

— Тут жили товарищи,— скупо ответил отец.

...Уже в Москве, в Кремле, к нам приедет Ян Антонович Берзин, отбывавший с отцом Олонецкую ссылку. После революции он стал народным комиссаром просвещения в Советской Латвии, был нашим полпредом в Финляндии и Австрии. Он скажет моей сестре Вале, уже взрослой:

— А мы с вами встречались. Я гостил у вас на Узенском хуторе. Помните? У вас уже были довольно длинные косички.

Но Валя не вспомнила. Люди, приезжавшие к отцу, не всегда обнаруживали свое пребывание в доме.

Димка слышал, как однажды отец сказал маме:

— Маня, позаботься об этом товарище, он совершенно измучен.

А товарища этого никто из ребят так и не видел.

Для детей это была пора, полная беготни, степного ветра и солнца или высоких снегов и скрипа полозьев. Шумные купания с брызгами и визгом на реке Уршак и в узенькой речке Узени. Берег порос тенистыми ветлами. За ними — деревня Бекетово, та самая, из которой в 1921 году наш отец пригласит ходоков к Ленину.

Говорят, что я помнить не могу, мал был, но я помню поездки всей семьей — одних детей пятеро, четыре сына и дочь — за семь верст в Семеновку, там при земской больнице в семье доктора А. П. Файвилевича тоже было четверо ребят. Наши родители дружили домами. Ехали в Семеновку на длинной линейке, я — у мамы на руках, и пусть мне не рассказывают, что я не помню! Я помню,

как, спускаясь к запруде, лошади упирались, прядали ушами, пугаясь шума воды, и я пугался вместе с ними. Чавкала мокрая гать. Лошади выносили линейку на другой берег, в жаркую холмистую степь...

На Узенском хуторе летом отец ходил в белой рубашке навыпуск, под ремешок, и в сапогах или брезентовых туфлях. Мама рассказывала, как сердилась за то, что он норовил уехать в поля без картуза, боялась — напечет голову.

— Надену, Маня, надену,— и совал картуз под локоть.

Могли ли дети догадаться о невидимой, опасной, подпольной работе, которая шла тут, рядом, протягивая все новые связи за пределы уезда, губернии, по стране, за границу. Живые нити связывали нашего отца с партией большевиков, с Лениным.

У нас в Узенском находили кров революционеры, бежавшие из ссылки, и посланцы ЦК партии — через них отец получал инструкции и передавал крупные суммы денег для нужд партии. О происхождении этих сумм скажу позднее.

Лучше помню отца в Уфе, куда переехали с хутора; старшие сыновья подросли, их надо было определять учиться.

Помню нежность отца к нам, детям. И требовательность. Он не требовал прямо — это я понял позднее,— он просто верил, что в человеке, пусть он еще ребенок, заложены честность, обязательность, потребность щадить людей и выполнять свою посильную долю труда. Он ждал этого от нас, и это было равносильно требованию. Уже в Москве, когда Валя и Дима учились в МОПШКе — Московской опытно-показательной школе-коммуне (позднее туда поступил и я), отец, заместитель Председателя Совнаркома, благодарил заведующего школой за то, что МОПШКа прививает детям трудовые навыки и вкус к труду.

В Кремле квартиру убирали втроем — Аля, Гайша и я, это была наша обязанность. Постели за собой заправляли все. Отец не терпел неряшливости. Свою обувь чистил сам.

Требовательность отца не тяготила нас. Ни он, ни мама никогда не повышали голоса. Мы любили родителей — мамину мягкость, которую нещадно эксплуатировали, ее милое нежное лицо и русые волосы. Любили отцовский голос, его смех, внимательные глаза. Он всегда был очень занят, но для каждого из нас, разных по возрасту и душевному складу, он находил нужное именно этому человеку слово. Нежность его к нам была уважительна.

Всей силой ребяческого сердца я был горд нашей с отцом «мужской» дружбой. У меня, младшего, отношения с ним были отдельные, мои с ним и больше ничьи!

Помню, в Уфе братья — Митя и Петя,— подростки, почти юноши, таинственно говорили меж собой, что давно, в начале века, папа ездил в Одессу. Там через нашего дядю Виктора, мичмана дальнего плавания, он «налаживал транспорты» через Египет и Персию.

— Что за «транспорты»? — вмешался я.

— Замри и забудь,— сказал Петя.

Ему шел четырнадцатый, а мне — шестой год. Я «замер». Но не забыл. Мне представлялись корабли, ощетинившиеся пушками, они шли под парусами. Эскадрой командовал мой отец.

В воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине есть строка, заставившая с улыбкой вспомнить то фантастическое детское представление. Надежда Константиновна перечисляет каналы связей, по которым «Искра» получала материалы из России и в ответ снабжала ее, как взрывчаткой, номерами первой большевистской газеты и брошюрами. Так была переправлена в Россию и работа В. И. Ленина «Что делать?». Среди названных каналов связи есть такие:

«Возили литературу через Александрию (Египет), налаживали транспорт через Персию...»

В пору нашего детства за плечами отца уже были тюрьмы и ссылки. В делах департамента полиции копились донесения из многих городов и губерний России. Вот некоторые из них...

Впрочем, нет. Рискуя вызвать улыбку читателя, сперва приведу три строки из Ведомости успехов и поведения ученика 6-го класса Херсонского сельскохозяйственного училища Александра Цюрупы.

Среди четверок и пятерок за предметы «Сельскохозяйственная технология», «Сельскохозяйственная экономика», «Сельское строительное искусство», «Учение о земледельческих машинах и орудиях» выделяются две тройки: одна с минусом — за поведение, вторая — за закон божий. В графе «Замечания» инспектором вписано: «Неуместные разговоры с г. инспектором», «Постоянное выхождение из церкви во время богослужения», «Уклонение от посещений богослужений».

Симптоматические записи. Они открывают список «злодеяний» моего отца.

Итак, дело № 255 департамента полиции:

«Об издании 1892 года учениками Херсонского сельскохозяйственного училища противоправительственного журнала «Пробуждение».

Об Александре Дмитриевиче Цюрупе

начато 15 декабря 1894 года.

Кончено... (не заполнено) 189... (не заполнено)».

Это «Дело», как и многие другие по городам и весям Российской империи, так и не было завершено рукой полицейских писарей. Их оборвала Октябрьская революция.

Кроме придания журналу противоправительственного направления Цюрупа обвинялся также в распространении марксистской литературы. В этой работе участвовал товарищ отца Игнатий Гудзь. Книгами их снабжал Тихон Иванович Осадчий, ученый-аграрник, высланный из Центральной России за революционную деятельность. Знакомство с ним углубило профессиональные знания молодого Цюрупы, дало ему опыт статистического анализа. Что касается книг, в том числе запрещенных, Осадчий давал их молодому другу, как он считал, для расширения кругозора. Революционером Осадчий не был, даже старался «уберечь» молодежь от опасностей революционного пути. Но книги эти оказали революционизирующее влияние, среди них был «Капитал» Маркса.

...Год 1893-й. «Обыском у Цюрупы ничего предосудительного не обнаружено, но незадолго до обыска он, узнав о произведенных в Харькове арестах, передал О. Скадовской на хранение два тюка с 19 тетрадями «Пробуждения» и революционными изданиями, в числе которых «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова, «В защиту правды» — речь В. Либкнехта, «Социализм в Германии» Ф. Энгельса»...— это уже в селе Белозерке под Херсоном, где в имении помещика Скадовского Цюрупа проходил практику, закончив теоретический курс.

Здесь, как и в имении помещика Мартыновского, практикант при издольном землепользовании учил крестьян на уборке урожая первые и третьи копны, предназначенные помещику, класть повоздушнее, а вторую, которая землеробам,— поплотнее. Так и осталось бытовать выражение: «Убирать по-цюрупински».

Увлеченный прогрессивными идеями сельского хозяйства, отец уговорил Мартыновского посадить на этих землях, подверженных суховеям, ветроломные полосы в три ряда деревьев смешанных пород в 30 верст длиной и в 200 сажен шириной. Говорят, эти лесополосы с подсажен-

ными молодыми деревьями и теперь живы на землях совхоза-гиганта ныне Николаевской области.

В Белозерке Цюрупа соорудил гектограф. Когда вместе с друзьями по училищу — И. Гудзем, К. Свирским, Я. Парамоновым распространял оттиски революционных изданий, Ольга Скадовская, сестра помещика, неосторожно обмолвилась в письме о хранящейся у нее нелегальной литературе... Это — июнь 1893 года. Первый арест отца. Полгода в херсонской каторжной тюрьме. Два года особого и два года гласного надзора.

...В наши дни сын Игнатия Корнельевича Гудзя, Борис Игнатьевич, в архивах обнаружил показания, данные полиции двумя участниками кружка, послужившие основанием для ареста. Эти двое спокойно закончили курс обучения. Цюрупу и Гудзя из училища исключили.

Курс учения пройден, но в дипломе отказано. Поднадзорному должность найти трудно. А нужно помогать матери-вдове, он — старший, подрастали четыре брата и две сестры. Гордился мужеством, с каким мать переносила трудности: она зарабатывала шитьем на жизнь семьи.

Спустя годы, в день смерти матери, он напишет брату Льву: «Ушел навсегда верный друг — мать. Какой дивно хороший, высокий образ, и глубина души, и сила веры, и мощь духа. Пусть всегда живет она в наших душах...»

Брался за любую работу, чтобы помочь матери. Ночами вел переписку для адвоката, для нотариуса. В анкете партконференции в 1927 году отец написал: «Был промежуток времени, когда мне дадут 5—10 рублей, и ладно... Служил за 5 рублей в месяц и занимался случайной работой...»

Нанялся рабочим на лесопильный завод. И здесь организует социал-демократический кружок: примкнули корабелы, портовики, студенты. Подружился с членом кружка санитарным врачом П. Ф. Кудрявцевым[1], в прошлом народовольцем. Он помог получить должность статистика с окладом 18 рублей в месяц. Вдвоем они вели статистические обследования труда и жизни сельскохозяйственных рабочих.

Втайне от полиции отец несколько раз посетил знаменитую тогда на юге России Николаевскую ярмарку в Каховке, встречался с сотнями крестьян, съехавшихся для найма в помещичьи хозяйства, вынужденных продавать

[1] П. Ф. Кудрявцев в советское время был профессором Казанского медицинского института.

свой труд за минимальную плату. Отец воочию видел капиталистический торг живым товаром, видел неокрепшие детские руки, предлагавшиеся за грош.

В труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин приводит выдержки из работы П. Ф. Кудрявцева «Пришлые сельскохозяйственные рабочие на Николаевской ярмарке в м. Каховке, Таврической губернии, и санитарный надзор за ними в 1895 году». В ту пору Ленин еще не знает, что фамилия второго, равноправного автора, поднадзорного А. Д. Цюрупы, вычеркнута цензором.

Первую характеристику моего отца написал Петр Филиппович Кудрявцев: «Это человек необычайной скромности, он отличается нежностью и благородством характера».

Глубина анализа и обобщений в работах с участием поднадзорного Цюрупы раздражала власти. Во второй половине 1894 года его отчислили от должности. Но П. Ф. Кудрявцев приносил материалы к нему домой, он работал ночами.

Год 1895-й. Из донесения полиции: При обыске «у А. Д. Цюрупы изъята переписка компрометирующего содержания, противная духу христианского учения».

Второй арест. Полгода заключения. Затем — особый надзор полиции.

Письмо из тюрьмы другу.

«Что ждет меня впереди? Тюрьма, каторга, преследования полиции. Но я сросся с этой стежкой, и нет мне другого пути. Только борьба, борьба жестокая, беспощадная...»

В родном Херсоне на работу не брали. Слежка за каждым шагом.

«Его Высокопревосходительству
господину Министру Внутренних Дел
состоящего под гласным надзором полиции
Александра Дмитриева Цюрупы

ПРОШЕНИЕ

Проживая в гор. Херсоне, я, при крайнем напряжении труда, не только не могу обеспечить минимум, необходимый для существования матери моей с детьми, находящейся на моем попечении, но даже не в состоянии содержать себя. Это обстоятельство заставило меня искать вне Херсона работы, и возможность таковой ныне представляется для меня в гор. Симбирске... В виду этого имею честь

почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне переезд в гор. Симбирск на постоянное жительство.

1896 года. Января 8 дня. *Александр Цюрупа».*

Ходатайство удовлетворено. Цюрупа, Осадчий, Гудзь зачислены в статистическое бюро Симбирска. Но Цюрупе запрещены экспедиционные выезды. Статистические материалы, собранные по уездам, товарищи передают Цюрупе. Он делает доклад на собрании сельскохозяйственного общества.

«Не пора ли и нам позаботиться о производительности нашего труда, и не время ли и нам переменить систему хозяйства?» — поднимает он смелый вопрос. На основе тщательного анализа раскрывает бездну отсталости сельского производства. Он говорит об орудиях и машинах, которых ждет земля и земледелец, но ставит в известность уважаемых слушателей, что на уездном складе сельскохозяйственных орудий покупка в кредит требует поручительства, а беднейшему крестьянину найти поручителя невозможно.

В статье Н. Мацкевича «А. Д. Цюрупа в Симбирске», опубликованной в «Ученых записках» Ульяновского педагогического института им. И. Н. Ульянова, читаю характеристику отцовского доклада: «Несомненно... такое практическое применение экономических категорий... присуще лишь специалисту с установившимся марксистским мировоззрением».

Вторую значительную работу отец сделал вместе с И. К. Гудзем на основе опроса добровольных корреспондентов. Впервые опросники состояли из 150 вопросов, впервые проникали в стороны хозяйства и жизни, ранее не исследовавшиеся.

...Я не смог найти ответа на очень интересующий меня вопрос: мог ли отец ознакомиться в рукописи или извлечениях с написанной в 1893 году, впервые опубликованной в 1923 году работой Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»? Но ряд ленинских положений прямо могли бы подсказать ему метод его статистико-социологического исследования.

Владимир Ильич критикует издание «Итоги земской статистики», где сводятся воедино данные различных районов с несхожими хозяйственными условиями.

Угадывая ленинскую мысль (или отвечая ей, если знакомство с ленинской работой состоялось), отец предлагает

систематизацию статистических данных не по административному делению, а по районам, естественно сложившимся, с общей причинной связью явлений хозяйственной жизни.

— За этот год в Симбирске,— рассказывает Игнатий Корнельевич Гудзь,— Александр Дмитриевич вел столь глубокий анализ статистических данных, основывая его на углублявшихся марксистских взглядах, что на глазах своих товарищей он вырастал как ученый, статистик, социолог и широко мыслящий экономист.

Выход в свет работы А. Д. Цюрупы и И. К. Гудзя привлек внимание общественности и вызвал ярость губернских властей. Стенограмма земского собрания зафиксировала: многие гласные недовольны тем, что собраны сведения о том, с какого возраста крестьяне работают и по скольку часов. Предводитель дворянства князь Оболенский заявил: «Самое большое наше зло — это статистика и статистики, с которыми мы не можем бороться».

Статистикам были созданы невыносимые условия работы. Ушли Осадчий, а вслед за ним отец.

...Году в 27-м к нам домой приехал Тихон Иванович Осадчий. В кабинете были и другие старые товарищи. Отец представил меня:

— Мой взрослый младший. Шестнадцатый год.— Он тронул мое плечо: — Покажем Тихону Ивановичу одну книгу?

Я достал из шкафа старый том «Капитала».

— Вот, Тихон Иванович,— сказал отец,— ваша дарственная надпись. Помните? — и он прочитал: — «Задача гражданина и борца заключается в служении обездоленным и бесправным классам — рабочим и беднейшему крестьянству. Этой идее следует отдать все силы и даже жизнь». Это написали вы, считавший себя не революционером!

— Да-а,— взволнованно ответил Осадчий,— да, помню...

— Ваш наказ я выполнял все эти тридцать с лишком лет как умел,— сказал отец. Они обнялись. Эта встреча стала их прощанием.

Год 1897-й. Из донесения полиции.

«Состоящий под негласным надзором сын губернского секретаря Цюрупа Александр Дмитриевич... в конце декабря... поселился в Уфе».

Уфа. Улицы, освещаемые редкими керосиновыми фонарями (только через год здесь появится первая небольшая электростанция). Деревянные одноэтажные дома, лишь в центре двух- и трехэтажные казенные здания. Купеческие и дворянские особняки. Улицы — летом пыль, осенью — грязь по колено, только центр вымощен булыжником.

Широкие возможности для революционной работы: в городе металлообрабатывающие, кожевенные, мукомольные, кирпичные заводы, более двух с половиной тысяч рабочих в железнодорожных мастерских и депо. Отец служит в городской управе. Углубленно занимается статистикой.

Ленин определял социально-экономическую статистику как одно из могущественных орудий социального познания. Он писал, что коренные вопросы, касающиеся экономического строя современных государств и его развития, не могут разрабатываться серьезно без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками.

Год 1898-й. «Совершенно секретно... Обращает на себя внимание, что названный Цюрупа стал ходатайствовать о дозволении ему разъездов по Уфимской губернии для собирания статистических сведений».

Отказано. Получая первичные материалы от тех, кому выезд разрешен, отец участвует в составлении обзоров, пишет очерки по демографии, землевладению. Его захватывает подпольная революционная работа, ей он отдается беззаветно.

В Уфу сослано более ста политических ссыльных. Среди местных и вновь прибывших социал-демократов — А. И. Свидерский, О. А. Варенцова, К. К. Газенбуш, В. Н. Крохмаль, М. П. Бойков, питерские рабочие — Савинов, Котов; позднее сюда будет сослана Надежда Константиновна Крупская.

Отец с товарищами создают первый марксистский кружок в паровозоремонтных мастерских и депо. Вокруг кружка возникают социал-демократические организации — и в самой Уфе, и в Златоусте, Мензелинске, Белебее, Стерлитамаке, Миньяре. Подпольные связи крепнут.

Письмо уфимского губернатора — министру внутренних дел.

«Считаю неотложно необходимым ходатайствовать перед Вашим превосходительством о распоряжении приоста-

новить временно в Уфимской губернии статистико-земские работы, которые сопряжены с разъездами по губернии статистиков, лиц по большей части с политическим прошлым...» Губернатор указывал, что людей, подобных Цюрупе, «совершенно невозможно допускать до официального общения с рабочим населением горных заводов», ибо это дает им лазейку распространять революционную пропаганду.

А вообще-то в уфимскую пору отец и его товарищи были молодыми, полными сил, веселыми людьми, и ни надзор полиции, ни ссылки и тюрьмы не погасили в них радости жизни. Любили песни, шутку. При строжайшей конспирации умели азартно поводить за нос полицию, среди бела дня пуская по рабочим рукам прокламации. Постоянное внутреннее напряжение требовало разрядки, и они, каждый день глядевшие в лицо опасности, любили просто-напросто мальчишеские игры.

Вспоминает бывший уфимский ссыльный А. И. Петренко:

— В одном из особо приподнятых настроений мы как-то вздумали играть в бабки — Александр Дмитриевич, Крохмаль и я. Комната была на втором этаже, и шум от швыряемых костей так встревожил квартирную хозяйку, что она прибежала и стала умолять нас прекратить эту детскую забаву.

В это время под редакцией отца были подготовлены два тома «Сборника статистических сведений по Уфимской губернии». Но этот труд вышел в свет, когда отец вынужден был из-за угрозы ареста уехать из Уфы.

...В наши юношеские годы однажды у нас дома моя двоюродная сестра, Ната Свидерская, сказала с гримаской:

— Сухота! Сплошные цифры. От них на зубах скрипит.

— Да уж, цифры,— согласился я.

Мы были не в ладу с арифметикой.

Отец читал в кресле, но чутко прислушивался к нашим голосам. Он как-то растерянно поглядел на нас, спросил маму:

— Слышишь, Маня, какую околесицу они несут?

И стал нам рассказывать о цифрах, об их стальной логике, боевой силе и красоте.

Был редкий случай, когда, разорвав сдержанность, вырвалась наружу его внутренняя эмоциональность. За цифрами для отца стояли социальные трагедии, и социальные победы, и человеческие судьбы. Он говорил о сводках, которые навлекали на него и его товарищей гнев властей,—

и мы видели вместе с ним тощие полоски земли, семена и плуги, за которые нужно было отдать кулаку часть урожая, отрывая ее от голодных детских ртов. Цифры означали, сколько было и вовсе безземельных и безлошадных, кто уходил из дома в батраки. И сколько заработанного ими пополняло банковские счета помещиков, распирало кулацкие закрома.

— А сегодня цифры раскрывают нам глаза на то, что фактически нами сделано и что необходимо сделать,— говорил отец. Он протянул руки ладонями вверх, словно в них лежало нечто тяжелое: — Цифры, как кирпичи, выверенные на вес, на прочность. Из них можно фундамент класть, не подведут, возводить здание сегодняшней и завтрашней работы, государственно планировать.

— Выходит, арифметика — политическая наука? — улыбнулась Ната.

— Да,— ответил отец убежденно.— В руках марксистов она политическая наука. Надо уметь складывать, множить, делить.

— На число голодных ртов? — спросила Ната, озорница и насмешница.

Отец посмотрел на нее долгим взглядом.

— Да,— сказал он,— вчера на число голодных ртов. Сегодня на число ртов, которые государство обязано накормить. Твой рот сегодня уже сыт, поэтому ты не очень вдумываешься и не хочешь понять.

— Я понимаю,— сказал я.

И отец стал говорить о цифрах, которые уже в тот день закладывались в предстоящие народнохозяйственные планы. Еще оставалось полтора года до начала первой пятилетки.

— Дядя Саша,— удивилась Ната,— ты о цифрах говоришь, как будто стихи читаешь, как будто это поэзия...

Да, отец и те немногие стихи, что помнил с юности, читал так же просто и человечно и внутренне — вдохновенно.

Отец учил нас, подростков, работать с цифрами в доступных для нас пределах.

...Валя плакала над арифметической задачей. Призвала на помощь маму, не решили. Папа приходил поздно. Валя положила ему на стол тетрадь, листок для черновика и слезную просьбу — решить.

Конечно, он решил ее тогда же ночью, усталый (теперь щемяще думается — как мы мало берегли его!). Но утром просто списать решение оказалось для сестры невозмож-

ным, совесть не позволила. Отец решил задачу не за нее, а как бы вместе с ней. Он объяснял, почему мы (мы!) делаем так, а не иначе, что именно нам нужно узнать дальше и как мы это будем делать. Цифры обретали живой смысл. Незабываем этот урок, данный на тетрадном листке в клеточку...

...Итак, отец был вынужден покинуть Уфу. Полицейские документы приводят меня вслед за ним в Одессу. Это февраль 1899 года.

Впоследствии отец рассказывал, что ощущение за спиной полицейского «хвоста», неотпускающего взгляда шпиков врывалось для него в неповторимую красоту Одессы. Он еще не бывал здесь и любовался наступившей после холодных дней весной, цветущими каштанами, белыми кораблями на рейде. Он стоял на ступенях одесской лестницы, которой предстоит стать трагически знаменитой в 1905 году.

Любуясь городом, он изучал топографию романтической Одессы, улочки, проходы, кратчайшие пути, дворы с развевающимся бельем. Он был опытным подпольщиком, и полиции осталось неизвестным, что на свидание к нему приезжал в Одессу брат Лев, что вместе с ним отец устанавливал в городе явочные квартиры для приема марксистской литературы, которая шла морским путем из-за границы.

Но и отсюда, из Одессы, пришлось уходить.

Год 1900-й. Снова Уфа. Здесь произойдут определившие всю жизнь две первые встречи отца с Владимиром Ильичем.

Ленин возвращался из сибирской ссылки, где закончил свой гениальный труд «Развитие капитализма в России». Надежда Константиновна скажет о нем: «Маркс был переведен на русский язык еще в 60-х годах. Но надо было еще Маркса перевести на язык русских фактов. Это сделал Ленин в своей книге...»

Теперь Ленин, не имея на то разрешения полиции, провожал жену в Уфу, где ей предстояло отбывать еще год ссылки.

Они сели в вагон третьего класса в Ачинске, куда добирались из Шушенского с попутчиками в двух крытых кошевках по снежной степи, через сопки, перевалы, 300 верст — по Енисею.

Через многие годы у нас дома, в бывшем Кавалерском корпусе, Надежда Константиновна вспоминала эту поездку, к слову пришлось. Увидала мои покрасневшие с моро-

за руки, а мама пожаловалась, что сын не признает рукавиц. Надежда Константиновна улыбнулась и рассказала случай в дороге из Шушенского:

— Морозы были градусов под 50, дыхание замерзало на лету. А Владимир Ильич на облучке, открытом всем ветрам. Конечно, он мерз. Но отвечал ямщику, одетому в тулуп с поднятым воротником:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, все в порядке.

А ямщик раз спросил: не зябнет ли, мол. Другой раз. И надоело ему. Он остановил кошеву, будто в упряжи неполадки, и, не спросясь, натянул на Владимира Ильича запасную доху. Я с интересом смотрела, чем кончится эксперимент, мне бы он нипочем не дался! И представьте себе, наш, как теперь пишет даже иностранная пресса, «великий человек, которому предстояло перевернуть мир», тихохонько покорился...

Надежда Константиновна смеялась, все смеялись, и Ленин.

— Насчет «великих» отбросим,— пытался он вставить слово.

— Ну сознайся, что покорился,— смеялась Надежда Константиновна.

— Так ведь я не из-за мороза оделся, Надя, а из уважения к человеку...

Приехав в Уфу, Ленин из земских статистических сборников уже представлял себе экономику Башкирии, положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих, рабочих рудников и заводов. Росла промышленность, образовался большой отряд рабочего класса, крестьянство, как и во всей Российской империи, расслаивалось на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат.

Политические ссыльные, жившие в Уфе, знали Ленина по печатным трудам. Городская библиотека выписывала легальные журналы «Новое слово», «Научное обозрение», «Жизнь». Передавая из рук в руки, читали статьи В. Ильина, К. Т-на, К. Тулина. Но то, что В. Ильин, К. Тулин, К. Т-н один и тот же человек, открылось местным социал-демократам лишь на первой встрече с Владимиром Ильичем.

— На этих встречах разгорались споры, были даже горячие бои,— вспоминал отец.— Сперва Владимир Ильич говорил мало, других заставлял высказываться поподробнее. Оценивал — кто чем полон. И если у кого-то голова забита, как он говорил, мелкобуржуазным, либеральным, кликушеским мусором, тут пощады от него не жди.

На этих встречах Ленин подверг критике «экономистов», объяснил необходимость перехода к организационному строительству партии. Развивал план создания политической общерусской газеты.

— Настолько внутренне решенным был для него этот план,— рассказывал отец,— что он уже подбирал корреспондентов и агентов для будущей газеты.

Не забудем, что Ленин находился в Уфе нелегально, исчезнув из поля зрения полиции. Шел розыск. Начальник московской охранки Зубатов писал по начальству:

«Хорошо бы накрыть их собрание, и так как роль Ульянова и др. вполне выяснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее... Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого».

Но уфимские жандармы узнали о пребывании Ленина в городе только после его отъезда. Вот уж хохотали уфимские товарищи, когда Ольга Варенцова, вызванная в жандармское управление для допроса, невзначай услышала, как полковник распекал младших чинов:

— Растяпы! Да знаете ли вы, кто такой Ульянов! Прошляпили!

После первой встречи с Владимиром Ильичем в Уфе мой отец стал его верным учеником, в будущем — соратником.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В воспоминаниях о Владимире Ильиче отец посчитал себя обязанным подчеркнуть: «Я не был в числе его друзей. Отношения у нас были деловыми».

Но Надежда Константиновна в своих воспоминаниях о Владимире Ильиче пишет: «...любил Ильич Александра Дмитриевича и как товарища».

Беру на себя сыновнюю смелость свидетельствовать, что отношения были не только деловые, но и дружеские. Мы часто видели Владимира Ильича и Надежду Константиновну у нас дома. Они заходили «на огонек», к нашему огромному самовару.

Пусть не удивит сегодняшнего читателя, что уж больно часто в этой книге возникают слова «чай пили», «чаевничали». Да, часто. Баки с кипятком в коридорах учреждений, чайники, кипящие на печках-«буржуйках» в густонаселенных коммунальных квартирах, солдатские котелки, поспешно наполняемые кипятком на станциях,— были непременными спутниками жизни в ту пору, голодную и холодную. У нас дома медному самовару не давали заглохнуть. И кто бы ни пришел, его приглашали чай пить. Чай придавал сил, заглушал чувство голода, согревал беседу. И навсегда памятно мне, как чаевничали у нас Ленин и Крупская...

Лидия Александровна Фотиева на заседании ученого совета Музея Революции, посвященном 90-летию отца, говорила:

«На квартиру Александра Дмитриевича часто приходил Владимир Ильич... Александр Дмитриевич был один из числа тех немногих работников, которых Владимир Ильич в личной беседе называл по имени и отчеству, а обычно он называл всех по фамилии...»

У меня хранится папка с надписью: «Воспоминания о брате моем Александре Дмитриевиче Цюрупе». Они написаны моей теткой, Софьей Дмитриевной. Она гостила у нас, когда отец сильно заболел.

Ему было так плохо ночью, что он признался маме:

— Всю силу воли употребляю, чтобы не потерять сознание.

Софья Дмитриевна пишет: «Александр сказал мне:

— Сейчас ко мне придет Владимир Ильич. Ты только посмотри на него, на его глаза. Ты хорошенько посмотри на него.

Владимир Ильич нередко приходил к брату, но одной встретить его мне было впервые. Я никак не могла поверить, что так просто буду видеть самого Ленина. Раздался обычный стук в дверь, вошел самый обыкновенный человек, снял и повесил пальто:

— Можно к Александру Дмитриевичу?

— Пожалуйста.— Я в волнении, не отдавая себя отчета, ходила по комнате. Приблизительно через полчаса открылась дверь из кабинета.

Владимир Ильич сказал мне, что просит никого не пускать к Александру Дмитриевичу.

— Я не могу не пускать. К Александру Дмитриевичу приходят по его зову, по делам.

Ленин разрешил только на 5 минут. Он сказал, что я сестра Александра Дмитриевича отвечаю за его здоровье. И пошутил, что иначе запакуют меня в чемодан и пошлют за границу наложенным платежом.

Шутка была сказана так просто и неожиданно, что волнение мое прошло. Я вошла к Александру. Сияющий, оживленный брат говорил:

— Ты видела? Ты видела, какой он?!

На следующий день на двери нашей квартиры был наклеен большой лист с точным распределением дня Александра Дмитриевича и с обозначением на прием каждому лицу по 5 минут».

Держу в руках рукописные пожелтевшие страницы, исписанные рукой Софьи Дмитриевны, и всплывает в памяти один ее разговор с отцом, запомнившийся остро. И хотя разговор этот не ложится в тему главы, но пусть он прозвучит здесь как непроизвольно возникшее воспоминание, связанное лишь с тем, что тетя Соня в эти дни жила у нас. Время отразилось в этом воспоминании и характерные черты людей...

В ту пору в городах, на железных дорогах, на вокзалах и рынках было очень много беспризорных детей. Это тяжкое наследство оставили война и голод. Ребята, отбившиеся от семей или лишившиеся родителей, в поисках хлеба тянулись в города, ночевали в заброшенных подва-

лах, в хранивших тепло асфальтовых котлах — давно исчезнувшая примета московского пейзажа. Они добывали пропитание попрошайничеством и воровством. Привыкнув к бездомной «вольной» жизни, они убегали из детских домов, куда их заботливо определяли представители Советской власти.

Ликвидацию этого огромного бедствия партия поручила Ф. Э. Дзержинскому. Путем долгой, трудной и чуткой работы постепенно все дети обретут кров и заботу, старших друзей-наставников, будут вовлечены в учебу и труд.

Но в ту пору, о которой идет речь, в Москве было очень много беспризорных ребят.

И вышел такой случай с тетей Соней. У нее был кожаный ридикюль с красивыми застежками, женская сумка, говоря сегодняшним языком. Когда тетя Соня проходила по Тверской (ныне улица Горького) мимо недостроенного здания, из пустого оконного проема выскочили черные как чертенята, ободранные, голодные, лихие мальчишки-беспризорники, выхватили ридикюль и скрылись. Там лежало немного денег и продовольственная карточка. Тетя Соня была возмущена, огорчена.

— Какой ужас, ужас! — сказала она отцу.

— Какое горе,— ответил отец.

Мама вмешалась:

— «Горе»! Разве можно сказать о пропаже ридикюля — «горе»! А карточка... так вместе проживем.

Отец удивленно взглянул на обеих женщин:

— Да разве ж я — о сумке? Горе — детские судьбы...

...Возвращаюсь к плакату, вывешенному на наших дверях, к неизменной заботе Владимира Ильича об отце. С величайшей бережностью относился к Владимиру Ильичу и отец.

Вот маленький эпизод. Вспоминает мой товарищ по мальчишеским играм, будущий мидовский работник, журналист Юрий Козловский.

— Однажды в дождливый день мы, кремлевские мальчишки,— пять или шесть человек — решили провести футбольный «матч» в широком коридоре второго этажа Кавалерского корпуса. Связали веревками из газет подобие мяча и стали шумно гонять его там. Играли долго, но никто не остановил нас.

Но вот в коридор вышла Мария Петровна Цюрупа:

— Ребята! Не можете ли вы играть потише? К боль-

пому Александру Дмитриевичу пришел Владимир Ильич, ваш шум мешает им беседовать.

Мы сразу же разошлись. Идя домой, я думал, почему же лежащий в постели Александр Дмитриевич не попросил нас не шуметь. Только приход Владимира Ильича заставил Марию Петровну остановить нас.

Не раз, вернувшись из школы, я заставал у отца Ленина. Отец сидел в своем кресле, положив худые руки на подлокотники, а Владимир Ильич, оживленно что-то доказывавший, сидел напротив него верхом на стуле, чем очень шокировал нашу казенную уборщицу Наташу.

— Великий вождь, а верхом на стуле,— возмущалась она.

Меня разбирал задор рассказать это Владимиру Ильичу и папе, но я опасался реакции на слово «великий»; отец не раз говорил, что Ленин не выносит «трескучих славословий».

Однажды, выйдя от нас, Владимир Ильич сказал, чтобы мы берегли отца, он человек, необходимый революции.

...Их долгой, на всю жизнь, товарищеской близости начало было положено тогда, в первые годы века, в Уфе...

Второй раз В. И. Ленин приехал в Уфу в июне 1900 года вместе с матерью и сестрой. Анна Ильинична вспоминает эту поездку, едва ли не единственную за их взрослые годы, когда ей удалось так близко, так дружески побыть с братом. После юности, после трагической гибели брата Александра, после арестов и ссылок жизнь не баловала их такими встречами. Она пишет о путешествии на пароходе по реке моего детства, Белой, и мне дорога мысль, что Владимир Ильич видел знакомые нам плесы и берега; плыл на белом пароходе, который густо гудел и шлепал по воде плицами колес, как и те пароходы, которыми любовались мы, мальчишки, родившиеся через восемь — десять лет...

Анна Ильинична пишет: «...было дивно хорошо... Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов... Вести конспиративные разговоры среди затихшей реки и сонных берегов было очень удобно. Владимир Ильич подробно, с увлечением развивал мне свой план общерусской газеты...»

Мой отец стал активным агентом и корреспондентом «Искры», которая, по замыслу Ленина, явилась не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но также коллективным организатором. Эта формула

известна сегодня каждому. Но привычно повторяя ее, всегда ли мы вдумываемся в ее неугасимую суть? В ней не только живая, драгоценная правда тех лет, но и программа, спроецированная в нашу сегодняшнюю журналистскую работу. Страстное, партийное слово «Искры» объединяло марксистскую теорию с революционной практикой, оно опиралось на опыт борьбы, на материал самой жизни.

В России работала созданная Лениным сеть агентов «Искры». Корреспонденции с Урала, из Уфимской губернии часто появлялись на страницах газеты. Это действовал первый опорный пункт «Искры», созданный Надеждой Константиновной. Отец вошел в него сразу.

Назову товарищей, работавших рядом с отцом, и тех, кто из уфимского центра «Искры» был направлен в другие города. Отец видел в их самоотверженном труде отсвет незабываемых встреч и бесед с Лениным, говорил, что имена этих рядовых, верных бойцов «Искры», не должны забыться. Вот они: Л. И. Бойкова, М. П. Бойков, О. А. Варенцова, К. К. Газенбуш, В. Н. Крохмаль, В. А. Носков, А. И. Петренко, А. И. Пискунов, О. И. Чачина, И. С. Якутов и другие.

Об Иване Степановиче Якутове надо сказать особо, о нем с глубоким чувством рассказывал нам отец, о нем проникновенно написала Надежда Константиновна. И. С. Якутов был рабочий человек, слесарь, руководивший марксистским кружком в железнодорожных мастерских, где Н. К. Крупская, мой отец и другие товарищи вели занятия. В 1905 году он станет председателем первого Уфимского Совета рабочих депутатов, а в 1907 году во дворе Уфимской тюрьмы его казнят через повешение, и заключенные всех камер, прильнув к решеткам окон, будут, не сдерживая рыданий, петь «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и дадут клятву не забыть, не простить этой смерти.

Первый номер «Искры» был подготовлен 11 декабря 1900 года.

Отец писал корреспонденции, черпая материал из непосредственной связи с рабочими предприятий, из опыта революционной работы. Он был также одним из тех, кто обеспечивал переправку за границу материалов в редакцию «Искры» и кто принимал конспиративные транспорты «Искры», передавал их в подпольные типографии для размножения, в подпольные комитеты для изучения и пропаганды.

Надежда Константиновна вспоминает о моем отце:

«Мы знали его уже давно, я была вместе с ним в ссылке в Уфе... мы вместе с ним вели работу. В Уфе он виделся два раза с приезжавшим ко мне Владимиром Ильичем, потом все время мы переписывались. Он писал в «Искру». Знали мы его, как убежденного, горячего революционера».

«Потом все время мы переписывались»... Архивы не сохранили нам этих драгоценных писем.

В конце 1900 года по предложению Ленина отец выехал в Харьков. Задача — возродить Комитет РСДРП, разгромленный после демонстрации 1 мая. Отец введен в состав Харьковского комитета. Несмотря на шквал арестов, люди были. Он полагал наиважнейшим сразу дать им почувствовать, что их работа — часть огромной работы партии, что удар, понесенный ими, тяжелый урок, требующий анализа и действенных выводов.

Поддержкой и школой стала для харьковской организации изданная «Искрой» брошюра «Майские дни в Харькове». В предисловии к ней Ленин писал:

«Сказка о том, будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы, будто их главное дело — чисто экономическая борьба...— эта сказка решительно опровергается харьковской маевкой. Доказав еще и еще раз политические способности русских рабочих, маевка в Харькове показывает в то же время, чего нам недостает для полного развития этих способностей».

Владимир Ильич анализирует причины, предопределившие разгром маевки, и удар, нанесенный властями комитету РСДРП. Он подводит итог: «Вывод ясен: нам недостает *организации».* И дает ее детальную характеристику. На создании такой политической организации сосредоточил силы Харьковский комитет.

Укрепившись на «искровской позиции» в борьбе с «экономистами», охватывая влиянием все большие слои рабочих и интеллигенции, Комитет работал с новым революционным подъемом. Печатались листовки и прокламации. С учетом тяжело доставшегося опыта шла подготовка к новой первомайской демонстрации.

«Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!» — облетели Россию слова Ленина об Обуховских событиях.

1 мая 1901 года улицы и площади Харькова захлестнула демонстрация студентов, широко поддержанная харьковским пролетариатом. Высоко была оценена «Искрой» забастовка харьковских статистиков, подхваченная 34 земствами.

Организатором ее был мой отец. Выполняя задание Ленина, он помог Харьковскому комитету на трудном подъеме обрести «второе дыхание».

«География» его деятельности ширится. В папках жандармских управлений подшиваются бесчисленные донесения с грифом «секретно», по которым видно, где, в каких промышленных центрах отец задал «работу» полицейским ищейкам: Херсон, Симбирск, Уфа, Одесса, Севастополь, Харьков, Николаев, Тула.

Снова угроза ареста. Приняв предложение князя Кугушева, отец становится управляющим его имением «Отрада» на Тамбовщине.

Тысячи десятин пахоты, богатые выгоны, стада, земля, которую отец любил, и люди, работающие на ней, к которым относился с величайшим уважением, ждали его агрономических знаний, его участия, действия. Но только с января по июнь 1902 года пробыл новый управляющий в «Отраде».

«Дорогой Ал. Дмитр.! Мне страшно интересно было бы узнать, как Вы устроились на новом месте...» — черновик незаконченного письма и шифровка были взяты при аресте в Самаре искровца К. К. Газенбуша. Видимо, Конрад Конрадович отказался назвать адресата. Полетели запросы. Жандармское управление сообщило, что имя и отчество принадлежат А. Д. Цюрупе, с которым Газенбуш встречался в Уфе. Кроме того, установлено, что сестра Газенбуша ранее состояла в гражданском браке с князем Кугушевым и что в настоящее время они оба арестованы в Москве по обвинению в причастности к террористическому акту.

Поиски привели полицию в «Отраду». Отец обвинен в «принадлежности к преступному сообществу», заключен в Шацкую тюрьму, затем отправлен в ссылку в Олонецкую губернию.

Итак — третий арест, ссылка. Остается несколько месяцев до русско-японской войны. Царское правительство под видом рабочих лесных концессий посылает на Дальний Восток солдат, готовя захват Кореи. Размещение политических ссыльных, как прежде, в Восточной Сибири — нежелательно. Осужденных гонят по этапу на север, в Карелию.

Товарищи по ссылке рассказывали: прибыл в эти места и мой отец — арестантский халат повис на сильных, исхудалых плечах. Водворен был в село Тудозерский Погост Вытегорского уезда. Ему повезло, он был без канда-

лов. Князя Кугушева доставили в дальнее село Кугановолок в кандалах, со следами побоев.

А что такое кандалы, рассказывал у нас дома Тимофей Степанович Кривов, бывший слесарь уфимских железнодорожных мастерских, после революции 1905 года приговоренный военным судом к вечной каторге:

— В тюремной кузнице здоровенный детина из уголовников заковывает меня в кандалы. Девять фунтов железа на ногах и четыре с половиной на руках носил я без малого пять лет. Когда Февральская революция освободила меня из каторжной тюрьмы, я долго учился заново ходить, заново двигать руками. Ноги сами собой растопыривались, как они привыкли это делать в кандалах, а руки все время загребали воздух, словно по-прежнему были соединены цепями...

Олонецкая ссылка. Карелия. Позднее сюда вышлют из Ревеля будущего Всесоюзного старосту Михаила Ивановича Калинина. Из Самары — рабочего-большевика, сподвижника Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» С. П. Шепелева, учителя из крестьян Лифляндской губернии — Я. А. Берзина и многих других.

Расселенные по глухим уездам ссыльные, получавшие по 7 копеек кормовых в сутки, за ничтожную плату брались за любые работы на Мариинской системе — грузчиками, землекопами, лесосплавщиками, работали иной раз неделями в ледяной воде.

Отец нанялся на лесоповал грузчиком. Сильно болел. Летом — лихорадка, зимой — рвущий грудь кашель. Впервые он, крепкий 33-летний человек, ощутил сердце. 40-градусный мороз перехватывал дыхание, он пережидал боль и снова брался за топор.

Из донесения исправника Калачева. Графа: «В чем замечен». «Ведет знакомство исключительно с высланными по политическим делам; на месте водворения ведет знакомство с учителем церковноприходской школы Т. С. Репниковым».

Когда отец читал эти реляции в раскрытых революцией архивах, он смеялся. Его связи были много шире, он и его товарищи ни на день не прекращали революционной работы. А вот насчет Репникова — все точно. Образованный человек, атеист, Тимофей Семенович связал отца с верными людьми из крестьян. Сохраненные в Вытегорском музее записи участников этих встреч свидетельствуют, что Цюрупа говорил с крестьянами, с рабочими Мари-

пской системы безбоязненно, о наболевших сторонах российской жизни. Умел слушать людей, давал дельные советы.

Но в памяти отца другое оставило след. Он говорил, как много сделали тудозерцы для него и для общего дела. Они оберегали отца от санкций полиции. Переписка запрещалась, но крестьянин Константин Федорович Курочкин возил отцовские письма за 20 верст на Вытегорскую пристань, оттуда доставлял почту и нелегальную литературу. Ему вменили в обязанность сопровождать отца на охоту, взяли с него подписку за сохранность ссыльного, а он под видом охоты возил отца в Вытегру на тайные сходки, устраивал в лесу встречи с крестьянами. Тайник для запрещенной литературы соорудил в бане ссыльный Юрченко, столяр.

...Однажды я, семиклассник, вернулся из школы и увидал на вешалке пальто отца. Отец дома днем? Заболел? Я бросился в кабинет. Он сидел, обхватив руками спинку стула, а медицинская сестра Мария Александровна, взмахивая горящим факелом, ставила ему на спину банки.

— Трудно дышать,— сказал отец.— Владимир Ильич погнал меня домой, сказал, что, если не подчинюсь, оформит предписание через ЦК. Прихожу, а здесь уже наша милая «Скорая помощь». А я вот рассказываю Марии Александровне о тудозерцах.

— Не разговаривайте, Александр Дмитриевич! Сейчас я главнокомандующая, а не вы,— требует сестра, миловидная, решительная девушка. Она жила наверху тут же, в Кавалерском корпусе, в расписном сводчатом тереме, где рядом были клуб и библиотека старых большевиков.

— Ну вот и все, теперь вы дышите как человек, и пульс в норме,— сказала «Скорая помощь», и я помог отцу натянуть рубашку.

— Любопытное письмо я получил в первые месяцы Советской власти,— сказал отец.— От Курочкина. Что, мол, делать с урядником? Я ответил: ничего. Теперь он уже не опасен...

Цитирую воспоминания отца: «Не могу вспомнить, для каких дел я был вызван в Ц. К. Мне кажется, что для того, чтобы поставить партийную типографию. Я прибыл в Петербург, посетил В. И. на его конспиративной квартире, и мы с ним вместе отправились на заседание Ц. К. По пути он сказал: «Вот, говорят, что людей у нас нет, некому работать, но, как только появляется дыхание революции, то и люди появляются...»

Этот разговор, происшедший в 1905 году, и вспоминал сейчас отец:

— Я ответил Владимиру Ильичу, что то же самое ощутил в Тудозерском Погосте, да и повсюду, где довелось работать. Появляются люди, словно ждут сигнала...— Отец задумался, складка пересекла его лоб.— Нет, не всегда ждали,— сказал он.— Приходилось разрушать непробойную кору страха, привычку к бесправию. Это, знаете, счастье, когда видишь, как разгораются творческие силы.

К разговорам о творческих силах народа отец возвращался не раз. Он хотел, чтобы мы поняли: революция на всех этапах была, есть и будет творчеством народа, руководимого партией. Потому уже в трудные первые годы, когда Наркомпрод лишь строил продовольственный аппарат, Ленин требовал в органы заготовок вводить рабочих больше, больше!

— Он жестко напоминал нам: «Без помощи рабочих Компрод есть нуль»,— сказал отец.

Пишу эти строки и понимаю, как беспомощно мое перо передать читателю, что слова отца — не политическое выступление, а доверительная беседа о том, что было его жизнью...

В июне 1904 года отца перевели из Тудозерского Погоста в город Вытегру «в видах лучшего за ним наблюдения». Но уже до того отец установил связи с ссыльными Вытегры и дальних мест края. Вскоре в Вытегру были переведены В. А. Кугушев, и Я. А. Берзин, и костромской ссыльный крестьянин А. Лаптев, польский социал-демократ И. Мерецкий, помощник присяжного поверенного Ф. Волькенштейн. Поселились с отцом, коммуной. Сюда сходились многие ссыльные, допоздна велись споры о теории, о методах революционной работы в массах.

Все они были молоды, жажда битвы кипела в их сердцах. Потому с их приездом тихая жизнь Вытегры изменилась: то среди ночи раздавался хор, пели «Царь-вампир», «Смело, товарищи, в ногу». То на шлюзовых будках, на конторах по найму бурлаков появлялись листовки. Из-под прилавка стали продавать запрещенные книги. Их привозили студенты из Петрозаводска.

С опозданием в Вытегру пришла весть о расколе среди «искровцев» на II съезде партии. Разногласия проявились и здесь. Знаю, что отец не колеблясь избрал позицию большевиков.

С сыновней гордостью привожу свидетельства товарищей, вместе с отцом отбывавших ссылку.

Ян Антонович Берзин пишет: «Мои большевистские настроения укрепились в ссылке главным образом под влиянием А. Д. Цюрупы».

Старый большевик Б. Поплавский: «В тяжелые минуты ссыльных поражала исключительная вера Цюрупы в победу рабочего класса. Кристальная честность и братское отношение к своим товарищам — ссыльным, умение подойти к каждому, вникнуть... побеспокоиться о нем — вот что характеризовало Цюрупу. Тот, кто хоть раз встречался с ним, никогда не мог его забыть. Это был настоящий революционер с железной волей...»

Отец болел. Врач — в прошлом участник студенческого движения — выдал ему справку о необходимости сменить климат на южный. Отца перевели в Уфу — полицейское представление о южном климате.

...Вытегра. Храню фотографию. Ссыльные — семь мужчин и четыре женщины — сняты у поленницы дров. Мужчины с охотничьими ружьями и патронташами — охота была подспорьем. Мой отец — с длинными хохлацкими усами. Князь Кугушев — его легко узнать по татарским красивым глазам под темными бровями. Это его фотоаппаратом, единственным на колонию, сделан снимок.

Рядом с отцом наша мама в шапочке пирожком, как носили в начале века курсистки и молодые женщины из интеллигенции. А перед нею и папой, прижавшись к их коленям,— два хлопчика в длинных, на вырост тулупчиках, Митя и Петя, мои старшие братья.

...Наша тихая, нежная мама. Недавно сестра обратилась с запросом в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства — нет ли сведений о Марии Петровне Резанцевой — и получила неожиданный для нас, ее взрослых детей, ответ:

«На Ваше заявление сообщаем: Мария Петровна Резанцева (по мужу Цюрупа), 1872 г. рожд. 25 декабря, уроженка г. Уфы, русская... В обзоре по Казанской губ. за 1890 г., составленном начальником жандармского управления, указано, что Резанцева сочувствует всякому противоправительственному движению среди студентов, активно участвует в организации кружков «противоправительственного направления»; знакома с политически неблагонадежными лицами. По сведениям за март 1897 г., М. П. Резанцева жила в Петербурге, училась на историко-филоло-

гическом ф-ке Бестужевских курсов и 4 марта 1897 г. в числе слушательниц Высших женских курсов приняла участие в демонстрации у Казанского собора... 10 октября 1898 г. Резанцева допущена к должности учительницы профессиональной мужской воскресной школы, «при условии учреждения наблюдения за ее деятельностью».

Из протокола, составленного старшим ротмистром Шибановым:

«В апреле 1900 г. был произведен обыск у Марии Петровны Цюрупы (урожд. Резанцевой), при чем найдены нижеследующие преступные издания (следует перечень). Принята в отношении Марии Цюрупы первоначальная мера пресечения — отдача под особый надзор полиции».

В сводке сведений по Уфимской губернии на май 1910 года указаны 10 листов полицейских донесений и охранных отделений за годы с 1891-го по 1910-й.

1910-й — это Узенский хутор. У мамы четверо детей: Митя, Петя, пятилетняя Валя, трехлетний Дима (Вадим)...

Мы, взрослые дети, не вникали в биографию мамы. Может быть, считали, что ее биография — это мы, пятеро?

Наша нежная мама. В ее характере была некая тихая твердость.

КНЯЗЬ КУГУШЕВ

Отцу отменили ссылку в 1904 году, была объявлена частичная амнистия — родился наследник царского престола. Князь Кугушев предложил А. Д. Цюрупе занять место управляющего его имением в Уфимской губернии «Узенский хутор». Должность давала постоянный заработок, агрономическую работу и условия для подпольной работы.

Вскоре бежали из ссылки Берзин и Кугушев. Бежали дерзко: выехали на лодке на рыбалку, бросили на берегу одежду, переоделись в чужое и ушли на нефтяной барже. Затопленная лодка и одежда убедили полицию в том, что два ссыльных утопули.

Князь Вячеслав Александрович Кугушев. Теперь о нем написаны повести, его портрет висит в Музее революции. А я расскажу о нем, как о человеке близком, чья жизнь накрепко связана с отцом.

Рассказ мой справедливо начать с того, что мы, ребята, не понимали, какая крупная, неповторимая личность рядом с нами.

В Москве Вячеслав Александрович с женой Анной Дмитриевной часто бывали у нас — по дружбе и по родству: тетя Аня была сестрой нашего отца.

Статный, красивый даже в старости, знакомый нам с малолетства, он был внимателен к нам, уже выросшим детям. Расспрашивал нежно: «Как Валечка? Как Волик? Алечка? Гайша?»

Вячеслав Александрович происходил из княжеского обрусевшего татарского рода. Отец его владел землями в Тамбовской губернии и в Предуралье, золотыми приисками на Урале.

Тетя Аня сохранила автобиографию Вячеслава Александровича, повесть о человеке, в юности восставшем против своего класса. Вот она лежит сейчас передо мной — несколько пожелтевших страничек с дополнениями, сделанными его тончайшим изящным почерком, с его личной подписью.

«...Мать умерла через неделю после родов. Отец отсутствовал, отдаваясь целиком стяжательству. Я, старший брат и сестра росли одиноко среди чужих, наемных людей... Из 4-го класса Уфимской классической гимназии отец отвез меня и брата в Питер, в 1-ю военную гимназию, где, как он полагал, мы лучше будем ограждены от «превратных мыслей».

...Разгар крепостнической борьбы, выстрелы Засулич, убийство Мезенцева, взрыв в Зимнем дворце и другие акты террора будили юную мысль и заставляли искать ответов на «проклятые вопросы».

Встретил в Летнем саду Александра II и не снял шапки. Охранники сбили ее и основательно отругали. 1 марта 1881 года я прибежал к месту взрыва, когда оно еще не было оцеплено караулом и любопытные разбирали обломки кареты и лоскутки шинели царя».

Гимназистом Кугушев тайно читал «Землю и волю» и «Черный передел». Отказался от военной карьеры, поступил в Лесной институт. Увлекла политическая экономия, зачитывался трудами Маркса. В Петербурге близко сошелся с болгарским революционером Димитром Благоевым, деятельно участвовал в создании первой в России социал-демократической группы. Жил на Выборгской стороне, в среде рабочих, вел кружки.

Впервые Кугушева арестовали в 1884 году по делу о подпольной типографии, оборудование для которой он раздобыл. Благодаря княжеской родне через месяц его освободили, учредив негласный надзор.

Второй арест — в 1887 году — за революционные связи. Выпущен под залог с поселением в имении отца и увольнением со службы. Из автобиографии: «Семейный и полицейский надзор превратили жизнь в каторгу. Под угрозой лишения наследства исполнил требование отца — подал прошение о помиловании. У меня была... установка получить средства и отдать их на революцию».

Дядя Витя-старый однажды пошутил, и эта шутка отразила дорогую ему суть жизни:

— Я неплохо, с большими процентами, распорядился моим состоянием, вложил его в надежное дело, в революцию, отдал большевикам.

В 1902 году Кугушева арестовали третий раз, обвинив в причастности к террористическому акту.

Княжеская родня советует его отцу объявить сына умалишенным. Опека грозит лишением наследства. Из автобиографии: «Я немедленно подал прошение о поми-

ловании. Оно парализовало намерение отца. Однако на жандармов воздействия не имело».

После полутора лет заключения Кугушева отправили этапом в ссылку в Карелию.

Я. А. Берзин вспоминает, что во все годы ссылки и в годы столыпинской реакции материальная помощь Кугушева ссыльным, арестованцым простиралась далеко за пределы Олонецкой губернии. В тюрьмы или в Сибирь деньги посылались окольными, конспиративными путями. Десятками, пишет Берзин, исчислялись товарищи, бежавшие из ссылки на средства Кугушева, а сотнями такие, которые только благодаря его поддержке не погибли от голода в те жестокие годы. В течение долгих лет он помогал оставшейся без средств к существованию семье казненного в 1907 году Ивана Якутова.

Когда Кугушев бежал из Карелии за границу, управляющий его имением Цюрупа пересылал партии крупные суммы.

Любопытное свидетельство: дочка помощника управляющего, будущая наша сестра Аля, тогда девочка, помнит разговоры в семье о том, что для пополнения необходимых сумм не раз поджигалось застрахованное: амбары, старые строения, скирды сена; сгорел даже Верхний хутор на Кабан-Ульгане.

Кугушев вернулся на родину, когда революция 1905—1907 годов была подавлена, в тяжелое время реакции. Отец по его распоряжению продолжал передавать крупные суммы на нужды партии. Доходы с имения росли. Мама вспоминала, как Кугушев говорил ей:

— Запущенное хозяйство расцвело! Так может работать только человек-художник. Гляжу и любуюсь Александром Дмитриевичем.

«Дорвавшись» до земли, отец работал увлеченно. Мама рассказывала:

— Мы его не видели от зари до зари. Едва уговорила заезжать в полдень обедать, когда каждый крестьянин обедает. Только и слышала от него: покосы, семена, да какой колос полегает, какой выстаивает. А в суховей — сам чернел, иссушенный, как те сожженные поля. И все меня уговаривал, как важно вносить в хозяйство науку и как много наука должна взять из мужицкого опыта. Я смеялась: «Да что ж ты меня-то уговариваешь?» — «Да нет, Маня, это я своим мыслям».

Отец занимался и селекцией, вывел стойкую пшеницу «кугушевку».

Подряжая крестьян на посадку ветроломных лесных полос, призывал к заботе о сохранении и восстановлении плодородия почв. Объяснял, что, когда лесные полосы загородят каждое поле, не страшны станут нивам разбойничьи налеты пыльных бурь.

...В сегодняшней Башкирии тысячи гектаров ветрозащитных полос, выращенных совхозами и колхозами, могучими кронами ломают, обуздывают ветры, сберегают в корнях влагу. Башкирские ученые подсчитали, что они обеспечивают стойкое увеличение урожаев.

Передо мной хрупкий, протершийся на сгибах бланк 70-летней давности: «Контора Узенского хутора. Узенского № 20 винокуренного завода князя В. А. Кугушева. Племенное свиноводство, крупные йоркширы (белые, английские). Торговля молоком и молочными продуктами своего имения».

На бланке личное письмо моего отца к брату его Льву Дмитриевичу:

«Дорогой Лева! Кажется, наше хозяйство прогрессирует и интенсифицируется. Нынче на выставке мы получили 3 медали и похвальный лист за жеребят. Я сам выдаю себе медаль за ленточный посев овса».

Есть в письме и очень личные строки. Они касаются людей, которых уже нет на земле, имеют отношение к жизни семьи моего отца. В них сообщается о том, что сестра отца Анна Дмитриевна стала женой Кугушева. С тех пор он навсегда вошел в нашу ребячью жизнь, как «дядя Витя-старый».

В Государственном архиве Башкирской АССР обнаружен документ с грифом «Секретно».

«В Узенском винокуренном заводе служат на должностях у князя лишь только те лица, которые не признают правительства, а также властей его, начиная с самого управляющего А. Д. Цюрупы и кончая последним чернорабочим»,— сообщал унтер-офицер. Его тревога усугублялась тем, что каждое лето, в кумысный сезон, на хутор «со всех сторон сходились из разных городов лица разных персоналов под видом кумысников, которыми были переполнены все помещения, но кумыс получали очень мало, а по вечерам вели беседы до утра, куда примыкал и управляющий Цюрупа».

Кугушев с Цюрупой выстроили в Бекетово церковь и лавку, чтоб удобней общаться с крестьянами, которым небезопасно было часто ходить на хутор. Лавка также не давала бекетовскому кулаку выжимать деньги из крестьян.

Но щупальца полиция протягивала изощренно. На хутор приезжали гостить воспитанники дяди Вити-старого, которым он давал образование в гимназиях и институтах. Позже имя любимой воспитанницы было обнаружено в списках провокаторов.

Когда пришло известие о свержении царя, князь Кугушев с рабочим отрядом ворвался в тюрьму и, сбивая замки с камер политзаключенных, кричал:

— Тиран пал! Свобода, товарищи!

После Октября вчерашнему князю был поручен пост руководителя отдела заготовок Уфимской губернии. Позднее, переехав в Москву, он работал в Наркомпроде, в финансовых органах. За революционные заслуги Советское правительство назначило ему персональную пенсию.

Грустно-анекдотическую историю поведал мне Василий Фадеевич Тарасов, бывший подпасок в имении князя Кугушева, приятель моей сестры Вали, после Октября — активный комсомолец, по-юношески максималист.

Мы с ним вспоминали Уфу, и Василий Фадеевич, такой же немолодой человек, как я, с юмором и горестью «исповедовался»:

— Вот какое дело было. Иду в Уфе по улице. Уже у нас Советская власть, нет никаких помещиков, князей, и вдруг — навстречу идет князь Кугушев. Ну как ни в чем не бывало! Я возмутился и пошел в ЧК. Мол, так и так: ходит себе князь, классовый враг, помещик, эксплуататор!

— Хорошо,— говорят,— иди.

Минует какое-то время, опять князь мне навстречу. Я в ЧК:

— Что ж, говорю, вы смотрите? Я ж вам сигнализировал!

— Ладно,— отвечают,— приняли твой сигнал. Ступай, не волнуйся.

Так я князя Кугушева семь раз «сажал» и не посадил. И только возмужав, узнал о заслугах Вячеслава Александровича перед народом и партией большевиков.

Вячеслав Александрович посмеялся, узнав от Васи о стараниях в молодости «упечь» его в тюрьму.

Есть мужественная страница жизни Кугушева, о которой я должен рассказать. Она связана с освобождением семей уфимских большевиков, брошенных белыми в тюрьму в качестве заложников. Среди них была моя мать со мной, шестилетним.

Все произошло так. Отец уже работал в Москве. Мама, закончив курсы кооператоров, организовывала кооперати-

вы, преподавала в городе Бирске. Когда в Уфу вступили белые, мой старший брат Митя был уже в Красной Армии, на фронте; 15-летний брат Петя с другом, Юрой Файвилевичем, скрывались в лесу. Мама перевезла меня, Димку и Валю в деревню Семеновку. Доктор А. П. Файвилевич уже не работал в больнице, там был другой врач, либерал, он приютил нас. Но было тесно, и ночевать мама уходила через глубокий овраг в деревню, там снимала на лето избу Надежда Тимофеевна Файвилевич с детьми.

Квартиру нового врача связывал с больницей телефон. И надо ж такому случиться: жена доктора подняла трубку — позвать мужа обедать — и вдруг услышала, как медицинская сестра говорит кому-то:

— Приезжайте срочно! Тут жена комиссара Цюрупы.

Жена врача побежала через овраг предупредить маму. Но уходить было поздно. Перед крыльцом спешились офицер и солдаты. Милая Надежда Тимофеевна шепнула маме, что выдаст ее за экономку, но тут же простодушно назвала при офицере Марией Петровной.

Сперва «гуманно» взяли одну маму. Мы с Валей вернулись в нашу уфимскую квартиру. Тюрьма была близко, и мы каждый день ходили к маме на свидание в «арестный дом». Но у нас, в комнате братьев Мити и Пети, стояли постоем казаки. 13-летняя Валя их боялась и ночевала у знакомых. А меня, как это ни удивительно сейчас звучит, водили ночевать к маме, в тюрьму, потому что не с кем было оставить. Рядом была камера уголовниц и проституток, они дрались, визжали, ругались. На меня это не производило впечатления, я был поражен тем, что на окнах решетки и что по коридору провели нашего знакомого в железных наручниках с кровавыми подтеками на лице...

Утром Валя забирала меня домой. Но в какой-то день меня на волю не выпустили, оставили с мамой в тюрьме. Еще в камере находились с матерями дети большевиков, работавших с отцом в Москве,— Андрюша [1] — сын Н. П. Брюханова и Боря [2] — сын А. А. Юрьева. Недавно мы все трое, уже немолодые люди, вдруг стали «кинозвездами»: нас снимали в фильме «Маленькие заложники» на Пермской студии телевидения.

С допросов мама возвращалась очень бледная. Андрюшина мама сказала ей: «Какой вы молодец, не плачете».

[1] Андрей Николаевич Брюханов — доктор технических наук, профессор.

[2] Борис Акимович Юрьев — видный конструктор.

Мама ответила: «Вот еще, не хватало плакать перед этими ничтожествами».

Ряд иностранных дипломатов выступил с протестом против ареста женщин и детей: «Консульства нейтральных государств в Москве просят заявить кому следует... что подобные действия противоречат международному праву». В моем архиве хранится, в те дни заверенная печатью, копия этой радиограммы, посланной 2 сентября 1918 года. Под протестом — подписи датского, шведского, нидерландского, норвежского, швейцарского консулов.

А вот другая радиограмма. Передана в Петроград 18 августа:

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

...В Уфе арестованы жены видных большевиков и некоторых комиссаров, в их числе находятся жены комиссаров продовольствия Цюрупы, Брюханова, Юрьева, жена и сын председателя железнодорожного комитета...

Ставим в известность, что судьба арестованных в Уфе будет зависеть от судьбы увезенных большевиками».

Вот она, эта ветхая копия, лежит сейчас передо мной — с двуглавым орлом на печати. Туманные слова «судьба... будет зависеть» расшифровывалась в другой перехваченной телеграмме, говорившей ультимативно о предстоящем расстреле семей большевиков.

Вывезенные из Уфы в Сарапул Красной Армией при отступлении другие «уфимские заложники», о которых пеклись колчаковские власти, были активно действовавшие против Советской власти гражданские лица, а также офицеры и генералы, взятые в плен в боях. Спекулятивно используя их пленение, колчаковцы шли на шантаж: ставкой в их игре были жизни детей и женщин.

Записка по прямому проводу, штаб третьей армии

«Сообщаемому из Уфы списку... заложников, вывезенных в Сарапул значатся... (следуют 22 фамилии). Предлагаю принять строжайшие меры их безопасности ввиду предполагающегося ближайшее время обмена. Отвечайте.

Председатель ВЦИКа *Свердлов*».

В Уфе жена брата отца, Виктора Дмитриевича, Нина Григорьевна, мать троих детей, решилась на смелый шаг. Она явилась к городскому голове Верниковскому, рассчитав, что его супруга приходится родной сестрой арестованной жене Н. П. Брюханова, и предложила, что поедет

в Москву к Цюрупе передать условия, на которых белые согласны на обмен. Ей дали провожатого для переезда через линию фронта белых.

Однако эту операцию по спасению женщин и детей едва не сорвало драматическое событие:

«Радиограмма, 12 сентября 1918 года

тт. А. Д. Цюрупе, Н. П. Брюханову, А. А. Юрьеву

На ваш запрос сообщаю, что... за неподчинение и сопротивление конвою при вооруженном нападении прапорщика Деева с целью освобождения заключенных, конвоем при исполнении служебных обязанностей в пути были расстреляны кроме вышеназванного Деева из числа арестованных... (следовало шесть фамилий)».

Переговоры об обмене усложнились. Теперь белогвардейские власти потребовали передачи им также и колчаковцев, арестованных в Мензелинске и Бирске.

По указанию Ленина всех арестованных, готовясь к обмену, сосредоточили в городе Вятке.

«Вятка, губисполком, председателю. 10 октября 1918 г.
...Немедленно вышлите Москву распоряжение ЦИК надежной охраной всех заложников... За их безопасность и неприкосновенность возлагаю личную ответственность начальника конвоя. Исполнение телеграфируйте.

Председатель ВЦИК *Свердлов».*

Ленин с тревогой глядел в побледневшее лицо Цюрупы. Наркомпрод работал. Слов утешения Владимир Ильич не говорил. Но вникал во все шаги по обмену, который мог сорваться из-за тысячи причин — несогласованности или произвола на местах, несовершенства радиосвязи, из-за слепой случайности, из-за коварства врага.

Уфимские военные власти не торопились с обменом, видимо не желая упустить выгодный для шантажа козырь. Дорог был каждый час. Владимир Ильич решает послать в Уфу, занятую белыми, доверенного человека, которому можно поручить трудную и опасную миссию.

— Кого бы вы порекомендовали? — спросил Ленин Цюрупу.

— Кугушева,— ответил отец.

Кугушев перешел линию фронта во время военных действий. С тактом и твердостью справился с дипломатическим поручением. Семьи большевиков были освобождены. Мы с мамой из тюрьмы вернулись в уфимскую квартиру. Между нами и отцом пролегал фронт...

А Вячеслав Александрович Кугушев едва не погиб.

Как всегда полный спокойного достоинства, он при переходе обратно через линию фронта, уже на нашей стороне, предъявил красноармейцам удостоверение, заверенное печатью с двуглавым орлом, выданное белогвардейским командованием для пропуска через расположение Самарской группы войск белых.

Красноармейцы решили, что перед ними уж точно шпион.

— Завтра расстреляем,— пообещали они, запирая его в сарай.— Вот утром вернется председатель ревтрибунала, тогда уж...

Председателем оказался латышский большевик, с которым Кугушев вместе был в Олонецкой ссылке.

— Все получилось так, как долженствовало быть,— невозмутимо резюмировал дядя Витя-старый, вспоминая этот случай.

Обычно дети принимают добрые отношения между родителями как само собой разумеющееся. Я, например, не думал об их любви. Она раскрылась мне, когда уже не было ни отца, ни мамы. Я прочел ответ отца на письмо управделами СНК Н. П. Горбунова из Германии. Горбунов просил разрешить ему вернуться, ссылаясь на разлуку с женой. Из ответа отца: «...простите меня, это не аргумент... Да, такие положения бывают. Моя жена была в заложниках... можете себе представить, как мы оба тосковали...»

— Рыцарственные отношения связывали твоих родителей,— сказал мне, взрослому, уже очень старый Вячеслав Александрович.

— Они знали тайну любви нежной и достойной: они умели щадить друг друга...

О глубине тревоги и заботы отца о нас, детях, о нежности его к нам говорит сохранившееся письмо к Димке, написанное уже в другое время, когда он, 11-летним, впервые уехал со школьниками работать в сельскохозяйственный кооператив. Поезда ходили нерегулярно, в прокуренных, замызганных подсолнечной шелухой вагонах теснились мешочники, тиф еще не был подавлен.

«Дорогой мой Димочка! Когда я проснулся, тебя уже не было. Ты ушел. Теперь вот, сидя у себя в кабинете, в одиночестве, ясно представил себе твою фигурку в фуражке военного образца, с мешком за плечами — и больно и радостно мне стало за тебя. Вот спешишь ты на вокзал, на сборный пункт, потом едешь поездом, потом идешь десять верст пешком... Сколько тебя, такого маленького,

подстерегало по пути несчастных случайностей. На тебя мог наскочить автомобиль, тебя могли затолкать на вокзале при посадке в поезд... Могло быть крушение поезда. На грязном вокзале, в грязном вагоне ты мог заразиться любой болезнью. Идя 10 верст, ты мог промочить ноги и заболеть. И еще 1000 случайностей могло быть... И так жалко мне стало тебя, так больно. Но потом я подумал: такой маленький с такими же маленькими, как самостоятельно они действуют!

Они не беспомощны, как дети, они самостоятельны и деятельны, как взрослые. Они — молодцы! И мне стало радостно. И захотелось мне написать тебе об этом... Будь здоров, мой дорогой мальчик, будь здоров и весел. Целую моего мальчика.

Александр Цюрупа».

...Когда Уфу после тяжелых боев освободила Красная Армия, мама с Валей и Петей, которому шел 16-й год, уехала к отцу. Трудно было ехать со всеми, нас с Димой должны были привезти знакомые. Но Уфу опять взяли белые. Агент Сибирского бюро ЦК РКП(б) писал: «В одну ночь все овраги наполнились трупами... Избивали, кололи штыками. У некоторых убитых не было пальцев... В расстрелах участвовали офицеры и добровольцы — сынки буржуев и кулаков». В уфимскую тюрьму бросили около двух тысяч человек.

Уфа была окончательно освобождена 9 июня 1919 года частями 5-й армии Восточного фронта. Первой с боями в город вошла 25-я Чапаевская дивизия. Продолжая преследование колчаковских войск, тяжело раненный, 5 сентября 1919 года погиб в реке Урал герой наших детских игр и мечтаний, легендарный полководец Василий Иванович Чапаев...

Вячеслав Александрович еще долго дразнил «горе-путешественниками» нас с Димкой. О том, что он спас нам с мамой жизнь, мы с ним никогда не говорили, даже не вспоминали об этом.

Только теперь, рассказав о нем, считаю, что хоть в малой доле выполнил свой долг перед дядей Витей-старым, словно бы извинившись за наше глупое юношеское непонимание его достойной, мужественной жизни.

ХЛЕБ ПРОЛЕТАРСКИМ ЦЕНТРАМ

Писатель Виктор Борисович Шкловский прекрасно сказал о воспоминаниях, что они не раскатываются, как рулон, они идут клочками.

— Я их потом переклеиваю,— признался он,— ...чтобы все было подряд, чтоб читать было легче. Но времени прошло много, и жизнь износилась на сгибах и распалась частично...

Рассказом о заложниках я вновь нарушил ход повествования. На истершихся сгибах жизни — по документам, по рассказам отца восстанавливаю годы, прожитые им до того, как я сам получил возможность помнить.

Отец вернулся из ссылки в 1904 году. Началась русско-японская война. Шло нарастание революции. Глубину и массовость приобретала подпольная работа партии.

— А ты, папа, когда вернулся из ссылки, что ты сам делал? — атаковали отца мы с Димкой.

Нам хотелось, чтобы отец взрывал штабы врагов, чтобы с красным знаменем скакал на коне, чтобы он...

— Я сам, один, никогда ничего не делал,— отвечал отец, понимая, какие романтические бредни будоражат наши мальчишеские головы.— Был избран членом Уфимского комитета партии, и мы вели каждодневную, рядовую, необходимую работу.

Отец мог бы рассказать нам, что Уфимский комитет РСДРП, уже практически готовясь к вооруженному восстанию, создавал отряды боевиков и рабочую милицию. На деньги, собранные по подписным листам, закупали оружие, в лесу тренировались в стрельбе. Он мог бы рассказать, как созданный им с Иваном Якутовым отряд ночью совершил налет на склад винного завода, куда было завезено оружие для раздачи продавцам питейных лавок, черносотенцам; экспроприировали 97 браунингов и 100 тысяч патронов. И о том, как устроили подпольную типографию, оборудование для нее под носом у полиции вывезли из местного издательства. Ночью подкатило не-

сколько саней с боевиками, связали сторожа, разобрали станки, погрузили в сани и скрылись. Краски, бумагу, шрифты раздобыл отец. Он нашел и наборщиков.

В глубоком подполье, недоступная полиции, эта типография выпускала большевистскую газету «Уфимский рабочий», и «Солдатскую газету», и «Крестьянскую газету», и прокламации. Новую типографию по старой памяти «искровских» времен называли смешным конспиративным именем — Акулина. Мария Ильинична в одном из писем 1903 года писала о ней: «Акулина их высмотрит недурно».

Отец мог бы рассказать, как, невзирая на бдительность полиции, проходили бурные митинги — в рабочих поселках, в лесу, на заводских территориях и в депо. И как в ноябре 1905 года на митинге бастовавшего металлургического завода в Златоусте он говорил о целях и задачах партии, о практической подготовке к вооруженному восстанию... Налетела полиция. Рабочие отбили Цюрупу. Впрочем, от полиции случалось уходить не раз.

Ничего из этих эпизодов отец нам с Димкой не рассказывал. Старался вселить в нас уважение к рядовой, будничной партийной работе. По воспоминаниям товарищей я восстановил эти факты.

А у нас тогда разговор произошел об агитации и пропаганде. Да, на эту серьезнейшую тему говорил с нами наш отец, один из руководителей государства, заместитель Председателя Совнаркома. Он не посчитал аудиторию, состоящую из двух мальчишек десяти и пятнадцати лет, недостойной такого разговора.

Надежда Константиновна в своих «Воспоминаниях о Ленине» скажет об отце, что он «очень скромный человек, не оратор, не писатель, но был он прекрасным организатором... Он был прекрасным революционером, не боявшимся трудностей, отдававшим всего себя работе, борьбе за дело, значение которого он до конца понимал».

И отец про себя говорил, что он не оратор. Но старые его товарищи рассказывали мне — его выступления на митингах, лишенные ораторских эффектов, были наэлектризованы материалом жизни, ошеломляюще доказательны. Рабочие подолгу не отпускали его от себя после митингов.

Говорил нам он и о работе партийного агитатора:

— Партия ставила задачу — объяснить события в активной сжатой форме, и так доступно, чтобы даже неграмотный понял нашу с ним общую цель.— И тут он заго-

релся: — Понимаете, ребята, агитация и пропаганда были для нас боевым, иной раз смертельно опасным делом. Они были да и остаются оружием революции и, значит, строительства социализма!

Многие слова, слышанные в жизни, приходят и уходят, а эти звучат в памяти всю мою журналистскую жизнь. И так ясно помнится, отец сидит за письменным столом в домашней куртке, свежие газеты раскрыты перед ним, от них пахнет типографской краской, и он говорит, поглаживая неспокойной ладонью газетную полосу:

— Вот пишут: «Агитация и пропаганда», и опять, и опять. Слова тут и остаются словами. Владимир Ильич учил их делом наполнять. Показывать опыт! Каждого ходока из деревни, каждого представителя с завода, если в его рассказе была хоть крупица опыта строительства социализма, он направлял в «Правду» и другие газеты.

К нам ли с Димой обращался отец? Или раздумывал вслух, полный тревоги — это я понял через годы — за тем, чтобы формально повторяемые, драгоценные понятия не стирались бы, как расхожие монеты.

И тут он сказал задорно, именно нам:

— Эх, братцы мои. Слово — это как раз тот «порох», который надо держать сухим. Его надо обновлять опытом, чтоб был боеспособным. «Слово тоже есть дело»! — утверждал Владимир Ильич.

Читая Ленина, воочию вижу истоки ленинской школы в суждениях отца. Вспомним ленинское «Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений». И еще: «Это, именно, задача — превратить прессу... в серьезный орган экономического воспитания масс населения».

Наша печать служит именно этим задачам. Но, перечитывая Ленина, понимаешь, как необходимо держать руку на его вечно сражающихся томах, определяя верный пульс своей журналистской работы.

Мы с Димой были горды, что отец развивал перед нами дорогую ему тему о роли газеты, о роли партийного слова, будто в нас, мальчишках, хотел найти единомышленников, работников.

Конечно, я не смог бы тогда в свои 10 лет запомнить и понять все, что говорил отец. Но Дима был старше меня на пять лет. Он записал этот разговор, потому что собирался делать у нас в МОПШКе доклад об агитации и пропаганде, и избрал меня аудиторией для репетиций и бессчетно много раз читал свои записи вслух. Эти тороп-

ливые его каракули на листках серой тетрадной бумаги я перечитывал позднее, когда Димы не стало.

В тот вечер мы с отцом вспоминали об Уфе. Для нас, детей, Уфа осталась родным городом, где за каждым поворотом улицы, за каждым поворотом жизни нас ожидало чудо, как всех оно ожидает в детстве.

...Я обязан обратиться к пятому году.

Мама рассказывала, как тяжело далось отцу сознание поражения. Но когда она заговорила с ним об этом, он ответил:

— Что я? Больно и страшно думать, как мучительно трудно ему, да еще там, вдали, опять в эмиграции...

Вторая эмиграция для Владимира Ильича, по словам Надежды Константиновны, была морально несравненно тяжелее первой, предреволюционной. Тяжелым камнем лежали на сердце крушение надежд, гибель людей, разгром организаций.

Владимир Ильич писал в Россию: «Надо собирать новые, примыкающие к пролетариату, силы. Надо «собрать опыт» двух великих месяцев революции (ноябрь и декабрь). Надо приспособиться опять к восстановленному самодержавию, надо уметь везде, где надо, опять залезть в подполье...»

Шла революционная работа в глубоком подполье. Эти годы принесли идейные шатания в среду социал-демократов. Ленин резко выступал против попыток ревизии марксизма, против упадочнических, ликвидаторских настроений.

Уфимские большевики работали самоотверженно. Должность управляющего имением давала отцу возможность маскировать подпольную деятельность: выезды для конспиративных встреч были прикрыты деловыми надобностями — посещением банка, фирм, оптовых покупателей. Потому многое, и встреча отца с посланцем ЦК И. А. Саммером, и передача через него информации и денег, осталось тайной для полиции.

В этот трудный для партии период отец резко критически оценивал свой вклад в революционную работу.

...Передо мной машинописные странички более полувековой давности. Это стенографическая запись ответов отца при заполнении анкеты партконференции 15 января 1927 года.

«...Когда в 1898 году образовалась партия, я стал членом партии. Во время «чистки» в 1921 году я... откровенно сказал, что начиная с 1906 по 1913 год я принимал уча-

стие в работе партии меньше, чем в предшествующий промежуток времени, за который я 3 раза арестовывался и побывал в ссылке, и чем за последующий промежуток времени, однако я участвовал в работе партии и был, между прочим, такой важный для меня факт: во время выборов во 2-ю Государственную думу... на партийной конференции мне было поручено проводить эти выборы, и я их проводил. Таким образом, я имел полную доверенность от партии.

Во время «чистки» мне в Комиссии сказали, что такой промежуток времени — 6—7 лет слишком велик, и стаж мне сократили, обозначив его с 1913 года... Я доказал бы неправильность этого решения, но я подумал так: незачем прибавлять лишнее темное пятно на порядок, который был в проверочной Комиссии. Это, конечно, была моя ошибка, но теперь уже поздно. Я никуда не обжаловал. Владимир Ильич приказывал, чтобы я обжаловал. Поэтому я имею партийный стаж с 1913 года.

Член ВКП(б), партийный билет № 161364».

В позднейшие годы Надежда Константиновна вспоминала, как горячился и даже сердился Владимир Ильич, преодолевая упорное нежелание отца хлопотать за себя; убеждал его, что спад революционной активности в то время не его вина, это общая беда партии. Сетовал, что уважаемой комиссии просто не хватило исторической грамотности, и настоятельно просил, чтобы отец потребовал пересмотра решения.

Не знаю, обращался ли отец в ЦКК, но стаж его восстановлен.

В августе 1914 года Россия вступила в первую мировую войну. 38 стран с населением более полутора миллиардов человек были ввергнуты в адскую мясорубку, оправдываемую шовинистическими призывами к защите отечества, к спасению нации.

Задача социалистических партий всех стран была общей: раскрыть народам, чьи грабительские цели они защищают, разоблачить лжепатриотические лозунги буржуазии. Но социал-демократы Германии проголосовали за военные кредиты. Социалисты Франции, Бельгии вошли в правительства своих стран и потребовали «во имя патриотических интересов» на время войны прекратить борьбу рабочих против своих угнетателей.

И только в России большевики перед лицом тягчайших испытаний остались верны пролетарскому интернационализму.

Листовки — эта оперативная, действенная «малая» партийная печать — вели свою боевую работу. Уфимские большевики выпустили листовку «Война — войне!». Отец готовил ее вместе с Н. П. Брюхановым. В основу лег ленинский лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Отлично поработала эта массовая листовка, одна из многих, издаваемых большевиками в пролетарских центрах России.

Отец вел антивоенную агитацию среди рабочих Уфы и на Усть-Катавском, Симском, Аша-Балашевском и других заводах.

...Нам, сыновьям, которые прочтут в студенческие годы ленинские работы тех лет — «Война и российская социал-демократия», «Социализм и война», «О национальной гордости великороссов»,— в моем отрочестве отец рассказывал, как переписывались от руки редкие их экземпляры, попадавшие в Уфу.

Отец с волнением говорил нам наизусть строки, ставшие сегодня хрестоматийными, а для него — накаленные дыханием боя.

— Вы еще вспомните слова Владимира Ильича о достойных отношениях народов,— сказал отец. И, погладив мою макушку, добавил мягко: — И ты вспомнишь.

Мы вспомнили, вернее, мы не забыли. Ленинская мысль проникала в еще неугадываемые времена, когда, отдав двадцать миллионов своих сыновей и дочерей в битве с фашизмом, наша страна отстоит свободу порабощенных народов Европы.

В Великой Отечественной воевали и мы, три брата.

...Войны справедливые и несправедливые. О них говорил с нами отец. Он вселял в нас ясное понимание того, что военное посягательство на самостоятельность других стран, подчинение их своим интересам — это выражение самой сути империализма.

Живые, борющиеся ленинские мысли, как высокие мосты, пролегли из тех лет в годы 1941—1945-й и оттуда в наши годы XX века, когда в ненасытной жажде захвата чужих территорий, в страхе перед освободительными движениями, в ненависти к социалистическому лагерю империалистические вандалы готовят ядерную войну, гибель человечеству, его свободолюбивому разуму, его цивилизации, его детям.

Лишь на другой день, после того как 27 февраля 1917 года восставший пролетариат России свергнул самодержавие, в Уфу прорвались вести с телеграфной ленты о революции. 2 марта Уфимский комитет РСДРП перешел на легальное положение. Отец — член его президиума и депутат Совета рабочих и солдатских депутатов. Перед Советом — труднейшие вопросы. Главный — продовольственный. Уфимская губерния — одна из житниц страны.

Отцу поручен пост председателя губернской продовольственной управы. Ему доверено и другое ответственное дело: создать профсоюзы на заводах губернии. Именно профсоюзы должны дать бой эсеровскому и меньшевистскому влиянию среди рабочих, обуздать владельцев шахт и фабрик, преодолеть их саботаж и угрозы локаутов. Промышленность еще не национализирована. До Великого Октября более полугода.

Но уже с марта выходила «Правда». И уже прозвучали 7 апреля с ее страниц Апрельские тезисы Ленина, отвергнув войну до «победного конца» и дав программу действий пролетариату. В условиях разрушенной войной экономики Ленин как важную задачу назвал в Тезисах установление рабочего контроля над производством и распределением.

На совещании продовольственной управы и Совета рабочих и солдатских депутатов Цюрупа предложил для борьбы с явным и тайным саботажем горнопромышленников ввести рабочий контроль на всех предприятиях.

Впервые в истории капиталистических предприятий Урала рабочие взяли на себя учет запасов металла, контроль над заказами и распределением.

9 июня отец был избран председателем Городской думы.

Расстрел Временным правительством июльской демонстрации в Петрограде прервал мирное развитие революции. Партия взяла курс на вооруженное восстание.

В эти бурные дни в Уфе шла большевизация Совета; меньшевиков вынудили выйти из его состава. Избран новый состав комитета партии: А. Д. Цюрупа, Н. П. Брюханов, А. П. Кучкин, Э. С. Кадомцев, А. А. Юрьев, Ф. Я. Першин, А. И. Свидерский и другие испытанные товарищи.

В общем плане вооруженного восстания ЦК РСДРП четко определил роль Уфы: на уральских большевиков была возложена задача обеспечить продовольствием восставшие промышленные центры.

Продовольственной работой в Уфе руководил отец.

За несколько недель до Октябрьского восстания были сосредоточены на ссыпных пунктах, подготовлены к отправке необходимые запасы хлеба. Но отец не двинул их в Петроград, чтобы хлеб не попал в руки Временного правительства. Ждали вестей из центра.

Лишь на второй день революции, 26 октября, в бывшем губернаторском особняке Цюрупа, Брюханов, Свидерский и другие уфимские большевики с увлажненными глазами читали сошедшую с телеграфного аппарата ленту: «Петроградский гарнизон и пролетариат низвергли правительство Керенского, восставшее против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное правительство, прошел бескровно».

Экстренное заседание Уфимского губкома партии.

Экстренное заседание Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов. Резолюция о взятии власти.

Создан Революционный комитет. От большевиков входят Цюрупа, Свидерский, Юрьев, Брюханов, Евлампиев. Ревком обеспечил переход власти к Советам.

На экстренном заседании думы кадет Толстой кричит:

— Городской думе не подобает быть под председательством большевика Цюрупы. Принадлежность председателя думы к преступной организации — вызов всем государственным элементам общества!

Казачий атаман Дутов, подняв восстание в Оренбурге, угрожает Уфе. Уфимский Совет опирается на местный 20-тысячный гарнизон и на отряды уральских рабочих. Не хватает оружия. Ленин советует: не ждать директив, действовать по обстановке.

Против Дутова выступает первый отряд вооруженных рабочих.

Интереснейший документ тех дней приведен в книге уфимского журналиста Ю. П. Кизина. Через восемь дней после взятия пролетариатом власти в Петрограде на совещании Уфимского ревкома и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов председательствующий задает представителям с мест один и тот же вопрос:

«В чьих руках находится власть?

Миньярский завод: «Вся власть в руках Совета. Власть принадлежала, принадлежит и будет принадлежать ему».

Миасский завод: «Вся власть фактически находится у Совета».

Катав-Ивановский завод: «Все функции управления Совет взял на себя. Теперь создается Красная гвардия».

Симский горный округ: «В революционном и большевистском Симском округе вся власть с первых дней революции в руках Советов».

Кусинский завод: «Фактически власть в руках Совета. Имеется Красная гвардия».

Богоявленский завод: «Управляющего экономией сместили, отобрав у него живой и мертвый инвентарь, и назначили комиссара по охране леса. Все распоряжения взял на себя Совет рабочих и крестьянских депутатов. Красная гвардия организована. По первому призыву гвардия готова стать на защиту революции»...

В эти дни под охраной вооруженных рабочих двинул А. Д. Цюрупа весь заготовленный хлеб, эшелон за эшелоном, пролетариату Петрограда и Москвы. В первые месяцы Советской власти Уфимская губерния дала рабочим центрам 11 миллионов пудов хлеба.

„ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО"

Писатели и литературоведы немало спорят о вымысле и его границах в создании книг, причастных к Лениниане.

Восхищаюсь талантом писателей, которые, опираясь на тончайшую интуицию, художнический такт и знания, обретают право на вымысел.

Мне вымысел недоступен. Я журналист. Существуют законы жанра. Считаю, что журналисту лучше отрубить себе руку, чем допустить вымысел. Журналист — летописец. Исповедую это.

Писатель Савва Дангулов в рассказе «Сердце» приводит слова молодого Джона Рида о его будущей книге «10 дней, которые потрясли мир»:

— Мир интересует только одно: как это было в России. Нет, никакой беллетристики! Нужна книга записей, свидетельство летописца... От часа к часу, ото дня ко дню... Каждая деталь бесценна, если она документальна... Именно летопись революции...

Такими ли именно словами говорил Рид, не знаю, ведь перед нами художественная проза. Но я им верю, этим словам. Потому что Рид писал свою книгу именно **так**, он имел на это право, он был участником событий и вел свою летопись фактов, пропущенных сквозь сердце художника, непосредственно вслед за жизнью.

Что стоит за фактом, ребенку казавшимся малозначимым?

Идя по следам факта, журналист, как исследователь, смеет надеяться, что доберется до живой сути времени, ощутит его пульс, его плоть, его значимость. Остро ощущаю это потому, что на моей руке всегда, как в юности, чувствую руку отца.

Однажды на встрече со старыми товарищами по «продовольственному фронту» отец посоветовал им писать воспоминания.

— Очень важно это сделать, пока живы те люди, которые помнят, как это было. Уйдем мы и унесем с собой

в «никуда» все, что потом историки ни из каких документов не почерпнут.

Они ушли. Ушел отец. Я включил в эту книгу их голоса, их воспоминания. Это о них, о товарищах своих, говорил отец:

— В годы гражданской войны, когда хлеб решал судьбу Советской власти, они действовали как подлинные герои. Они не стремились попасть на страницы истории, они просто и беззаветно, не считаясь со смертельной опасностью, с голодом и холодом, добывали хлеб, необходимый для самой жизни Республики.

Мне хотелось бы, чтобы моя книга посильно ответила на вопрос, который задает нам читатель новых поколений:

— Как это было?..

В этой главе снова говорят документы. Поднятые из архивов, они высвечивают приметы времени, и пронзительно ощущаешь душевную связь с историей Родины, сыновнюю благодарность ей.

В документах — сражающаяся мысль Ленина. В них труд и жизнь моего отца и многих товарищей — большевиков, перед светлой памятью которых склоняешь голову.

«Петроградская правда», 4 мая 1918 года:

«Москва без хлеба. Наличность хлеба и зерна в Москве с каждым днем уменьшается, подвоз сокращается. По полученным сведениям, после пасхи паек в Москве уменьшат до $^1/_8$ фунта».

Одна восьмая фунта — это пятьдесят граммов.

Два месяца назад, 25 февраля 1918 года, отец был назначен народным комиссаром продовольствия.

3 марта вынужденный Брестский мир отнял у Республики самые хлебные, плодородные земли Украины, дававшие более трети всего зерна страны.

Со страниц «Правды» еще 24 февраля Ленин с полной откровенностью сказал народу, как «невероятно, неслыханно тяжело подписывать несчастный, безмерно тяжелый, бесконечно унизительный мир, когда сильный становится на грудь слабому. Но непозволительно впадать в отчаяние...

За работу организации, организации и организации. Будущее, несмотря ни на какие испытания,— за нами».

В «Тезисах по текущему моменту» 26 мая Ленин выдвинул важнейший тезис: «признание страны в состоянии *грозной опасности* по продовольствию». Это время стало, по словам Владимира Ильича, самой трудной, тя-

желой и критической полосой для социалистической революции.

Необходимо было продержаться до нового урожая. Надежда на спасение была близка. Из губерний шли сообщения: наливаются невиданные хлеба.

Ленин, 26 июня 1918-го: «Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель».

В марте, после подписания Брестского мира, английские и французские интервенты высадились в Мурманске, в апреле во Владивостоке — японцы. 24 мая в Мурманский порт вошел с десантом американский крейсер «Олимпия».

25 мая начался мятеж чехословацкого корпуса, возвращавшегося на родину и растянувшегося по всей России,— а это до 45 тысяч человек, выросших за счет белогвардейского офицерья. Корпус, хорошо снаряженный, поддерживаемый союзными державами, отрезал от советской России хлеб Поволжья, Южного Урала, Сибири.

Орган чехословацкой компартии «Пруконник свободы» сообщал о регулярных взносах от французских и английских консулов чешскому национальному совету, составивших с 7 марта до дня выступления корпуса сумму около 15 миллионов, за которые «была продана чехословацкая армия французским и английским империалистам».

Цель империалистических держав была ясна: задушить голодом первую в мире социалистическую республику, отрезав ее революционные промышленные центры от всех источников продовольствия, топлива, от хлеба нового урожая.

Империалисты опирались также на внутреннюю контрреволюцию. На Дону руководил наступлением контрреволюционной казачьей армии генерал Краснов, тот, что командовал в октябре 17-го войсками, двинутыми Керенским на Петроград; тогда — плененный и отпущенный Советской властью под честное слово, что не поднимет оружия против Республики, стал атаманом Войска Донского.

В оренбургских и уральских степях поднял контрреволюционное казачество атаман Дутов, в Забайкалье жег, вешал, расстреливал атаман Семенов. Правоэсеровские войска заняли Сарапул. В июле — августе 1918 года в центральных губерниях прокатилось свыше 200 кулацких восстаний. Они полыхали в Тамбовской, Курской, Орлов-

ской губерниях. С помощью белочехов вырастали в грозную силу.

Призывы к миру между народами, провозглашенные в первом декрете Советов, переданном по радио, и обращение Советского правительства к бывшим союзникам России о мирных переговорах не были поддержаны империалистическими державами.

Антанта вела вооруженную интервенцию. Англичане с мурманского плацдарма наступали на Петрозаводск. Военные корабли Антанты и США вошли в Белое море. В августе высадился десант в Архангельске. В ноябре союзнические военные корабли вошли в Севастополь и другие порты Черного моря.

Ленин: «Факт таков: весь цивилизованный мир идет сейчас против России».

К осени 1918 года три четверти Республики были заняты врагами. Красная Армия, насчитывавшая 500 тысяч бойцов, была увеличена до полутора миллионов.

Уходили на фронт рабочие, крестьяне, останавливались заводы и фабрики. Во многих районах земля лежала незасеянная. Десятки тысяч коммунистов были мобилизованы на фронт. В памяти нашего поколения остались надписи на дверях райкомов комсомола:

«Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Красная Армия, еще плохо вооруженная, разутая, полуголодная, сражалась на фронтах, растянувшихся на 8 тысяч километров.

Нужно было кормить огромную армию, рабочих, женщин, заменивших мужей у станков и изготовлявших снаряды и вооружение. Люди падали в цехах от истощения. Республика терзалась пыткой голода.

Три миллиона кулацких хозяйств, в предвоенные годы вместе с помещиками дававших $^3/_4$ товарного хлеба страны, теперь удерживали огромные хлебные запасы, обрекая на голод не только промышленные центры, но и многие потребляющие губернии.

Бой, объявленный Республике кулачеством, Советская власть должна была выиграть, преодолев саботаж продовольственных органов, где засели меньшевики и эсеры. Выиграть, введя жесточайшую хлебную монополию, сосредоточив все запасы хлеба в руках государства.

В 36-м ленинском томе Полного собрания сочинений, в наброске плана статьи «Очередные задачи Советской власти», сконцентрированно, исчерпывающе выражена формула новой политической задачи, неотрывной от зада-

чи экономической: «Борьба с буржуазией переходит в стадию организованного учета и контроля. (Не вместо, а вместе.)».

Перед партией встал вопрос о создании принципиально нового продовольственного аппарата с централизованной властью, с обновленными органами в центре и на местах, в работу которых, по указанию Ленина, должны быть вовлечены сотни сознательных рабочих.

25 февраля 1918 года отец был утвержден народным комиссаром продовольствия, заменив А. Г. Шлихтера, получившего ответственное задание ЦК партии — организацию заготовок в Сибири[1].

Руководство битвой за хлеб было возложено па А. Д. Цюрупу. Главком хлеба, хлебный главнокомандующий — называли отца товарищи по продовольственному фронту. Так называли его в народе, свидетельствуют воспоминания людей, иные из которых еще живы.

Мы, взрослые сыновья Александра Дмитриевича Цюрупы, крепко запомнили, что, когда кто-либо пытался подчеркнуть личные заслуги народного комиссара, отец требовательно напоминал, что битву за хлеб вела армия продовольственников. Под его руководством, вместе с ним работали крупные организаторы — А. Е. Бадаев, Н. П. Брюханов, М. К. Владимиров, Д. З. Мануильский, Л. И. Рузер, А. И. Свидерский, М. И. Фрумкин, А. Б. Халатов, А. Г. Шлихтер, А. А. Юрьев, А. С. Якубов, опытные бойцы продовольственного фронта М. Г. Непряхин, Б. И. Монастырский и другие товарищи.

К выполнению важных продовольственных задач привлекались М. И. Калинин, А. В. Луначарский, Г. К. Орджоникидзе, С. П. Середа.

Положение с продовольствием было тяжелым до крайности. На стол к народному комиссару потоком шли телеграммы. Из Владимира: «Губерния переживает небывалый голодный кризис... половина фабрик и заводов встали. Во имя спасения революции помогите...»

Из Иваново-Вознесенска телеграфировал М. В. Фрунзе: «Рабочие изнурены до последней возможности, фабрики останавливаются».

Из Выксы Нижегородской губернии: «Рабочие голодают и падают у станков. Кто еще держится, тот будет продолжать работать. Умоляем послать нам хлеб и не дать

---

[1] А. Г. Шлихтер был назначен чрезвычайным комиссаром продовольствия в Сибири; с 1919 г.— наркомпрод Украины *(В. Ц.)*.

оставшимся еще у станка рабочим свалиться от голода и этим остановить завод».

Из Массальска Калужской губернии: «Иваново-Дубровская волость голодает. Поля остаются незасеянными».

Ленин в записке Цюрупе: крестьяне Московской губернии нуждаются хотя бы в минимальной норме выдачи, «иначе *съедят все семена* и *не вспашут*».

Шли тревожные сообщения о крайней нужде в Петрограде, Твери, Царицыне, Костроме, Смоленске, Боровске, Ярославской, Московской, Нижегородской губерниях, Курске, Вязьме, Талдоме, Бронницах, Серпухове и многих других местах.

Бойкотируя хлебную монополию, кулаки — крупнейшие держатели хлебных запасов — отказывались продавать хлеб Советскому государству по твердым ценам. На утаенных запасах хлеба паразитировало мешочничество. В Курской губернии орудовало 20 тысяч мешочников-спекулянтов, в Тамбовской — около 50 тысяч. «Там, где появляются мешочники, работы продовольственных органов прекращаются» — это из выступления отца на заседании ВЦИК 1918 года.

А Петроград жил на голодной восьмушке. Москва неделями не получала хлеба, а люди шли и ехали за хлебом в Москву.

И Ленин, зная всю безвыходность положения, все же писал:

«7.VI.1918 г.

Тов. Цюрупе или его заместителю...

Посылаю к Вам представителей Вышневолоцкого Совдепа.

Голод там мучительный. Надо экстренно помочь всякими мерами и дать хоть что-либо тотчас.

Я уже беседовал с этими товарищами об образовании отрядов и о задачах продовольственной работы, но надо, чтобы и Вы с ними объяснились.

Ленин».

«10.VI.1918 г.

Тов. Цюрупе или его заместителю

Податели — товарищи от Мальцевских заводов (до 20 000 рабочих, в их округе до 100 000). Продовольственное положение — катастрофическое.

Прошу выслушать их и

(1) принять экстренные меры, чтобы тотчас помочь хоть в пределах минимума, но помочь немедленно;

(2) привлечь представителей Мальцевского района в Малый продовольственный совет;

(3) напрячь усилия для организации отрядов от мальцевских рабочих.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)».*

«11.VI.1918 г.

Тов. Цюрупе или его заместителю

Тов. Цюрупа!

Податели — представители Брянского завода. Так как вчера Вы... хорошо столковались с мальцевскими, то, я уверен, столкуетесь и с брянцами. Очень и очень прошу принять их тотчас и сделать все возможное.

Привет! Ваш *Ленин».*

Были и такие эпизоды. Об одном из них повествует старый продработник В. Тимофеев из Ногинска:

«...Ближайший соратник Ленина, старый большевик Александр Цюрупа, рассказал нам, работникам продовольственного фронта, один примечательный случай, характеризующий Владимира Ильича.

— Помню, в то утро... меня просили зайти к Владимиру Ильичу,— начал товарищ Цюрупа.— Когда я вошел в его кабинет, мне представилась такая картина: Владимир Ильич что-то объяснял сидевшему в кресле Дзержинскому, а тот, нахмурив брови, молча слушал его. Ленин, повернувшись, протянул мне руку.

— Феликс Эдмундович жалуется на вас,— сказал Ильич с озабоченным видом.— Оказывается, батенька мой, мы недодаем целых двадцать пайков хлеба для арестованных ВЧК буржуев? Как же это так? А?

— Владимир Ильич! Вы же знаете, что у нас не хватает хлеба даже для рабочих, изготовляющих оружие фронту. Откуда же взять лишних двадцать пайков для сидящих в ВЧК контрреволюционеров?

Шагнув к Дзержинскому, Ильич остановился:

— Видите, что получается с вашими подопечными?

— Понимаю, Владимир Ильич, все понимаю, но что толку из того? — отозвался председатель ВЧК.— Мы арестовали людей, мы и обязаны их кормить.

— Ну да, это справедливо! — подтвердил Ленин и снова обратился ко мне: — Послушайте! А что, если пошарить по закромам, может быть, все же наскребете двадцать-то пайков?

Не хотелось огорчать лишний раз Ильича, однако при-

шлось напомнить о бедственном положении в Москве и Петрограде. Тогда Владимир Ильич задумался...

— Говорите, не хватает продовольствия только на двадцать грешных душ. Следовательно, с остальными дело обстоит терпимо? А знаете что, товарищи! Выход-то, хотя и простенький, а все-же есть. Феликс Эдмундович! Отберите-ка вы двадцать менее агрессивных буржуев, возьмите с них честное слово в том, что они не повторят своих каверз против Советской власти, и освободите их на поруки! А коли люди голодны — извольте это сделать без промедления!»

Центральный Комитет партии постановил переправить на продовольственный фронт максимум партийных сил.

Ленин: «Мы решили ограбить все комиссариаты, чтобы усилить экстренно *Комиссариат продовольствия* хотя бы на 2—3 месяца...»

Рассказывает Василий Лукич Панюшкин, бывший матрос, участник Октябрьского вооруженного восстания, в 1918 году — чрезвычайный военный комиссар по хлебозаготовкам:

«...На кремлевском дворе встретился с Я. М. Свердловым.

— Есть важное поручение,— сказал он.— Ночью правительство обсудило продовольственный вопрос... Владимир Ильич предложил разослать во все губернии чрезвычайных уполномоченных... На твою долю выпала Тула. Готовься в дорогу. Возьмешь с собой отряды ВЦИК...

Днем состоялось короткое совещание у В. И. Ленина. Докладывал Цюрупа:

— В Москве хлеба на полтора дня. Больше запасов нет. То, что идет к нам, не спасет. Нужен хлеб.

— Кажется, все ясно? — спросил Ильич.— Ну, торопитесь. Советую брать хлеб не только руками продотрядов. Организуйте местную бедноту: бедняк пойдет за вами. Берите хлеб у кулака, а середняка просите, чтобы продавал. Едут ли с вами агитаторы?

— Едут, Владимир Ильич.

— Как вооружены отряды?

— Хорошо.

— Люди надежные?

— Проверенные революцией.

— Это важно».

Записка Ленина Цюрупе:

«...Сейчас только я написал Шляпникову (наркому труда.— *В. Ц.*), чтобы он ехал на Кубань. Он *сегодня*

должен договориться с Вами. Советую *сегодня же* назначить его от СНК».

Цюрупа — Ленину:

«Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия. С ним и Шляпникову будет хорошо».

Ленин — Цюрупе:

«Я согласен вполне. Проводите обоих *сегодня*».

...Отец рассказывал нам, взрослым сыновьям:

— Товарищи уезжали, я обрисовывал им обстановку в губернии, называл людей, на которых можно опереться, давал подсчеты местных запасов. Мы намечали задачи и план действия. Я завидовал им. Хотелось своими руками вырывать хлеб у кулачья, у саботажников, заготавливать, ссыпать, отправлять зерно. Я агроном — мне бы почувствовать тяжесть этого зерна, отвоеванного нами, в нем — будущие урожаи, в нем спасение от голода. Завидовал...

Вечером, перед отъездом, ко мне домой пришел Сталин. (Мы, дети, не раз видели, как он приходил к отцу по делу, отвечал коротко «благодарю» на мамино приглашение к столу и закрывал за собой дверь в папин кабинет.)

Отец рассказывал:

— Вошел в кабинет, шинель внакидку, брови сдвинуты. Стал передо мной:

— Ваш Компрод нужно разогнать. Всех до одного — на места. Пусть грузят хлеб своим горбом. Вас, как руководителя, в первую очередь.

Я ответил:

— Согласен. Доложите Центральному Комитету.

Знал бы он, как я рвался туда...

Отец сообщил Владимиру Ильичу об этом визите. Спустя годы рассказал нам о разговоре с Лениным. Передаю его так, как храню в памяти: Владимир Ильич выслушал меня и усмехнулся.

— Что ж,— сказал он,— и вы, и я многое хотели бы делать сами, своими руками, не так ли, Александр Дмитриевич? Вырвать у врага, послать голодным 10, 20, 100 эшелонов хлеба, какое счастье, а? Но есть другая, архитрудная задача, от которой нас с вами никто не освободит: мы с вами *осуждены* решать проблему ежечасно и в перспективе, в огромном масштабе — *государственно* решать...

Не смею ставить кавычек. Но в этом коротком рассказе отца мы со старшим братом Дмитрием запомнили каждое слово.

В январе 1919 года на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и Всероссийского съезда профессиональных союзов Ленин скажет: «Мы представляем осажденную страну, крепость. В этой осажденной крепости нужда неминуема, и поэтому задача Комиссариата продовольствия самая трудная из организационных задач какого бы то ни было комиссариата».

Перед Наркомпродом стояла задача взять в руки государства и распределить хлебные ресурсы страны.

Еще в июне 1918 года Цюрупа сообщил телеграфом всем продорганам, что для регулирования продовольственного дела на юге в Царицын направляется И. В. Сталин, которому даны чрезвычайные полномочия. Сталин ехал вместе со Шляпниковым на помощь Чрезвычайному комитету продовольствия, которым руководил А. С. Якубов — член коллегии Наркомпрода. Для укрепления железнодорожного транспорта был командирован особоуполномоченный Совнаркома, член ЦК партии Ф. А. Сергеев (известный под именем Артем), энергичный, талантливый организатор.

Цюрупа — телеграмма 11 июня Якубову, Сталину, Шляпникову:

«Ввиду событий в Самаре, Омске, перерыва железнодорожного движения Пермь — Вятка, полной неизвестности положения транспорта Пермь — Екатеринбург — Тюмень, совершенно отрезавших Сибирь, не ожидая Вашего согласия, направляю водным путем из Вятской, Уфимской губерний работников-техников... Прошу их принять, дать немедленно дело, рассыпав их по местам заготовки и, если нужно, местам отправки и продвижения по путям хлеба. Из числа посылаемых найдутся... крупные организаторы для сбора хлеба на местах... ответственность за честность которых готов взять на себя...»

Владимир Ильич сделал приписку на телеграмме отца:

«Настоятельно советую принять и поставить на работу посылаемых Цюрупой людей, раз он ручается за них. Крайне важно использовать опытных честных практиков».

Наркомпрод создал на юге сильный, активно работающий продовольственный аппарат, охвативший важнейшие районы.

15 июня Сталин телеграммой сообщил Ленину об отправке в Москву 500 тысяч пудов хлеба. Но железнодорожный путь перерезали казаки. Отправка хлеба стала возможной только по Волге.

Цюрупа — по прямому проводу в Саратов, в ночь с 17 на 18 июня:

«Ввиду перерыва сообщения Царицын — Грязи спешно баржами отправляются Саратов Царицын пятьсот тысяч пудов хлеба, полторы тысячи голов скота. Предлагаю принять энергичные меры немедленной погрузке всего... в вагоны и скорейшей отправке в Москву адрес Компрода».

Царицынская экспедиция под руководством И. В. Сталина работала с исключительной энергией. Были пресечены сепаратные действия на местах, восстановлены твердые цены и хлебная монополия. Несмотря на наступление белых, в июне — августе с юга было отправлено около 5 миллионов пудов продовольственных грузов.

Другую хлебную экспедицию возглавил А. Г. Шлихтер. Это был умелый организатор. Отец относился к нему с глубоким уважением. Александр Григорьевич отвечал ему тем же, несмотря на то что отец заменил его на посту народного комиссара. Люди ленинской школы были выше амбиций.

В мае 1919 года, уже будучи наркомпродом Украины, Шлихтер напишет Ленину:

«...Я получил неприятное сообщение. Мне сказали, что Цюрупа покидает комиссарство из-за болезни. С уходом Цюрупы, Владимир Ильич, наше положение здесь чрезвычайно ухудшится. Мы лишимся тогда уверенности и, главное, всегда определенной поддержки во всех принципиальных и практических вопросах, которые нельзя разрешить здесь без Москвы. Задержите, не пускайте Цюрупу. Дайте ему отдых, пошлите на юг в санаторий, но пусть он числится комиссаром».

Однако вернемся к 1918 году.

Ленин — Цюрупе:

«Для Шлихтера надо найти с е р ь е з н о е продо(вольственное) дело: *напр(имер)*, собрать 100% разверстки в N уездах... создать образец и т. п.».

А. Г. Шлихтер действительно создал «образец», опробовав систему разверстки, подсчитав излишки и разверстав их сумму по селам и дворам в 20 волостях Вятской губернии, которая скопила до 16 миллионов пудов хлеба и не давала государству ни фунта.

За две недели было заготовлено 308 тысяч пудов хлеба. Опыт экспедиции был применен в Тульской губернии, где в Ефремовском уезде, по договорным отношениям с

крестьянами, в контакте с комбедами она заготовила 2800 тысяч пудов.

Эти данные привел в своем труде «Борьба за хлеб» доктор исторических наук М. И. Давыдов. Вот его выводы: «Значение хлебозаготовительных экспедиций Наркомпрода трудно переоценить... Тем не менее основная тяжесть осуществления хлебной монополии в то время легла не на эти экспедиции, как принято думать, а на весь продовольственный аппарат, и прежде всего на губернские и уездные продкомы. В этом звене решался исход битвы за хлеб. Сюда... направлялся поток коммунистов из пролетарских центров. Продовольственные органы очищались от эсеро-меньшевистских и других антисоветских элементов. На основе декрета от 27 мая 1918 года началась кампания по переизбранию продкомиссаров и продколлегий. В середине августа по представлению губпарткомов Цюрупа утвердил основной состав вновь избранных продовольственных комиссаров в 24 губерниях, областях и отдельных районах, 20 из них были большевиками».

Шла гигантская, каждодневная государственная работа Советской власти; создание крепкого продовольственного аппарата в стране было необходимой частью этой хозяйственной и политической работы.

Ленин, май 1918-го. Из письма к питерским рабочим «О голоде».

«Революция идет вперед, развивается и растет... Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим *со стороны рабочих* и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма. Это — уже не «общереволюционная», а именно *коммунистическая* задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму».

В августе 1918 года, когда рабочих в продотрядах было уже до 30 процентов, Ленин счел их привлечение, а также формирование рабочих отрядов недостаточным. Владимир Ильич сердится. На записке Н. П. Брюханова по этому вопросу он написал: «Либо мы поднимем рабочие массы на серьезное движение за хлебом (и *за* удушением кулаков) — этого Компрод не делает,

— либо никакой Компрод вовсе и не нужен».

«Известия ВЦИК» печатают обращение Совета народных комиссаров ко всем трудящимся «На борьбу за хлеб»:

«Не медля же, рабочие и беднейшие крестьяне, подымайтесь на беспощадную борьбу за хлеб».

Подписи — Ленин, Цюрупа, Бонч-Бруевич, Н. Горбунов.

«Правда», 25 мая 1918 года:

«Взять хлеб у сытых, дать хлеб голодным — вот простая, величественная и неотложная задача революции».

9 мая отец выступает на заседании ВЦИК:

— У нас нет другого выхода, как объявить войну деревенской буржуазии... Чрезвычайные права... должны быть представлены единолично народному комиссару. К этому побуждает необходимость быстроты и единства действий... В целях борьбы с дезорганизацией... комиссариат предполагает, что необходима суровая и непреклонная центральная власть.

Требование о предоставлении народному комиссару чрезвычайных прав, то есть установление продовольственной диктатуры, вызвало злобные протесты меньшевиков Мартова, Дана и Суханова, лидера левых эсеров Карелина. Ряд продорганов, бывших под их влиянием, поддержали обструкцию, которой был подвергнут новый проект. От имени этих продорганов выступал Рыков.

Отцу не изменила выдержка. Перекрывая выкрики и амбициозные требования изменить всю продовольственную политику, отвергнуть диктатуру, отец отвечал с трибуны:

— Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идет о войне. Только с оружием в руках можно получить хлеб. Это нужно оценить. Кто не понимает этого, тот решительно ничего не поймет... Нам нужно искать опоры у местных Советов. Но... если эти Советы созывают съезды, которые отменяют хлебную монополию и твердые цены, которые в чисто местных интересах... загребают в свои руки хлеб и продолжают его держать в своих руках,— ясно, что с такими съездами мы будем вести борьбу вплоть до заключения в тюрьму, до посылки войска, до последних форм, крайних форм гражданской войны.

...Партия считает, что общая классовая борьба беднейшего крестьянства против кулаков создаст и укрепит союз трудового крестьянства и рабочего класса.

Цюрупа — Ленину: «Только что закончилось рассмотрение декрета о продовольственном деле в президиуме Ц. И. К. Внесен ряд поправок... Есть весьма существенные, меняющие существо полномочий. Скажите вкратце

Ваше мнение, а также сообщите формальный порядок его введения в действие ввиду того, что пред принятием декрета мной заявлено о сложении полномочий».

Ленин — Цюрупе: «Декрет ухудшен (но, по-моему, в мелочах, и *не стоит* поднимать оттяжки: это возможно — жалобой в Ц. К.— но, по-моему, не стоит).

Ваше заявление об отставке, пока она не принята, не имеет юрид(ического) значения».

В борьбе меньшевиков и эсеров против декрета столкнулись два несовместимых взгляда на решение продовольственного вопроса, на пути развития социалистической революции: марксистский, революционный, и реформистский, мелкобуржуазный, боящийся революционного действия.

13 мая 1918 года Президиум вторично рассмотрел декрет и утвердил его. В окончательной редакции Ленин предложил «сильнее подчеркнуть основную мысль о необходимости, для спасения от голода, вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба».

Тотчас декрет был введен в действие, отпечатан в сотнях тысяч экземпляров, расклеен на улицах городов и поселков, на железнодорожных станциях и вагонах, на пристанях и пароходах. С уважительным доверием к массам он раскрывал все политические мотивы и политические меры Советской власти в разворачивающейся битве за хлеб.

В стране была установлена продовольственная диктатура.

В литературе встречается ошибочное утверждение, что чрезвычайные права были предоставлены органам Компрода, но текст декрета, исключая возможность разночтений, предоставляет чрезвычайные права народному комиссару продовольствия.

У нас дома в очень трудные для страны дни мама и я слышали, как, войдя в кабинет к отцу, Владимир Ильич спросил его вроде бы и полушутя:

— Так как вы полагаете, наш хлебный диктатор?

Они с отцом сразу перешли к делам.

В голодающую Москву неделями не подвозили хлеба. Неприкосновенного запаса едва хватало, чтобы накормить детей. Представители заводов, железнодорожников, водников просили разрешить им самостоятельные заготовки продуктов. Отец советовался с Лениным, высказывал

свои возражения, считая, что такие заготовки сорвут заготовки государственные, которые единственно могут спасти страну от голода.

Владимир Ильич подсказал решение: объединить усилия отдельных заготовительных групп с общими силами Компрода. В принятом СНК постановлении было записано, что «отказ в таком соединении сил означает или означал бы отказ поддержке Советской власти, отказ помочь общерабочей и общекрестьянской борьбе с голодом».

Во время обсуждения этого постановления Ленин пишет отцу:

«Будет ли еще борьба из-за «самостоятельных заготовок»? Или нет? Не опубликовать ли в газетах, и от чьего имени, прилагаемое?» Он приложил к записке уже подготовленный им «Проект обращения к рабочим и крестьянам» о самостоятельных заготовках.

Цюрупа — в ответной записке:

«Борьба будет, опубликовать нужно — от имени Совнаркома».

Ленин — Цюрупе:

«Сейчас? Или подождать первого выстрела от них?»

Постановление опубликовано 4 июня 1918 года в «Известиях ВЦИК». Самостоятельные заготовки признаны в нем гибельными для всего продовольственного дела, для революции.

24 мая 1918 г. Телеграмма рабочим Кинешемского района.

«Товарищи рабочие!.. Своими необдуманными выступлениями и самостоятельным товарообменом не вносите дезорганизации в тяжелую работу по добыванию вам хлеба... Если хотите помочь, оказать содействие своей рабоче-крестьянской власти... выделяйте из своей среды лучших знатоков продовольственного дела для работы в советских продовольственных органах, вербуйте боевые отряды честных, неподкупных, решительных революционеров, верных защитников интересов рабочих и крестьянства... Помните твердо: или мы организованно, с честью, выйдем из всех обрушившихся на нашу голову неслыханных затруднений, или же все неминуемо обречено на полную гибель. Третьего не дано...

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

Третьего не дано! Под знаком этой формулы, определившей непоколебимую логику действий, строила на труд-

нейшем этапе продовольственную политику Советская власть.

10 мая Ленин принял путиловского делегата, председателя заводской закупочной комиссии, разметчика котельного цеха Андрея Васильевича Иванова. Думаю, что эта беседа знаменует собой новый важнейший шаг в проведении продовольственной политики, ярко раскрывает органические узы, связующие партию и молодое Советское правительство с рабочим классом.

В своих воспоминаниях А. В. Иванов расскажет, что Владимир Ильич вынул из письменного стола только что принятый Советом Народных Комиссаров декрет, прочитал его, подписал «и вручил мне, чтобы я ознакомил с ним путиловцев».

Заботясь о том, чтобы помочь путиловцам в предстоящей им ответственной, организационной и разъяснительной работе, Ленин, об этом сообщает Биохроника, пишет письмо А. Д. Цюрупе с просьбой подтвердить решение о создании продовольственных отрядов из рабочих для военного похода на деревенскую буржуазию и на взяточников и дать Иванову письменное заверение для ознакомления рабочих Петрограда, что Наркомпрод дает таким отрядам большие полномочия.

И потом, казалось бы, мелочь... Но не было для Ленина мелочей в решении дела, и не было мелочей в проявлении заботы о людях. И потому, фиксирует Биохроника, Ленин звонит по телефону коменданту Николаевского вокзала, просит устроить Иванову одно место в скором поезде, чтобы на другой день утром он был в Петрограде, на заводе.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Ленин — в записке Цюрупе: «Я сказал ему (Иванову.— *В. Ц.*) свое мнение:

если *лучшие* питерские рабочие не создадут *по отбору* надежной рабочей армии в 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного *военного* похода на деревенскую буржуазию и на взяточников, то голод и гибель революции неизбежны».

После встречи с Ивановым Владимир Ильич написал письмо питерским рабочим «О голоде». Страстность и глубокая человечность его, при беспощадной политической ясности цели и методов, потрясает душу и сегодня. Вот строки из него:

«Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август...

Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба:

Либо сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе;

— либо буржуазия при помощи кулаков... сбросит Советскую власть...»

Ленин говорил о трагических последствиях, которые повлечет за собой поражение: буржуазия водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

«Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности...

Каждая минута промедления грозит гибелью страны и гибелью революции...

И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых... отрядов рабочего класса и всех трудящихся России».

Ленин призывал, чтобы питерские рабочие — авангард революции — кликнули клич, поднялись массой, поняв, что в их руках спасение страны, объяснял, что от них потребуется героизм не меньший, чем в январе и октябре 5-го, в феврале и октябре 17-го года. Он звал их «организовать великий *«крестовый поход»* против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий *«крестовый поход»* против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба...»

Еще невиданную в мире задачу ставил Ленин перед рабочим классом конкретно и четко: нужны десятки тысяч закаленных пролетариев, настолько сознательных, «чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов... для водворения порядка, для укрепления местных органов Советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива».

Он предупреждал, что это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, ограничиваясь порывом — восстанием... И давал политическую, высочайшую оценку подвигу, на который поднимал пролетариев:

«Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний» (разрядка моя.— *В. Ц.*).

Итак, страна признана в состоянии грозной опасности по продовольствию. На основе ленинских «Тезисов по текущему моменту» Совет Народных Комиссаров утверждает неотложные меры продовольственной политики. Ленин предложил объявить военное положение, начать 3-месячный военный поход за хлебом, мобилизовать для этого армию, в каждый отряд, действующий против кулаков, включить от $^1/_3$ до $^1/_2$ состава рабочих и беднейших крестьян из голодающих губерний.

В крупнейших промышленных центрах — в Петрогра-

де, Москве, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Туле, Ярославле и других городах шла организация рабочих продотрядов.

Наркомпроду поручено составить Обращение к населению. Оно напечатано в центральных газетах. Вот строки из него:

«Хлеб надо взять силой у кулаков...

На этот путь встало Правительство, на этот путь оно зовет и вас, товарищи рабочие и голодающие крестьяне...

Знайте, товарищи... что, может быть, это будет один из последних боев, который вы должны дать буржуазии.

Проиграть его — значит проиграть революцию...

Все выдержанное и дисциплинированное и сознательное в единый организованный продовольственный строй!

Беспрекословное исполнение всех указаний центральной власти!

Никаких сепаратных действий!

Полный революционный порядок в стране!

Война кулакам!

Сим и только сим, товарищи рабочие и голодающие крестьяне, вы победите голод и пойдете к другим победам по пути к социализму...

Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)».

«Крестовый поход» начался. Он охватывал страну все шире, проникая в самую глушь деревенской жизни, поднимая на борьбу задавленное нуждой и бесправием бедняцкое население. В деревню направлялись десятки тысяч продотрядовцев из промышленных центров.

Из Москвы народный комиссар продовольствия провожал прибывавшие сюда продотряды, напутствуя их ленинскими словами о том, что сегодня мало быть заготовителями, надо быть экономистами; что каждый продовольственник должен видеть себя солдатом на боевом посту; что борьба за хлеб слилась с борьбой против контрреволюции и решить эти две задачи в отрыве друг от друга невозможно.

На продовольственную политику Советов кулачество ответило вооруженными восстаниями и террором.

На стол народного комиссара продовольствия ложились телеграммы:

Из Вятки 27 июня 1918 года сообщили в Москву, что отряд, командированный Яранским продполком, разбит в Сердежской волости. «Побоище было страшное, нападение было произведено на спящих. Пока отыскали 6 трупов, в том числе зверски растерзан начальник продотряда Крапинов. Многие убитые не найдены. Тяжелораненых 17, легко — 40».

Тула. «Кулачество мечет гром и молнии, вплоть до вооруженных выступлений и убийств из-за угла организаторов и вождей бедноты».

Телеграмма из Вятской губернии на имя Ленина и Цюрупы сообщала, что в Уржумском, Яранском и Малмышском уездах кулаки, пользуясь близостью фронта, вступили в бой с продотрядами. 17 июля вторая телеграмма: «Бой идет второй день. Убит комиссар Алейников, над которым глумились, вырезали язык, нос, выкололи глаза. Банда кулаков — 600 человек при 2 пулеметах».

Шла борьба за хлеб, классовая борьба. Десятки тысяч бойцов продотрядов работали героически. В заготовительных кампаниях 1918—1920 годов они выполняли свою трудную организаторскую, хозяйственную, разъяснительную, политическую работу под огнем кулацких обрезов и пулеметов. Они были и агитаторами, и работниками, и бойцами.

Ленин — Цюрупе в записке, июнь 1918 года.

«...Ставить условием обязанность *и* заготовлять *и* молотить и *на себе возить* в амбары и амбары или навесы строить и т. д.».

Жизнь конкретизировала это ленинское «и т. д.»: продотрядовцы боролись не на жизнь, а на смерть с кулацкими бандами. Более 200 кулацких восстаний в июне — августе полыхали в центральных губерниях. И нескончаем был счет потерь.

1920 год: за несколько месяцев на Кубани зарегистрировано 150 бандитских нападений на продработников, многие из них погибли.

В деревне Дубровино Томской губернии кулаки убили продкомиссара и, распоров ему живот, насыпали туда зерна и прикололи записку: «За продразверстку — большевикам...»

В апреле 1921 года председатель Тюменского губернского рабочего бюро сообщал: при подавлении восстания кулаков от продовольственного отряда № 63 остался 1 человек, от отряда № 134 — 2 человека, от отряда № 65 — 4 человека...

Эти трагические цифры привожу из книги историка Ю. К. Стрижкова «Продотряды».

Ошеломляющую цифру публикует «Правда» 27 декабря 1918 года: за восемь месяцев продовольственная армия рабочих потеряла в борьбе с кулачеством и контрреволюцией почти 20 процентов своего состава... А левые эсеры кричали, что рабочие идут на крестьян, отнимая у них последний кусок хлеба.

Через годы отец вспоминал, как он принес Владимиру Ильичу весть о действиях продотряда в Усманском уезде Тамбовщины.

— Превосходно! Молодцы! — оживленно сказал Владимир Ильич.— При помощи вот таких сообщений мы будем разделываться с клеветой...

Сегодня, по прошествии шести с лишком десятилетий, читая в набранных петитом примечаниях к 36-му ленинскому тому о делах этого отряда, с уважением думаю о том, как в труднейшей обстановке четко воплощали посланцы пролетариата принципы коммунизма в деревне. С помощью бедноты отряд изъял у кулаков оружие и запасы хлеба. Более половины зерна отдали голодающей бедноте. При поддержке отряда был переизбран сельский Совет, состоявший ранее из кулаков.

Ленин. Из выступления в Сокольническом клубе 21 июня 1918 года.

«Если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет!»

С каждым днем все больше приходило вестей с мест: в Саратовской губернии отряды оставляли бедноте более половины реквизированного хлеба, в Тверской — до трех четвертей.

Переход в руки Советской власти громадных хлебных запасов, взятых у кулачества с помощью бедноты, и передел земли в пользу беднейшего крестьянства ожесточили классовую борьбу. Засевшие в земельных органах левые эсеры стали вдохновителями восстаний в ряде губерний. В эсеровском противодействии государственной хлебной монополии и твердым ценам находило опору кулачество, сбывая спекулянтам-мешочникам запасы зерна от прошлых урожаев, составлявшие миллионы пудов. Сотни тысяч мешочников орудовали в хлебных районах, опустошая их, как саранча, скупая и вывозя хлеб и продовольствие.

26 июня. Телеграмма из Н. Новгорода от продкомиссара.

«Ожидаем отряд 500 чел. из Москвы. Бывают случаи, что проходят баржи с мешочниками в 100 и более человек, вооруженные винтовками и пулеметами. В ведении Волгопрода 34 пристани, но мешочники безнаказанно творят свое дело».

Только крепкая массовая продармия, с военной организацией и единым командованием, созданная из отборных сил пролетариата, могла противостоять кровавой кулацкой вакханалии.

По решению правительства все разрозненные продотряды влились в Продовольственную армию Наркомпрода. Ее вооружением и действиями руководил человек высокого организаторского опыта и военных знаний Г. М. Зусманович. Они работали с отцом рука об руку. Я видел этого прекрасного человека и в юности моей, и во взрослые годы, перед войной. Знал о его славном боевом пути в годы Великой Отечественной войны, он был заместителем командующего 6-й армией. Со скорбью услышал о его трагическом конце: в 1942 году, раненный в бою, генерал Г. М. Зусманович попал в плен к гитлеровцам и был замучен в Освенциме.

Отбор и вооружение продотрядов было поручено также Всероссийскому центральному совету профессиональных союзов. Его Военпродбюро работало в тесной связи с Наркомпродом.

Огромное значение партия придавала агитационной работе.

Июнь 1918-го. Цюрупа — Петроградскому Совету.

«Ленин и я просим Вас произвести набор сознательных и выдержанных рабочих, которых можно было бы в качестве агитаторов и инструкторов немедленно направить в провинцию (в) связи (с) организацией бедноты, снабжением продовольствием и созывом съезда Советов. Потребность в таких рабочих неотложная и крайне острая. Медлить нельзя».

«Крестовый поход» рабочих и беднейшего крестьянства за хлебом далеко вышел за пределы чисто продовольственной меры. Он развивал глубинную политическую задачу социалистической революции. Взяв у самой жизни идею классового расслоения деревни, партия сделала ее опорой своей политики, укрепив революционной, именно социалистической идеей объединения в классовой борьбе за хлеб трудового крестьянства и пролетариата.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДА

И другую революционную идею партия почерпнула из гущи жизни, из творчества масс. В Вятской, Тульской, Уфимской, Нижегородской губерниях беднейшие крестьяне стали объединяться для борьбы с кулаками, для овладения хлебом. Они назвали себя комитетами бедноты, комбедами.

Возникавшие стихийно, еще лишенные поддержки рабочих продотрядов и нередко Советов, иные комбеды подвергались расправам в богатых селах, случалось, комитетчиков убивали гласно, всем сходом, всем «обществом». Поступали сообщения о том, что в некоторых волостях местные власти привлекают участников комбедов к судебной ответственности за принадлежность к незаконной организации погромного, разбойничьего характера.

В разговоре с Владимиром Ильичем Цюрупа изложил ему свои соображения: использовать подсказанную народом новую организационно-политическую форму, комбеды, чтобы обеспечить молодому продовольственному аппарату опору на местах; поставить организацию комбедов на идейную и государственную основу.

По прошествии ряда лет отец рассказывал, как горячо откликнулся Владимир Ильич на это предложение.

— У него даже глаза заискрились,— улыбаясь, вспоминал отец.

Ленина глубоко радовало, что беднейшие крестьяне сами додумались, сами! Он назвал это мудростью и смелостью народного политического творчества. Восхищался их мужественной, политической борьбой, тем, что под огнем кулацких обрезов, под угрозой, что вырежут семьи, крестьяне объединяются в комбеды, идут против вооруженного кулачья. Он напоминал, что именно народным творчеством, под дулами пушек, были созданы в пятом году первые Советы — организационная форма управления, отвечающая сущности классовых задач...

Вспоминая этот разговор, отец светлел, молодел лицом.

Он рассказывал, что Владимир Ильич предложил тотчас подготовить документ, подчеркнув классовую структуру, функции и права комбедов. И обязательно — связь с местными Советами, со временем они вообще с Советами сольются. Предусмотреть учет и изъятие излишков хлеба комбедами — от зорких глаз бедноты ничего не укроется! И еще важно участие комбедов в распределении товаров и сельскохозяйственных орудий, посылаемых вами, Компродом. На ближайшем заседании Совнаркома Ленин предложил Цюрупе доложить об этом.

...С трибуны VIII съезда партии 18 марта 1919 года Владимир Ильич скажет: «Первый декрет об организации комитетов бедноты Советской властью был проведен по инициативе тов. Цюрупы... Только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а *на деле стала пролетарской*».

Итак, 8 июня 1918 года Цюрупа представил в Совнарком проект организации в стране комбедов — пролетарских сельских организаций. Как и полагал отец, на первом замысле Ленин действительно не остановился, он внес в проект принципиально важные дополнения — необходимость привлечения середняков, строгое соблюдение их интересов и невозможность для кулаков проникнуть в состав комбедов.

Проект декрета о комбедах (декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты») подвергся обструкции меньшевиков и эсеров.

Читая сегодня протоколы заседаний ВЦИК, остро ощущаешь накаленную обстановку, остроту борьбы, в которой принимались решения, определявшие победу развивавшейся революции.

— То, что тов. Цюрупа так корректно называет «стимуляцией» вывоза хлеба, в деревне может звучать весьма угрожающе, и на местах, кроме поножовщины, ни к чему привести не может! — вещал лидер эсеров Карелин.

Меньшевик Дан заявлял:

— В деревне ведь трудно отделить, где кончается хозяйственный мужичок и где начинается полупролетарий и пролетарий. Это, в сущности, настоящее объявление войны крестьянству.

И вторя ему, Мартов издевательски спрашивал:

— О каком беднейшем крестьянстве идет речь? Беднейшее крестьянство, которое, приобретая при разделе имений кусок земли и получив возможность продать хлеб, не хочет продавать этот хлеб по твердым ценам.

Дан исходил скепсисом:

— И что за детский проект — облечь сильной диктаторской властью одного человека? Как может комиссар, сидящий в Москве... организовать хозяйство и централизовать хозяйственное дело?

Через десятилетия мне довелось беседовать с писателем Константином Георгиевичем Паустовским. Узнав мою фамилию, он оживленно стал вспоминать, что, будучи «неоперившимся» репортером, видел отца на заседании ВЦИК. Он рассказал также о Мартове, чье выступление слышал тогда.

— Я был еще молод и политически неотесан,— говорил писатель.— И не мог оценить весь драматизм крушения этого человека. А ведь это был Мартов, с которым Владимир Ильич был связан десятилетиями революционной работы и порвал с ним с внутренней болью по политическим расхождениям... А тогда я лишь видел на трибуне захлебывающегося яростью человека, он потрясал руками и выкрикивал: «После каждого из нас восстанут тысячи, и горе вам!»

Я нашел приведенные писателем слова Мартова в стенограмме заседания 14 июня 1918 года, когда эсеров и меньшевиков, изобличенных не только в дискредитации Советской власти, но и в организации контрреволюционных мятежей, ВЦИК исключил из своего состава.

Против продовольственной политики Советов поднял голос и лидер международного ревизионизма Карл Каутский.

Ленин с сарказмом ответил ему в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»:

«Да, да, насчет спокойствия и безопасности для эксплуататоров и спекулянтов хлебом... марксисту и социалисту Каутскому, конечно, следует вздохнуть и пролить слезу».

На заседании ВЦИК отец возражал противникам продовольственной политики:

— Мы не вносим осложнения в деревню, а хотим опираться на те слои, которые должны быть нашими... Мне говорят: «Советы». Отвечаю: те Советы, которые защищали кулаки, будут препятствовать осуществлению продовольственной политики ВЦИК; вся защита кулаков будет разнесена вдребезги...

Вы говорите, что ломается схема. Если вам дороже схема, оставайтесь при ней, а нам дороже осуществление диктатуры бедноты, нам дороже линия социалистической по-

литики... Что мы делаем, мы делаем твердо и неукоснительно, и кто нам на пути встретится, будет разнесен вдребезги.

11 июня 1918 года декрет об организации комбедов был принят ВЦИК и на другой день опубликован в «Правде» и «Известиях».

А накануне, 10-го, Свердлов сообщал Владимиру Ильичу в записке, что левые эсеры требуют отложить хотя бы на один день обсуждение декрета, на что Ленин ответил: «Цюрупе *обещано,* чтобы во вторник было в печати. Решайте с Цюрупой сами. Я левым эсерам совсем теперь не доверяю».

Насколько острой была борьба вокруг мер продовольственной политики, декретов, разработанных Наркомпродом, свидетельствует список ораторов, составленный рукой Владимира Ильича: на заседании Совнаркома 3 августа 1918 года Ленин выступал 10 раз, Цюрупа — 5 раз.

К ноябрю 1918 года в 33 губерниях Европейской России и Белоруссии было уже 122 тысячи комбедов и создавались все новые. Не обходилось без ошибок и в их работе.

Телеграмма. 17 августа 1918 года.

«Всем губернским совдепам и продкомам

...Лозунг организации бедноты во многих местностях неправильно истолкован...

Советская власть никогда не вела борьбы с средним крестьянством...

Комитеты бедноты должны быть революционными органами всего крестьянства, против бывших помещиков, кулаков, купцов и попов, а не органами одних лишь сельских пролетариев, против всего остального деревенского населения.

Союз рабочих и крестьян победил помещиков и буржуазию в октябре прошлого года. Этот союз, и только он, укрепит землю за крестьянами, фабрики и заводы за рабочими и упрочит рабоче-крестьянскую власть...

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов — Ленин*

народный комиссар по продовольствию *А. Цюрупа».*

Комбеды стали опорой политики Советской власти, проводниками продовольственной диктатуры. 50 миллионов гектаров кулацких земель они отдали безземельным крестьянам. Распределили среди беднейших крестьян

сельскохозяйственный инвентарь и орудия, изъятые у помещиков и кулаков, вели учет излишков хлеба, обеспечивали его обмолот и сдачу. Впервые с хозяйским сознанием и правом они следили, чтобы земли вспахивались, с осени засевались озимым хлебом, а яровые подготавливались к весенней вспашке. Они добивались, чтоб товары, направляемые Советской властью в деревню, распределялись правильно.

Товарообмен был неотъемлемой частью продовольственной политики. В распоряжение Наркомпрода были отданы все запасы промышленных товаров с национализированных фабрик, все сельскохозяйственные орудия со складов и вновь производимые восстановленными заводами и мастерскими.

Из стенографических отчетов заседаний ВЦИК...

В стране голодной, зажатой фронтами, гордо звучат с трибуны цифры:

«Из 650 заводов, выпускающих боевое снаряжение, удалось пустить около 400 на производство сельскохозяйственных орудий... 150 комиссаров — квалифицированных металлистов и деревообделыщиков отправлено в 35 губерний... Восстановлено 15 тысяч мастерских... Перековываем мечи на орала. Бракованные шрапнели пустили на изготовление ножей для плугов...»

Деревня остро нуждалась в мануфактуре. Было опечатано 2289 фирм (634 из них иностранные), национализировано 632 587 908 аршин тканей на сумму 3 193 483 829 рублей.

Беднякам ткани отпускались за полцены.

Ленин:

«...А кто крестьянской бедноте стал бы давать мануфактуру за эту цену? И мы будем идти к социализму через путь хлеба, мануфактуры и орудий, не достающихся спекулянтам, а идущих в первую голову бедноте. Это есть социализм».

...Спустя годы к Александру Дмитриевичу пришел человек, запомнившийся живым разговором, крепким пожатием руки, но более всего тем, что отец сказал:

— Это наш красный купец.

— Коробейник,— засмеялся гость.

И они стали вспоминать баржи-лавки, что шли по рекам, а с берегов в них стреляли белобандиты. Я услышал из первых уст, как билась Советская власть, чтобы дать крестьянину взамен хлеба не обесцененные в ту пору деньги, а необходимые ему товары.

— А знаете, Александр Дмитриевич, мне ведь Владимир Ильич посоветовал запастись взрывчаткой на тот случай, если наша экспедиция окажется отрезанной Колчаком, организовывать диверсии в тылу врага.

Отец рассказывал мне об этом первом «советском купце», «искровце», руководителе союза каталей-грузчиков в Питере — Сергее Васильевиче Малышеве.

Замечательны письма Малышева, сохранившиеся в архивах. Вот одно из них:

«Уважаемый Александр Дмитриевич! Торговля здесь пользуется доверием. Вполне уверен, что не обанкрочусь, ибо я не просто купец, а доверенный большого хозяина — Советской Республики...»

В стране с разрушенной промышленностью, напрягая все силы, мобилизуя все ресурсы, Советская власть за один лишь 1918 год дала деревне товаров на 4 миллиарда рублей (по твердым ценам).

И все же на V съезде Советов отец принужден был сказать:

— Мы убедились, что та мера, на которую мы возлагали так много надежд... товарообмен, не могла оказаться особенно полезной.

Тому было много причин: еще обращались товары на частном рынке, засорены были продорганы, присланные товары попадали в руки спекулянтов, пропадали в районах, захваченных врагом. Но Республика продолжала отдавать деревне что могла, видя в этой экономической помощи не только способ получения хлеба, но и укрепление связей крестьянства с пролетариатом.

Развитие революции требовало роста партийного влияния в деревне. Крупнейшие промышленные центры посылали в деревню лучших коммунистов. Идеологическая работа, утверждавшая причастность вчера еще бесправных масс к делам государства и партии, всколыхнула деревню. Росла сеть партийных ячеек на селе.

В крепнущем идейном и хозяйственном значении комбедов, куда втягивалось все больше середняков, в ответственности их за раздел земли и хлеба, в опоре на рабочий класс вырастало реальное решение политической задачи — вывод беднейшего крестьянства из-под зависимости кулаков, постепенный отрыв середняка с его мелкособственнической психологией от кулацкого влияния.

РУКОВОДИЛ ЛИЧНО...

Документы сохранили для нас живые свидетельства ленинского непосредственного руководства в области продовольственной политики.

Короткий обмен записками 10 августа 1918 года между В. И. Лениным и А. Д. Цюрупой. Обратите внимание на то конструктивное начало, которое непременно присутствует в ленинских строках, и на то, какое гневное неприятие в них любых проволочек, даже если причины объективны; какой энергичный — с привлечением собеседника — поиск неотложного решения.

Ленин — Цюрупе:

«(1) Это архискандал, бешеный скандал, что в Саратове есть хлеб, а мы не можем свезти!! Не командировать ли на каждую узловую станцию по 1—2 продовольственника? Что бы еще сделать?

(2) Проект декрета — в каждой хлебной волости 25—30 *заложников* из *богачей,* отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку **всех** излишков.

(3) Заказать Попову[1] **спешно:** наряды поволостные. Т. е. сколько *излишков* хлеба *должно быть* в каждой волости.

Сколько каждая должна дать?»

За первой запиской летит вторая:

1) Насчет «заложников» Вы не ответили.

2) Когда *кончит* Попов свою работу? (Ему надо дать *краткий* срок.)

Отец высказывает Владимиру Ильичу свои сомнения:

«Заложников можно взять тогда, когда есть реальная сила. А есть ли она? Сомнительно.

Попов может закончить работу в кратчайший срок *по уездам,* что касается волостей — то это я выяспю и дело погоню во всю».

Ленин уточняет план действий.

[1] П. И. Попов возглавлял Центральное статистическое управление.

Ленин — Цюрупе:

«Я предлагаю «заложников» не *взять*, а *назначить* поименно по *волостям*.

Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, *отвечают жизнью* за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба...

Сила? Как раз теперь *в прифронтовой* полосе сила будет».

А вот другой документ — телеграмма, полученная из Кулебак, о том, что изголодавшиеся рабочие Выксунских заводов едут на пароходе с вооруженными отрядами и пулеметами добывать хлеб силой, едут самостийно, без нарядов от продовольственных органов.

Владимир Ильич срочно шлет телеграмму. Вслушайтесь, каким человеческим и политическим тактом, ясностью гражданской задачи она продиктована:

«Я очень надеюсь, что выксунские товарищи рабочие свой превосходный план массового движения с пулеметами за хлебом осуществят как истинные революционеры, то есть дав в отряд отборных людей, надежных, träграбителей и для действия по нарядам в полном согласии с Цюрупой, для общего дела спасения от голода всех голодных, а не только для себя.

Ленин».

Обмен записками между В. И. Лениным и А. Д. Цюрупой на заседании Совнаркома:

Ленин — Цюрупе.

«Ввиду бешеной агитации врагов и «колеблющихся» и влияния ее на *рабочих* в Питере, Москве и пр.

надо бы Вам опубликовать (и *по заводам* раздать листком) нечто вроде письма к рабочим:

вас-де запугивают —

колеблющиеся сеют панику —

толкуют о «самостоятельных заготовках» —

критикуют «центр», сваливая вину на других — и проч.

А вы-де, рабочие, не верьте нытикам и сеятелям паники и критиканам,

а беритесь за дело: пусть *каждый* завод пошлет нам на помощь доверенных людей *с гарантией, с поручительством*, мы им покажем, где помеха, в чем трудность, *они нам помогут*.

Сладите ли вы с испомещением таких людей?»

Цюрупа — Ленину:

«Правильно, сладим. Ваше предложение принимаем к исполнению. Небольшая группа рабочих уже прослушала

у нас ряд сообщений по продовольственному делу (вроде лекций) и на днях уезжает с нашим представителем в район Тамбовской и Воронежской губерний. Мы обратились ко всем Совдепам (слова «всем Совдепам» в записке отца Ленин подчеркнул трижды, отмечая важность опоры на Советы.— *В. Ц.*), комитетам большевиков и профессиональным союзам давать нам надежных людей».

Переписка идет на заседании Совнаркома, поэтому отец позволяет себе в скорописи делать, видимо, привычные для их «письменных разговоров» сокращения слов.

Цюрупе.

«X Включаются ли сюда *заводские* комитеты, хотя бы больших заводов и фабрик. Это важно».

И так день за днем, день за днем, все эти тяжелейшие три года, когда мир империализма пытался задушить Советскую республику «костлявой рукой голода». Стерт этот образ сегодня, но страшен и остр он был в те годы, пущенный, как утверждала молва, махровым врагом — Родзянко.

И наряду с тем каждый день под руководством Ленина решались вопросы военные — Красная Армия сражалась на фронтах, растянувшихся на 8 тысяч километров; транспортные — паровозы стояли без движения; топливные — останавливались фабрики, неосвещенные, неотапливаемые стыли города; и сотни других вопросов неотложно требовали принятия мер, без которых не могла жить Республика.

Ленин напоминал неустанно: проиграть войну за хлеб — значит проиграть революцию.

И потому не было дня, по рассказам отца, чтобы Владимир Ильич не вникал в дела продовольственные. Либо на заседании СНК стоял отчет Цюрупы, либо Ленин просто обращался к нему:

— Александр Дмитриевич! Ваше слово.

И в ответ на возражение отца, что слова он не просил:

— Мы слушаем вас.

Либо заходил Владимир Ильич к нам домой вечером, и, уже утомленные после трудного дня, они говорили с отцом в кабинете.

Знаю случай, когда отец был не согласен с Лениным.

2 августа 1918 года в «Тезисах по продовольственному вопросу» Ленин высказал предположительную мысль о том, чтоб «установить временно,— скажем на 1 месяц — льготный провоз по $1^1/_2$ пуда хлеба в голодные местности

для рабочих, при условии особого свидетельства и особого контроля».

И хотя полтора пуда, привезенные рабочими в свои семьи, на короткий срок все же облегчили бы им жизнь, отец восстал против этого решения.

Он сказал Ленину, что в толпах, атакующих поезда, в забитых людьми вагонах невозможно отличить истинно нуждающихся от перекупщиков, подлинные удостоверения от подделок или полученных за мзду; что на вокзалах и пристанях после публикации «Тезисов» толпы людей с мешками берут поезда приступом. В Компрод идут запросы от продоргапов и заградительных отрядов. Что ответить им? Что в Москву провоз разрешен, а в другие голодные города и местности — нет?

Отец настаивал на срочной отмене постановления.

— У нас с Владимиром Ильичем произошел крутой разговор,— вспоминал он.— Ленин встретил меня словами:

— Вы вовремя пришли. Садитесь. Я послал вам записку. Но скажу на словах. Не советую *сейчас,* когда люди только что прочитали о предоставленных им послаблениях, так резко ставить вопрос об отмене. Думаю, правильнее будет — подготовить почву, сделать *сверх возможного* для подвоза и снабжения, налечь изо всех сил хотя бы на лучшие уезды, откуда можно взять хлеб.

Послать обмолотчиков тысячи 2 рабочих, например.

И через несколько дней, получив *хотя бы* известие: идут столько-то сот вагонов, поставить вопрос тверже.

— Такова была и суть его записки, которая ждала меня на столе,— сказал отец.— А в разговоре Владимир Ильич настойчиво напомнил мне о том, что мы строим политику на архисложном экономическом участке, что политик должен иметь волю к маневру, уметь отступать, имея в виду предстоящее наступление. Он соглашался, что, несомненно, хлеб в столицу повезут и мешочники-спекулянты. Да, говорил он, мы делаем краткую уступку свободной торговле, зато оказываем хоть минимальную помощь голодающим рабочим и их семьям. На это надо пойти...

Этот разговор был для меня серьезнейшим политическим уроком,— сказал нам отец...

Совнарком постановил поручить Наркомпроду вместе с профсоюзами в течение двух дней разработать предложение о льготах на провоз хлеба для солдат и возвращающихся из отпуска рабочих; просить ЦК партии рассмотреть вопрос о постановлении Моссовета. (Действие поста-

новления было прекращено 1 октября.— *В. Ц.*) В протоколе записано: «Принять к сведению заявление А. Д. Цюрупы о том, что заградительные отряды будут свободно пропускать рабочих, везущих продукты».

Это заявление, по рассказу отца, он сделал «скреня сердце» и разослал телеграммы на места:

«Усердно прошу товарищей продовольственников понять необходимость этой меры. Прошу товарищей употребить совершенно исключительные усилия для увеличения заготовок».

Вплоть до перехода страны на новую экономическую политику мешочничество оставалось бичом для Республики. Вот телеграмма, посланная отцом в октябре 1919 года всем губпродкомам и предгубисполкомов: «Снова указываем на необходимость беспощадной борьбы с мешочничеством; кроме желдорог, обратить внимание на гужевое движение; задерживать на трактах подводчиков-мешочников; конфискуйте хлеб... арестуйте их, обязательно допрашивайте, где, у кого куплен хлеб; выяснив продавца-спекулянта, немедленно реквизируйте у него все сто процентов разверстки, а самого передавайте в суд.

Наркомпрод *Цюрупа»*.

Читаю документы тех лет и вижу, как твердо поддерживал Ленин народного комиссара продовольствия в проводимой Компродом политике.

Он отметал нападки левых эсеров на идею комбедов.

— Для тех, кто на деле видел муки голода, для тех ясно, что для того, чтобы сломить и беспощадно подавить кулаков, нужны самые крутые, беспощадные меры. Приступая к организации союзов бедноты, мы шли на это с полным сознанием всей тяжести и жестокости этой меры, потому что только союз города и деревенской бедноты... является единственным средством этой борьбы. И борьба эта должна вестись не в программах и речах...

Ответственность за то, чтобы все количество семян, необходимое для полного обсеменения посевных площадей, взять под охрану государства, была возложена на отца.

— Если будут возражать, что мы не можем работать на Цюрупу, и изображать его под видом одного из хищных зверей, мы скажем: «Оставьте ваши шутки, отвечайте на вопрос прямо, каким образом вы восстановите промышленность?» — говорил Владимир Ильич на VIII Всероссийском съезде Советов.

Он не раз подчеркивал, что меры, проводимые Наркомпродом, есть меры именно социалистические.

С трибуны X съезда партии, отвечая лидеру «рабочей оппозиции» Шляпникову, обвинившему Цюрупу в том, что Наркомпрод где-то не обеспечил сохранности, «сгноил» картофель, Ленин говорил гневно:

— А я спрашиваю, разве в военном ведомстве не бывает ошибок, не бывает проигранных сражений, брошенных повозок, имущества? И что же — предавать суду таких военных работников?.. Когда такие обвинения вместо исправления ошибок бросаются с кондачка, да еще... тоном злорадства, когда требуют ответа, почему не предан суду Цюрупа, тогда предайте суду нас — ЦК.

Это — 1921 год. Но еще в 1918-м, когда Ларин и другие потребовали изменения продовольственной политики, Ленин настоял на издании специального постановления:

«Совет Народных Комиссаров утверждает политику Комиссариата продовольствия как политику Совета Народных Комиссаров...»

...Помню, как-то вечером, когда по окнам бывшего Кавалерского корпуса хлестал дождь, и в столовой было холодно, и мама грела пальцы, не отнимая их от чашки, Алексей Иванович Свидерский посмеивался:

— А помнится, Александр Дмитриевич, когда Владимир Ильич предложил вам пост народного комиссара продовольствия, вы что было сил отнекивались, возражали, что это должность политическая, а ваше, мол, дело только заготовлять хлеб.

— Я и теперь заготовляю хлеб, мое дело интендантское,— ответил отец, улыбаясь глазами, черные тени лежали под ними.

Владимир Ильич дал исчерпывающую политическую оценку комбедов: «Через полгода отчаянно трудного советского управления мы пришли к организации крестьянской бедноты, жалко, что не через полнедели,— вот это наша вина!.. Вот только теперь, когда мы на этот путь вступили, социализм перестал быть только фразой и становится живым делом».

ВСЕМ, КТО ПРИКОСНОВЕНЕН К ХЛЕБУ...

С трибуны V съезда Советов 5 июля 1918 года Ленин сказал, что не было еще более трудного периода в рабоче-крестьянской России.

Все известно об этом съезде, сохранены стенограммы докладов и выступлений. По крупицам, из рассказов очевидцев, делегатов, гостей восстанавливается то, чего нет в архивах,— атмосфера переполненного зала Большого театра. Люди теснились в проходах, сидели на бархатных парапетах бельэтажа и лож, свисали с галерки. Амуры на потолке, балконы в золотой вязи, хрустальные огни люстры растворялись в густом дыхании. Пахло махоркой, хотя никто не курил, ременной кожей, разбитой обувью. Этот зал впервые принимал публику, одетую в косоворотки и солдатские гимнастерки, женщин в ситцевых кофтах — их косынки ярко алели в партере и на ярусах.

Много лет спустя я слышал, как Анатолий Васильевич Луначарский говорил:

— Возможно, это и субъективное восприятие, но уверяю вас, что бархатные драпри, извечно ниспадавшие над сановными лысинами и холеными декольте в бриллиантах, в дни V съезда воспринимались, как алые стяги революции. И это было великолепное зрелище.

Вот рассказ Николая Ивановича Сапрыгина, старого металлиста, с которым меня свела журналистская судьба в 50-х годах:

— Нет, делегатом меня никто не избирал. Я прибыл в Москву с наказом от жен рабочих раздобыть хлеб. Принял меня нарком продовольствия товарищ Цюрупа, ваш, выходит, отец. Он пообещал: «Детям поможем, а взрослым пока не сумеем. Добывайте у кулаков. Вот вам документы на отгрузку хлеба для детей, а вот вам пропуск на съезд Советов, пойдите, послушайте».

Сидел я высоко на ярусе, на ступеньках. В ожидании начала люди пощелкивали горохом и чечевицей — им вместо хлеба выдали. Переговаривались, незнакомые стали

знакомыми. О чем говорили? Да всякое, жизненное. К примеру? Ну, к примеру: «Друг, окопная душа, где воевал?» Или другое: «Сеять-то у вас было чем? У кулака взяли? Это порядок». Один рассказывал: «У меня брательник на заготовках погиб. Звезду на спине вырезали». Утешали, конечно, попросту: «Не жить кулачью на нашей земле». И через каждые несколько разговоров: «Вот что Ленин скажет...»

Говорили: «Слава богу, с немцем замирились, воевать боле нет мочи, четыре года — кровь, да смерть, да вши, да голод». А еще говорили: «Жрать нечего, а ему по Брестскому миру хлебную Украину отдали». Про винтовки спрашивали: «Бросил?» — «Не бросил. Не такой дурак буржуй, свой и заграничный, чтоб рабоче-крестьянскую власть стерпеть. Воевать придется, как ни прикидывай».

Опять же горевали: «Пока мы, мужики, на фронте были, бабы на себе плуг таскали». Повздыхали: «Нутро оборвут, им рожать».

И опять: что Ленин скажет.

Тут один позвал: «Глядите, ребята, какие внизу справные мужики сидят».

«Справные мужики», ладно одетые, сытые, сидели в партере за спинами левых эсеров.

Отец вспоминал:

— Странно было видеть, что левые эсеры заняли правую часть зала. По сложившейся традиции это свидетельствовало об их политическом сдвиге вправо. Из президиума я вглядывался во многие знакомые лица и думал, до какого же предела дойдет их падение.

Во время доклада Ленина «справные мужики», поддерживая реплики левых эсеров, выкрикивали: «Хлеба не дадим! Просите у Мирбаха!»

Германский посол граф фон Мирбах сидел в дипломатической ложе. 18-летняя девочка, секретарь Свердлова Елизавета Драбкина, чье рабочее место на съезде было на сцене, у задника, изображавшего поместье Лариной из «Евгения Онегина», напишет в книге воспоминаний, что с ее места «видна была дипломатическая ложа, где сидел германский посол граф фон Мирбах — высокий, прямой, сухой, с видом человека, попавшего в зверинец, но настолько хорошо воспитанного, чтобы не обнаружить своего презрения даже перед обезьянами».

А моему отцу осталось памятно, что, когда вышел на сцену быстрой походкой Владимир Ильич и зал взорвался шквалом аплодисментов и приветственных криков, фон

Мирбаху изменило спокойствие, он резко вытянулся вперед, к сцене, и впился взглядом в Ленина, человека обычного роста, в не слишком новом штатском костюме, человека, олицетворившего в себе грозную силу революции. Несомненно, Мирбах и раньше видел Ленина, вероятно, ему, руководителю государства, передавал свои верительные грамоты, но там, в кабинете, все было привычно, выдержано в духе дипломатического протокола. А сейчас в этом грохочущем зале все предстало иначе. В приветственном урагане криков Мирбах, конечно, различал слова «Да здравствует вождь мировой революции!», таящие угрозу железному порядку, вскормившему многие поколения фон-мирбахов.

Он, за чьей спиной в этот час вывозили с Украины хлеб, скот, сырье, уголь, столь необходимые презираемой им толпе в зале и за его пределами — в нищих деревнях и голодных городах; он, поддерживающий контрреволюцию в этой стране, огражденный дипломатической неприкосновенностью, несомненно с удовлетворением слушая выкрики левых эсеров, не предполагал, что беда к нему придет именно от них.

Стенографическая запись ленинского доклада своими скупыми средствами доносит к нам накаленное дыхание зала, обструкцию, устроенную левыми эсерами. Бесчисленные многоточия обрывают ленинские фразы, стенограмма изобилует замечаниями в скобках: (шум), (шум справа усиливается), (шум на скамьях левых эсеров), (шум, крики не дают продолжать речь), (шум, не прекращающийся несколько минут. Председатель призывает прекратить шум). А далее — все чаще: (аплодисменты), (бурные аплодисменты) — и совсем уж любопытное: (аплодисменты всего зала, аплодирует значительная часть левых эсеров).

Ленин говорил страстно. О том, что девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну. Он говорил о строительстве дисциплинированной, организованной армии на новых началах, а с правых мест орали:

— Мирбах не позволит!

Надежда Константиновна вспоминала, как остро переживал Владимир Ильич разрыв с прежними товарищами, и отец рассказывал, что во время доклада знавшим Ленина людям слышны были его гнев и боль:

— Предыдущий оратор (это была Мария Спиридонова.— *В. Ц.*) говорил о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповорот-

ный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов.

Обвинение произнесено. Определен разрыв. Но вслушаемся в слово «невольно». Ленин еще надеется, что это не преднамеренно?

Вдумаемся, глубоко человечны его слова:

«И если в вопросе о продовольствии мы пришли теперь к организации деревенской бедноты и если теперь прежние товарищи наши — левые эсеры со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо отвечаем им: тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма».

Он еще напоминал им, что недавно они были товарищами.

6 июля 1918 года левые эсеры нанесли удар революции. Они подняли мятеж для свержения Советского правительства. Сигналом к началу мятежа было убийство Мирбаха.

В правительственном заявлении говорилось: «Бессмысленная и преступная авантюра левых эсеров привела нас на волосок от войны».

Убийцы скрылись в штабе отряда ВЧК, ими командовал левый эсер Попов.

Приехавший в штаб для задержания убийц Ф. Э. Дзержинский был арестован. 1800 мятежников, имея на вооружении 4 броневика, 8 орудий, 48 пулеметов и 80 сабель, в ночь на 7 июля начали военные действия, решив прорваться к Кремлю, арестовать Советское правительство.

Большевики провели четкую организационную работу по разгрому мятежа. Привожу рассказ очевидца, автора книги «Черные сухари»:

«Для меня все происходившие вокруг исторические события воплощались в раскачиваниях плакучего коленкора и непрерывном потоке пакетов... В одних сообщалось... о сосредоточении частей Красной Армии в районах Страстной (Пушкинской) площади и Пречистенских (Кропоткинских) ворот, о мобилизации коммунистов и рабочих московских заводов на подавление мятежа.

Яков Михайлович сунул мне записочку, чтобы я передавала пакеты только ему, и притом понезаметнее».

Отец рассказывал:

— Шло своим чередом заседание. Позади президиума я услышал какое-то движение. Свердлов взглянул на меня,

и я оборачиваться не стал. Никто не обернулся. Потом уж увидали — перед помещичьим домом Лариной стал пулемет, лег ящик с патронными лентами...

Из книги «Черные сухари»: «Получив очередной пакет, Свердлов встал и сказал:

— Товарищи! Большевистская фракция съезда приглашается на заседание. Прошу членов съезда — большевиков и присутствующих здесь гостей — членов большевистской партии пройти во Второй дом Советов. После заседания фракции заседание съезда будет продолжено...

Все выходы из зала и из каждой ложи были блокированы красноармейцами из надежных частей. Чтоб выйти, надо было предъявить караулу партийный билет или красную карточку члена большевистской фракции.

За каких-нибудь пятнадцать минут все большевики покинули зал заседания в Большом театре, а левые эсеры, вместо того, чтобы захватить большевиков, сами оказались арестованными».

Цюрупа:

— Нас, делегатов съезда, распределили по районам в помощь рабочим столицы. К двум часам ночи позиции левых эсеров были окружены войсками московского гарнизона. После отказа мятежников сдаться начался артобстрел Трехсвятительского переулка, где располагался их штаб. Эсеры пытались ответить обстрелом Кремля, несколько снарядов попало в его двор. После недолгого сопротивления отряд Попова отступил. 300 мятежников наши взяли в плен. Были подавлены и мятежи, поднятые левыми эсерами в волжских городах.

7 июля в интервью сотруднику «Известий ВЦИК» Ленин сказал:

— Этого грубого попрания народной воли, этого насильственного толкания в войну народные массы левым эсерам не простят.

Из рассказов отца:

— Я спросил Владимира Ильича, ждал ли он такой акции от левых эсеров.

Ленин ответил, что не ждал. Хотя следовало ждать. Скатывание к контрреволюции было предопределено их истерическими метаниями, их ревизией социализма. Он прибавил, что должен был предвидеть это.

9 июля съезд возобновил работу. Места лидеров левых эсеров пустовали. Свердлов, посмеиваясь, сказал отцу:

— Любопытно, никто не желает садиться туда. Теперь это уже не кресла партера, а политическая позиция.

Доклад о продовольственном положении делал народный комиссар продовольствия Цюруна. Он отчитывался перед делегатами, а через них — перед всеми трудящимися о проделанной работе, о задачах и трудностях, которые не преодолеть без их понимания, их помощи. Он говорил:

— Мы пришли к необходимости... подчинения местных продовольственных органов центральной власти, к возложению на центральную власть чрезвычайных прав... Мы могли бы привести доказательства, как дошли мы... до этой бездны и катастрофы, которая все-таки еще не наступила...

Она не наступила потому, что под руководством Ленина, Центрального Комитета партии народный комиссар продовольствия и армия продовольственников, опираясь на комитеты бедноты, на большевизирующиеся Советы, вели борьбу не на жизнь, а на смерть за хлеб.

Вспомним ленинские слова: «Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле это — борьба за социализм».

Отец уважительно обращается к делегатам и гостям съезда:

— Покорнейше прошу всех тех товарищей, которые прикосновенны на местах к продовольственному делу... прийти к нам в комиссариат.

Съезд принял первую Советскую Конституцию. Она закрепила законодательно великие завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Храню письмо Андрея Николаевича Баранова, члена партии с 1919 года:

«Прочел в газете Вашу статью «Надпись на книге». С любовью вспомнилась Конституция, Основной Закон РСФСР... Тогда еще не было у нас пособий и книг, а мне, члену ревкома, председателю его финансового отдела, нужно было отвечать на многочисленные вопросы крестьян: «Что такое Коммунистическая партия?» и т. д. Выручила тогда Конституция, отпечатанная в газете «Известия». Заказали мы с кассиром Иваном Лукьяновичем Коваленко 200 экз. Заплатили типографии 100 р., а 100 экземпляров я и расклеил на видных местах, и на руки давал, и на все вопросы крестьян были ответы.

А дальше мы собрали два вагона пшеницы и послали в Москву при двух сопровождающих рабочих депо...»

В этом письме — благодарная память о том, как жизненно необходима была народу принятая V съездом Советов Конституция, как она помогала, как работала.

На одном экземпляре этой Конституции и написал мой отец слова, по которым стоит сверять жизнь.

30 АВГУСТА

После 6 июля левые эсеры ушли в подполье.

Из рассказов отца:

— Мы понимали, что они, как кроты, продолжают в подполье свою контрреволюционную возню, но того, что они перейдут к прямому, преступному террору, никто из нас не ждал. Дни были заполнены работой. Я ежедневно виделся с Владимиром Ильичем, по нескольку раз перезванивался по телефону, все время чувствовал его помощь и руководство.

На заседаниях он работал одновременно над рядом дел, посылая товарищам записки, требуя ответа тут же. Думалось, неужели у него в сутках те же 24 часа, что и у нас,— столько он успевал продумать, решить.

Утром 30 августа, не предчувствуя беды, я был у Владимира Ильича, и хотя вызван был по другому делу, но, улучив минуту, просил его совета по поводу материала, который я готовил,— о расширении пахотных земель и обеспечении их семенами. Меня тревожило, где брать семена, как обеспечить их в таком количестве?.. Едва я ушел, как получил записку в дополнение к нашему разговору.

...Идя по следам рассказа отца, я пытался установить — что это была за записка? Я ее не нашел ни в томах Полного собрания сочинений В. И. Ленина, ни в Ленинских сборниках, ни в Биохронике. Но не может ли быть — это лишь мое предположение, об этом компетентнее, чем я, могут судить исследователи ленинского наследия,— что записка, помещенная в 54-м томе, принадлежность которой к какому-либо документу пока не установлена, а помечена она приблизительной датой: «не позднее 30 августа» — не может ли быть, что это и есть та самая записка? Вот она:

«Не следует ли добавить?

пусть комитеты бедноты *конфискуют* хлеб на семена у богачей-кулаков и во всяком случае, если невозможна конфискация сейчас, то необходимо впоследствии взыскать

с богачей те семена, которые временно будут взяты для бедных из хлеба помещичьих экономий».

А. Д. Цюрупа рассказывал:

— Я встретил в коридоре Совнаркома Феликса Эдмундовича. Он был очень бледен, а на скулах пятнами горел чахоточный румянец. Дзержинский сказал мне, что в Петрограде убит председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии Моисей Соломонович Урицкий.

— По поручению Владимира Ильича сейчас выезжаю в Петроград,— сообщил на ходу Дзержинский.

Надежда Константиновна пожаловалась моей маме, что ей тревожно: лучше бы Владимир Ильич не выступал сегодня на митингах. Два выступления предстояли ему в этот день — на бывшей Хлебной бирже в Басманном районе и на заводе бывшем Михельсона.

Биографическая хроника В. И. Ленина так описывает события этого дня, предшествующие трагической минуте:

«Ленин во время обеда (около 17 час.) отшучивается и не дает определенного ответа на совет М. И. Ульяновой не выступать в этот день на митингах.

Перед отъездом на митинг Ленин заходит к Марии Ильиничне; отвечает ей категорическим отказом на просьбу взять ее с собой».

В гранатном корпусе завода бывшем Михельсона на многолюдном митинге, заканчивая речь, Ленин говорит:

— Мы должны все бросить на чехословацкий фронт, чтобы раздавить всю эту банду, прикрывающуюся лозунгами свободы и равенства и расстреливающую сотнями и тысячами рабочих и крестьян. У нас один выход: победа или смерть!

После, когда Ленин во дворе завода уже подходил к автомобилю, эсерка-террористка Ф. Каплан выстрелила в него несколько раз, нанеся две тяжелые раны. Ленин, раненный, воскликнул:

— Товарищи, спокойствие!.. Держитесь организованно...

Далее передаю то, что в более поздние годы услышал от отца и что сам он знал от товарищей: в машине Владимир Ильич был очень бледен. Попросил сопровождавших его распороть рукав, посмотреть, что с рукой, сказал, что бешено болит. Попросил ехать прямо в Кремль. Рукав распороли, кровь хлестала ручьем. Владимир Ильич сказал, что надо бы наложить жгут. Нашлась бечевка, стянули руку повыше раны. Далее общеизвестно: в Кремле он отказался от предложения Гиля внести его наверх, в квар-

тиру. Поднялся сам на третий этаж, только попросил, чтобы у него взяли пальто и пиджак.

Отец вспоминал об этих страшных первых сутках. Всю ночь народные комиссары, члены ВЦИК и секретари ЦК дежурили в кабинете Владимира Ильича, в зале заседаний. Ночью к ним трижды приходила Надежда Константиновна.

— Больно было смотреть на ее опавшее лицо, побелевшие губы. Она еще и успокаивала нас,— вспоминал отец.— Все говорила, что у него организм сильный, что он тренировал себя всю жизнь, что он ходок, без усталости ходит многие километры, что он привык выносить лишения.

В коридоре мы поджидали врачей. Я разговаривал с А. Н. Винокуровым, оказавшим первую помощь, с доктором В. А. Обухом, с профессором В. М. Минцем. Отвечали односложно:

— Положение тяжелое. Организм борется.

В эту ночь ВЦИК за подписью Свердлова передал по радио всему миру обращение о покушении на Ленина:

«Всем Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем».

Отец рассказывал, что в эти трагические часы и дни Яков Михайлович Свердлов, 33-летний председатель ВЦИК и секретарь ЦК, проявил силу воли и организаторское мужество. Он не допустил ни малейшего промедления в работе правительства. Были продолжены тут же заседания по важнейшим для страны вопросам. Кресло Владимира Ильича пустовало.

Острейшим вопросом был хлеб. Свердлов дал слово Цюрупе.

Газеты печатали врачебные бюллетени. Страна с тревогой прислушивалась к учащенному пульсу, к затрудненному дыханию вождя.

Пройдут годы, и весной 1922-го в интервью газете «Беднота» народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко скажет:

...«Мы только теперь узнали из показаний эсеров, что эти мерзавцы позволили себе стрелять не простыми пулями, а *отравленными*...»

Сильнейший яд, о присутствии которого в крови раненого врачи не догадывались, резко утяжелял его состояние, вызывая судороги и мучительные — до скрежета зубовного — боли. Организм Владимира Ильича боролся за жизнь.

Друзья и враги в стране и за ее рубежами ловили вести о здоровье Ленина.

В последнем, 36-м бюллетене сообщалось: «Кровоизлияние в плевру почти всосалось. Сегодня наложена на руку повязка с вытяжением. Самочувствие хорошее. Больному разрешено немного вставать с постели».

— Какое там «разрешение»! — жаловалась Надежда Константиновна нашей маме.— Сам себе разрешил. Вхожу, а он уже сделал первые шаги. Увидал мои испуганные глаза и сказал с возмущением, это абсолютно в Володином духе:

— Как вы все могли вообразить, что я умру? Разве я мог себе позволить умереть, когда столько дел, которые вообще в мире делаются в первый раз.

У телефона дежурили Я. М. Свердлов, А. Д. Цюрупа, В. Д. Бонч-Бруевич, В. П. Ногин.

1 сентября — у прямого провода Я. М. Свердлов.

— Положение у Владимира Ильича гораздо лучше... Больной шутит... Сегодня все окрылены надеждой.

4 сентября отвечает В. Д. Бонч-Бруевич.

— Еще один день будет критическим. А там — гора с плеч.

За полночь 6 сентября Цюрупа передал в Петроград:

«...Сегодня Владимир Ильич не только писал телеграмму, но и писал письмо... (Это было письмо наркому земледелия С. П. Середе о задержавшихся где-то на путях эшелонах с хлебом.)»

17 сентября Владимир Ильич впервые после ранения с рукой на перевязи председательствовал на заседании Совнаркома. Отец вспоминал:

— Мы боялись его утомить, сговорились выступать кратко. Но, когда я как можно короче доложил обстановку, он стал задавать мне вопросы, пришлось отвечать обстоятельно.

Увидел тревожные взгляды товарищей, и, сам тревожась, что утомляю его, я попросил разрешения, когда ему будет удобно, прийти к нему, чтобы обсудить все в спокойной обстановке.

Он посмотрел на меня, прищурил глаз и невесело пошутил:

— В спокойной обстановке неспокойные наши дела... Ну что ж, понял я ваши коллегиальные хитрости. Подчиняюсь. Разговор перенесем на завтра.

Я знал, что мне нечем порадовать Владимира Ильича. Положение становилось все более тяжелым...

ГОРЬКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В январе 1919 года правительство Республики вынуждено было принять декрет о введении продовольственной разверстки. Это была чрезвычайная, жесткая мера того труднейшего периода, который Ленин назвал «военным коммунизмом».

В чем была ее суть? До того хлеб у крестьянина исчислялся из потребности его и его семьи по норме. Новый закон исходил из другого: из потребности государства в хлебе, из необходимости получить хлеб в губернии, и дальше, по разверстке, в волости, в селе, в каждом крестьянском дворе.

Сохранялся классовый принцип: с кулака много, с середняка умеренно, с бедняка ничего. Но безвыходность экономического положения Республики изменила понятие «умеренно», ибо под тяжестью обстоятельств изменилось само понятие «мера». Безмерными, по определению Ленина, были жертвы, которые вынесли в это время рабочий класс и крестьянство. Он скажет: будучи в осажденной крепости, мы не могли продержаться иначе, как взяв «иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем».

Наступил труднейший этап в жизни Республики и в работе Компрода.

Именно в эту пору мы с Димкой после скитаний по детским приемникам, запомнившимся миской супа и машинкой, остригшей наши головы, приехали в Москву и поздно вечером, отмытые, накормленные, счастливые, увидали отца. Он прижимал к себе наши головы, вглядывался в отощавшие физиономии, а мы не узнавали его прежних родных веселых глаз.

В тот труднейший для страны год наш отец разучился улыбаться.

Через несколько лет, когда отгремит гражданская вой-

на и люди будут сыты, мы с братом Петром услышим его рассказ о пережитом в годы «военного коммунизма».

Мне шел шестнадцатый год. Было бы наивным считать, что рассказ отца я запомнил дословно. Я запомнил его суть, живые интонации, фразы, затронувшие юношеские мысль и чувства.

Отец говорил:

— Будете изучать это время по истории. И ты, Петюша, хоть и отвоевал гражданскую, на собственной шкуре изучал ее.

Но ни один учебник, упомянув о продразверстке, не передаст, как трудно было Владимиру Ильичу, партии решиться на эту меру государственного припуждения, как трудно было нам, компродовцам, принявшим ее к исполнению.

Проект декрета о хлебной разверстке обсуждался в конце декабря 1918 года на Всероссийском совещании в зале гостиницы «Метрополь». В это время отец лечился вне Москвы. Докладывал его заместитель Н. П. Брюханов.

Но, нарушив запреты врачей, отец вернулся домой и затребовал к себе документы совещания.

Лидия Александровна Фотиева тотчас известила Ленина о том, что наркомпрод А. Д. Цюрупа приезжал 1 января 1919 года в Москву и занимался делами. Ленин написал на ее записке: «Легче на поворотах». Фотиева не успела передать эту сердитую директиву отцу.

Дальнейшее знаю со слов отца. Владимир Ильич появился на пороге отцовского кабинета у нас дома. Отец поднялся ему навстречу. Владимир Ильич объяснил, что приехал на два-три часа, познакомиться с намеченными законопроектами.

Ленин усадил его в кресло и посоветовал выдержать режим. Иначе отцу не потянуть большой объем работы.

— Сейчас же уеду,— заверил отец.

Ленин подошел к разложенной карте, молча переставил флажки ближе к центру. Этих последних сведений о продвижении врага отец еще не знал.

Он рассказывал:

— Я видел Владимира Ильича со спины, отведенные назад локти, руки, сунутые в карманы. Молчание стало томительным. Ленин смотрел на карту.

Теперь, когда переношу отцовские воспоминания на бумагу, стараюсь представить: что видел он? Сжимающееся кольцо фронтов? Занятые врагом хлебные губернии: уфимский хлеб на ссыпных пунктах захвачен Колчаком,

перерезаны пути подвоза, Москва десятый день без хлеба.

Предвидел ли в тот январский день Владимир Ильич неохватную тяжесть событий, которую нес наступивший 1919 год?

В марте начнется наступление Колчака на востоке, Деникина на юге. Ссыпка хлеба прекратится. В Поволжье, в Симбирской и Самарской губерниях часть среднего крестьянства будет снабжать продуктами наступающие колчаковские и деникинские армии, кто — под влиянием кулацкой агитации, кто — под угрозой петли, пылающего факела, сунутого под стреху избы.

Английские, французские, американские империалисты обеспечат Колчака боеприпасами и снаряжением; в его руках будет промышленность Урала. Деникин станет распоряжаться углем Донбасса, нефтью Грозного. Это уже потом, отступая, враг затапливал шахты, взрывал нефтяные вышки и домны. А сейчас он выкачивал и металл, и уголь, и нефть. В Республике, зажатой клещами фронтов, голодом, сыпняком, стыли цехи, недвижные стояли на путях эшелоны.

В тяжелейшее лето 1919 года Деникин вырастет в грозную силу. В Черное и Каспийское моря войдут объединенные эскадры интервентов. В июне враг прорвется к Волге, после кровопролитных боев Красная Армия оставит Царицын.

Еще впереди август, когда конница Мамонтова — 6 тысяч сабель и 3 тысячи штыков — черным смерчем промчится по землям Тамбовской, Воронежской и других губерний, сжигая, громя, вешая, уничтожая на своем пути все, что несет в себе свет Советской власти.

В октябре Юденич выйдет на подступы к Петрограду. Враг будет рвать железнодорожные пути, чтобы хлеб не попал в Москву и Питер.

Деникин начнет поход на Москву. Никогда еще белые войска не были так близко к сердцу Республики.

Ленин вникал во все тонкости подготавливаемого контрнаступления. Его руководство, его мысль вели Красную Армию в бои по осеннему бездорожью. Когда падали кони, бойцы тащили пушки. В заледенелые зимние месяцы, когда снежная земля, вздыбленная взрывами, смешивалась с небом и высвеченные пожарами ночи сливались с задымленными утрами.

Конница Буденного, о которой мы, школьники, будем петь песни, громила корпуса Мамонтова и Шкуро. Красная Армия освобождала Украину. Нефть Северного Кав-

каза снова наполняла наши цистерны, и от Петрограда отползали разбитые войска Юденича. И звучал над израненной землей, пересекая границы, голос нашей Родины, призывая воюющие страны к мирным переговорам.

В эти труднейшие дни и месяцы под руководством Ленина партия мобилизует десятки тысяч коммунистов и беспартийных рабочих на борьбу с Колчаком, Деникиным, Юденичем. Еще впереди победоносные бои с последним ставленником Антанты — Врангелем, с войсками буржуазной Польши. И победы Красной Армии, сбросившей в море интервентов. Все это еще впереди.

А сейчас первые дни января 1919-го. Ленин стоит над картой.

Отец рассказывал сыновьям о тех минутах. Нам передавалась их напряженная тишина, и трагизм, и мужественная сила решения. Он не раз в жизни возвращался к этому воспоминанию...

Ленин молча, не оборачиваясь, постоял у карты. Вдруг сильно потер ладонями виски и произнес так глухо, потрясенно:

— Самый худой год... самый худой. Принимаем решение о разверстке. Никуда от этого не денешься. Хлеб надо взять...

И сразу вслед за этим Владимир Ильич стал энергично обдумывать вслух политическую сторону операции. Нужно бросить в деревню больше агитаторов. По отбору архитщательному. Не болтунов, выкрикивающих лозунги, а таких, что понимают и беду крестьянина и его ох не простую психологию. Правды не скрывать. Откровенно объяснять, почему и зачем Советская власть прибегла к этой чрезвычайной временной мере.

Читаю Ленина:

«Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической».

Отец рассказывал:

— Разверстка была приравнена к боевому приказу. Она не допускала послабления ни для губернии, ни для крестьянского двора. А мы были обыкновенными людьми, поднятыми на гребне революции, сердца у нас были не из камня. И многие знали крестьянскую нужду не понаслышке, а по годам работы в деревне. И нас жгла боль за крестьянина, который вернулся из чертова ада войны и впервые за жизнь свою, своих отцов и прадедов посеял и со-

брал свой хлеб на своей земле. Мы, компродовцы, знали, что эта же боль сжигала Владимира Ильича. Он не позволял себе говорить об этом вплоть до перехода к нэпу. Тогда мы от него услышали:

— Крестьянину станет легче дышать.

Я узнал эти слова. Мне довелось их слышать мальчишкой. Они прозвучали около моего виска, тронув его горячим, живым дыханием Ленина,— на заседании у постели моего отца...

Отец рассказывал:

— И мы брали по крестьянским сусекам хлеб. Уж какие там излишки! Нередко брали то, что нужно ему для безголодной жизни. Уравнивали его положение с рабочими городов. Проблема стояла так: сбережем пролетариат от голодной смерти, значит, будет страна жить...

Через много лет мы с Петей вспоминали, что, рассказывая, отец переводил дыхание, потирал грудь — волновал разговор. Помню, брат положил руку поверх его большой неспокойной руки.

— Пришлось продразверстку распространить на скот, на картофель, птицу, яйца, масло, в них нуждались голодные дети в городах.

Кто-то из нас спросил, чем же закончилась та встреча, когда Ленин застиг отца за работой. Отец улыбнулся:

— Владимир Ильич сказал:

— Прикрою глаза, а вы уж возьмите бумаги с собой, вам же не будет покоя, пока не выверите каждую формулировку.

В период «военного коммунизма» разверстка проводилась в тяжелейших условиях. Многие хлебные губернии были захвачены или опустошены врагом. В зиму с 1919 по 1920 год жестокие морозы валили с ног ослабевших людей. Снегопады перемели дороги и железнодорожные пути. Продотряды отражали налеты белых банд и кулачья. Близость фронта, белобандитский террор срывали работы по разверстке. Ссыпка зерна падала или прекращалась вовсе.

В ту пору вагон народного комиссара продовольствия встречали в горячих точках страны. Рассказывает Николай Иванович Максимчук, ветеран гражданской и Великой Отечественной войн, тогда юный боец продотряда:

— Села Подолии кишели бандами петлюровцев, кулаков, дезертиров, сброда, расправлявшегося с бедняцкой частью села за сочувствие Советской власти. И потому из армейских соединений выделили специальные продотряды. Наш отряд был кавалерийский.

Здесь действовала банда конокрада Пивня. Узнав, что в селе Ведичаны сдачу хлеба организовал председатель Комитета незаможних селян Антон Безрукий, Пивень на базаре схватил его и повесил на оглоблях телеги. Актив бедноты разыскал много упрятанного кулаками зерна. На помощь активу прибыли комсомольцы с Могилев-Подольского завода. Сын псаломщика сообщил о них Пивню. Ночью налетела банда. Ребята погибли в подожженной бандитами клуне вместе со свезенным туда хлебом.

Наш отряд во взаимодействии с отрядом военпартшколы гнал банду Пивня до Днестра, мы боролись с диверсантами на мостах, сопровождали эшелоны с продовольствием для шахтеров Донбасса.

Однажды с тачанки сошли наш упродкомиссар и наркомпрод товарищ Цюрупа. Благодарность наркома нам за обеспечение страны продовольствием запомнилась навсегда. И та высокая мера, какой он оценивал наши дела: это, мол, по-ленински или, наоборот, не по-ленински. Мы поняли, что это беззаветно преданный Ленину человек и тому же учит нас... Нарком со старыми солдатами говорил о делах в селе. Знал, что у нашего Атанаса три пары детей-двойняшек, что у Бараца в Одессе белые вырезали семью. Старику повару сказал, что хотя его георгиевские кресты и царская награда, но они национальная русская награда. Долго мы вспоминали нашего наркома. А осенью 1920 года мне посчастливилось снова повидать его в Юзовке, в Донбассе. Мы, восемь бойцов, доставили эшелон продовольствия. Донбасс ждал хлеба, а контра переправляла его куда-то дальше. Два дня катали по запасным путям, потом начали расцеплять, а у нас охраны не хватало на все части.

И тут я услышал, что вагон наркома стоит у вокзала. Нас с винтовками не впустили. Нарком сам вышел к нам, в длинной шинели, с пистолетом на ремне. Узнав про нашу беду, пошел с нами (был еще какой-то военный с ним). Эшелон мы сдали быстро. А товарищ Цюрупа, вспомнив, что в отряде бойцы жаловались, что люди воюют на фронтах, а мы — с бабами и потому нам не дают настоящего курева, велел в продпункте выписать нам кременчугской махорки. Он сказал, что хлеб скоро будут заготовлять без нас. И верно, когда продразверстку заменили продналогом, наш отряд направили в действующую армию, а меня с простреленной ногой и перерубленным плечом — в Винницу, на курсы продовольственных инспекторов.

13 апреля Цюрупа докладывал ЦК, что вследствие на-

ступления Колчака ссыпка хлеба в приволжском районе резко упала, едва получили 6 миллионов пудов; и на Украине, где «сплошное бушующее море огня»,— не больше 4—5 миллионов. Это вместо предполагаемых 32 миллионов, необходимых, чтобы продержаться до нового урожая.

...Мы с Димой присутствовали при том, как Владимир Ильич говорил с нашей мамой. И снова, читатель, я не поставлю ленинские слова в кавычки, ибо в тот вечерний час в нашей нетопленой столовой никто, естественно, не вел стенограммы. Мы с Димой на подоконнике играли в шахматы. Владимир Ильич, поджидая отца, ходил по комнате, мама куталась в платок.

Эта сцена долго жила в моей памяти, как немое кино. Но стоило мне, уже взрослому, сказать маме: «А помнишь?» — она сразу откликнулась и вернула звучание тогда произнесенным словам.

— Никаких вопросов я не задавала,— сказала мама.— А Владимир Ильич вдруг сказал мне, что Советская власть справится, потому что другого выхода нет. Нужно продержаться до нового урожая. Конечно, положение катастрофическое, но крестьянство поддержит нас. Оно уже сильно подвинулось в своем общественном сознании, особенно в тех местах, где испытало колчаковский произвол.

— Очень трудное было время, очень,— тихо добавила мама.

А я помню: мы с братом передвигаем шахматные фигуры, Дима забывает сделать ход, прислушиваясь к тому, что говорит Ленин. От стекол тянет холодом, и мама сердится:

— Да слезьте вы, наконец, с окна! Ты-то, Дима, уже большой, должен пример показывать!

Но он пример не показывает. Окно — наше любимое место. Дима играет «по-научному» — на листке записывает ходы.

Дальше помню, что Владимир Ильич с мамой сидят за столом, ладонями обняли стаканы с чаем, согревая озябшие пальцы. Лампа горит вполнакала, у электростанции нет топлива. Все, что случилось дальше, мы с братом запомнили накрепко.

Владимир Ильич, беседуя с мамой, говорил о том, что мы по разверстке берем хлеб у крестьянина в долг, а вернем ему сторицей. Крестьянин нас поймет.

— Не поймет! — вдруг выпалил брат.

— Как так не поймет? — Владимир Ильич живо обернулся.

Дима рассказал: вчера мы пошли гулять. Как всегда, хотелось есть.

— Вот бы хлеба! — сказал я Диме.

— А златые горы не хочешь? — ответил он.

И вдруг у Никольских ворот видим: стоит дядька в полушубке, валенках, под мышкой зажал ковригу хлеба, отламывает и ест, как в сказке! Мы встали и смотрим. А он осклабился: «Есть что ля хотитя? Чтой-то комиссары худо кормят». Достал из мешка другую ковригу, протянул нам: «Купитя!» И заломил такую цену, что, наверно, целый дворец можно купить. А у нас вообще не водилось ни копейки. И мы ушли, чувствуя себя голодными, но гордыми пролетариями.

— Как же, поймет такой крестьянин,— сказал Дима.

А Владимир Ильич сказал маме, что самое грустное и самое трудное в том, что два слагаемых отлично уживаются в одном лице, в крестьянине. Он и труженик до седьмого пота, а при излишке у него хлеба и остро нуждающемся покупателе — он и спекулянт.

— Конечно, вы с Димой не могли понять. Владимир Ильич говорил об очень сложном — о двойственности в ту пору крестьянской психологии,— сказала мама мне, взрослому.

Нет, Дима понял. Он схватил карандаш и на листке быстро нарисовал фигуру, с одного бока — тощую, длинная рубаха, подол в клочьях, с другого — толстую, с ощеренной половиной пасти, с загребущей рукой, как на плакатах. А я пририсовал пузо потолще.

Мы стали хихикать, и Дима засунул листок под доску.

А Ленин наклонился к маме, облокотился локтем о стол и, глядя ей в лицо, сказал, что в мечтах своих, в грезах такой крестьянин — и кулак, и эксплуататор наемных батраков, ибо более совершенной формы социального процветания он просто не знает. Сложность его психологии перестроит только социалистическая деревня с коллективным землепользованием, с новыми принципами распределения, с поднятием культуры сельского труженика до уровня пролетария.

Конечно, я не запомнил таких трудных категорий, я просто пропустил их мимо ушей. Но зато хорошо помню, как вошла Надежда Константиновна и сказала смеясь:

— Мария Петровна! Володя уже читает вам лекцию?

— Ну что вы, это не лекция, это сама жизнь,— ответила мама.

Владимир Ильич повесил пальто Надежды Константиновны, подошел к нашему подоконнику. Постукивая моими фигурами, тут же сделал Диме мат.

— Как тебе не стыдно, ты опять выиграл? — шутливо возмутилась Надежда Константиновна.

А Владимир Ильич ответил, что он приговорен выигрывать, уполномочен выигрывать, альтернативы нет...

Слово было незнакомым. Я взглянул на Ленина, удивившись, почему он говорит так серьезно, ведь мы же играем и Надежда Константиновна шутит. Но увидал, как вмиг сошла улыбка с ее лица, и странным образом я, мальчишка, почувствовал, что его слова связаны с только что отзвучавшим разговором о крестьянине, который поймет: до нового урожая нужно продержаться во что бы то ни стало.

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ 19-ГО ГОДА

На полях в 1919 году урожай поднялся невиданно богатый. Центральный Комитет призвал все партийные организации понять, что разверстка — задача не только продовольственная, но и политическая. Во все губернии была послана телеграмма наркома продовольствия А. Д. Цюрупы и наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского:

«Все местные силы должны быть брошены на работу. Начните агитацию в печати, объедините силы исполкома, компартии в борьбе за хлеб. Перед вами совершенно конкретная задача — выполнить разверстку».

На хлебный фронт выехали уполномоченные ЦК — А. В. Луначарский, С. П. Середа, А. Г. Шлихтер, В. А. Антонов-Овсеенко, И. В. Сталин, Р. С. Землячка, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, П. И. Стучка, В. И. Межлаук и другие ответственные товарищи. Каждое имя — славная повесть о Революции.

Хочу сказать об Анатолии Васильевиче Луначарском. Он был у нас дома на домашнем концерте. В короткий перерыв Анатолий Васильевич наклонился ко мне и сказал:

— Ты хорошо слушаешь. Музыка — это полет души. Молодец, что не мешаешь ей, не держишь ее за крылья. Душа летает...— И я понял ясно, что да, когда звучит музыка,— душа летает! Сам бы я до этого никогда не додумался...

Анатолий Васильевич — человек, влюбленный в искусство, драматург, философ, блестящий оратор.

В те дни, когда он был послан на хлебный фронт, я однажды встретил его. Он шел по Кремлю, только что вернувшись из поездки, в брюках, заправленных в сапоги, в помятой гимнастерке. Пенсне как-то криво сидело у него на носу. Было видно, что он очень устал.

Я сидел у Арсенала на пушке. Он остановился:

— Здравствуй. Ну как, музыку слушаешь?

— Сейчас только сестра Валя играет,— сказал я.

— Вот и я сейчас слушаю совсем другую музыку,— и он ушел.

Отец рассказывал, что в заготовительной кампании Луначарский работал вдохновенно. Ездил с продотрядами в захолустные деревни, выступал много раз в день, и не знаю, шутка ли это была или правда, но отец сказал:

— Товарищи утверждают, что один деревенский сход вынес резолюцию: заслушав доклад о тов. Томасе Кампанелле, заявляем Советскому правительству, что мы не согнем спин перед капиталом, а также постановляем отчислить для голодающих городов по пять пудов ржи с каждого двора.

40 тысяч бойцов продармии и Военпродбюро работали на уборке, заготовке, молотьбе, ссыпке хлеба в ту осень.

Телеграмма Реввоенсоветам 10-й и 4-й армий. 20 августа 1919 года: «Уборка хлеба крестьянами крайне важна для Республики. Прикажите строжайше всячески охранять крестьян при уборке хлеба и беспощадно расстреливать за грабежи, насилия и беззаконные поборы.

Предсовобороны *Ленин*».

Ссыпка хлеба шла успешно. Но встала во весь рост другая беда — разруха транспорта. Из 16—17 тысяч паровозов лишь 7600 были «здоровыми». Тысячи вагонов потребовали ремонта, в них нельзя было возить хлеб. На пути хлеба враг оставил почти 2700 взорванных мостов, тысячи верст разрушенных рельсовых путей.

Еще в январе, когда ростки озимых были под снегом, Республика мобилизовала силы и средства на восстановление транспорта, подготовку его к лету, к приему урожая. «Все на работу по продовольствию и транспорту!» — звала ленинская статья в «Правде» 28 января 1919 года. Ленин призывал каждую организацию партии, каждый профессиональный союз, каждую группу советских работников и граждан вообще поставить перед собой вопрос:

«Что можем мы сделать для расширения и усиления всенародного похода против голода?

Не должны ли мы десятого или пятого человека... выделить в продовольственную армию или на более трудную и более тяжелую, чем обычно, работу в железнодорожных мастерских?..

Все на работу по продовольствию и транспорту!»

Старый экземпляр «Правды» в библиотеке перечитываю с трепетным чувством. Такая же газета была раскрыта на столе в кабинете, поверх нее лежал отцовский карандаш. А я, стоя на коленках в кресле и навалившись

грудью на газетный лист, утверждался в умении читать, разбирая подчеркнутые отцом строки. Конечно, многого я не понимал. Но детская память сильна зрительными и чувственными представлениями. Меня будоражил заголовок, он звучал, как боевая команда. И я прикидывал, не пойдут ли мои старшие братья Дмитрий и Петр, победив беляков, ремонтировать паровозы, и не посчастливится ли мне залезть в будку машиниста? Тот представившийся мне паровоз я вмиг вспомнил, когда отец, разбирая ящик стола, нашел эту старую газету и сказал мне, уже 16-летнему:

— Прочитай взрослыми глазами. Погляди, Владимир Ильич в то трудное время с доверием спрашивает каждого человека: «Что можем мы сделать для Родины?»

Отцовский негромкий голос, повторяющий для сына страстный вопрос, обращенный к гражданской совести, звучит для меня камертоном на протяжении жизни, на всех трудных переломах: «Что я могу сделать?»

Я благодарен отцу за то, что он учил меня читать Ленина, не прочитывать, а читать, следя за созидательной работой его мысли; видеть, как, ставя огромной трудности задачу, Ленин помогал опираться на конкретные, малые (по выражению отца — «дочерние») задачи, и почти непреодолимое становилось достижимой реальностью.

Ленин.

«Нам удастся собрать сотни миллионов пудов хлеба. Они у нас есть. Но нужны невероятно дьявольские усилия, напряжение всех сил страны, военная решимость и энергия, чтобы собрать эти сотни миллионов пудов хлеба и подвезти их к центру».

Читаю речь отца 5 декабря 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов. Народный комиссар обращается к делегатам, через них его услышат далеко за пределами этого зала тысячи деревень, разбросанных по российским просторам, в потребляющих губерниях и, значит, в голодных; в производящих губерниях, где запасы хлеба есть, но трудно взять его и доставить в голодные волости и голодные города.

А. Д. Цюрупа говорил с трибуны съезда, а в его памяти еще звучали слова, сказанные Лениным несколько дней назад, на VIII Всероссийской конференции РКП(б):

— Продовольственный вопрос лежит в основе всех вопросов... Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем строить на этом социалистическом фундаменте все то роскошное здание

социализма, которое мы не раз начинали строить сверху и которое не раз разрушалось.

Отец говорит, что Советская власть знает, как нужны крестьянам железо, сахар, керосин, мануфактура, но, чтобы все это дать, необходимо наладить транспорт и промышленность.

В речи народного комиссара отражен трагический узел, в который сплелись проблемы 1919 года: трудности разверстки, долгожданный урожай, транспорт, разрушенный войной, и голод, голод...

— Тетюшинская волость постановила сдать разверстку полностью — случай, за которым гонимся, которого ищем. И каково же впечатление должно остаться у этих крестьян... когда... оказывается, что на станции «Охотничья» собралось около 100 тысяч пудов хлеба и некуда грузить... В немецкой коммуне... лежит до 4 миллионов пудов хлеба, грузится ежедневно по 20—30 вагонов... Хлеб лежит под открытым небом, растаскивается грызунами. На станции «Кузоватая» 30 миллионов пудов хлеба, 2 недели не подаются вагоны... Вы видите,— говорит народный комиссар,— что сейчас дело продовольствия переросло транспорт...

Он рассказывает, что сегодня усилия Советской власти сосредоточены на том, чтобы вывести Республику из транспортного кризиса. Он говорит, а в памяти звучат полные тревоги слова Владимира Ильича, сказанные у него, у Цюрупы, дома, в плохо натопленном кабинете:

— Если мы допустим, что поезда станут, это будет означать гибель пролетарских центров...— Он повторил: — Если мы допустим...

Принимались решительные меры для спасения хлеба, для быстрейшей оборачиваемости вагонов. Тысячи рабочих-металлистов, слесарей, плотников по призыву партии двинул пролетариат на ремонт локомотивов и вагонов. Ряд заводов с основного производства был переведен на непрерывный, трехсменный ремонт паровозов.

Полная тревоги записка Владимира Ильича:

«Чего-то мы недоделали с ремонтом паровозов.

Нельзя ли комиссию цекистов, дабы тормошить и проверять?

Или отчеты раз в неделю?

Или иное что?

Кто следит? кто торопит? *Никто.*

Кто выделил лучшие мастерские? Что выходит из премий по 200 пудов за паровоз?..

Декретировали и заснули...»

Адресат записки не установлен. Но взгляните, как ярко отражена в строках нетерпимость Ленина к нечеткости, к инертности, он требует мысли, действия, революционной энергии.

Накормить железнодорожников, всех, кто восстанавливает транспорт, стало неотложной задачей среди других неотложных задач Наркомпрода. Совнарком обязал все губернские исполкомы оказывать помощь погрузке и продвижению продовольственных эшелонов. Были оборудованы на линии ремонтные поезда. По предложению отца Совнарком принял решение на время прекратить пассажирское движение, отдав паровозы для перевозок хлеба.

Для переброски хлеба к Москве и Петрограду до поздней осени, пока реки не сковало льдом, использовали водные пути.

Телеграмма. Нижегородскому областному управлению водного транспорта. 12 июля 1919 года.

«...В районе Камы, Белой погружено на баржи 394 914 пудов хлеба, но баржи не отправлены... Предписываю немедленно приступить к отправке погруженных барж... Всякие промедления по доставке хлеба грозят осложнениями, вредящими делу революции. Напрягите все силы и извещайте нас чаще вполне точно.

Предсовобороны *Ленин*
Наркомпрод *Цюрупа».*

Хлеб шел баржами до самого ледостава. Но и в 40-градусные морозы в Нижнем Новгороде, центральном перевалочном пункте, перегружали хлеб с вмерзших в реку барж в железнодорожные составы. За приемку и погрузку отвечала Волжская транспортная комиссия Наркомпрода (Волгопрод), ее руководители и сотрудники работали наравне с грузчиками. Героическую энергию проявляли люди. Зная отца, могу догадаться, сколько боли за строкой его скупого приказа. Он сообщает, что смерть скосила на боевом посту волгопродовцев Архангельского и Бурасова...

На призыв партии откликнулись многие тысячи людей. Это была не только трудовая мобилизация, это был патриотический трудовой энтузиазм — понятие высокое и праведное. Люди, не досыта евшие, худо одетые, без техники, возрождали тысячи верст железнодорожного полотна, поднимали взорванные фермы мостов. В стужу крепили железные переплеты на ледяном ветру высоко над

рекой, по которой шла шуга или крепнул лед. Старались выиграть дни и часы, чтоб дать «зеленую улицу» хлебу.

Отец вспоминал о глубоком уважении, с каким Владимир Ильич говорил о людях, возрождавших транспорт:

— Такие духовные силы не снились нашим мелкобуржуазным теоретикам. Это по-настоящему, без скидок коммунистический труд.

Всем памятно, что героизмом, «великим почином» назвал Ленин первый коммунистический субботник 12 апреля 1919 года, когда, оставшись после смены на 10 часов, рабочие отремонтировали три паровоза, которые тотчас повели эшелоны на фронт.

Правительство выделило золото для покупки паровозов и запасных частей к ним. Капиталистические страны с недоверием шли на торговые предложения истощенной войной, разрухой Республики. Наконец Швеция согласилась поставить одну тысячу паровозов.

— В какой срок можно рассчитывать на выполнение заказа? — спросил советский представитель.

— В течение шести лет,— был ответ.

Шесть лет, когда дорог каждый день! Отец рассказывал, что Ленин в волнении повторял:

— Шесть лет! Шесть лет! Это провокационно-разведывательная акция. Пробуют на зуб — чего мы стоим, надеемся ли продержаться такой срок. А мы их переиграем, да так, что они рискуют опоздать к дележке пирога...

В 1921 году, на IX Всероссийском съезде Советов, Ленин скажет, что Республика впервые начала получать помощь из-за границы: заказаны тысячи паровозов, уже получено 13 шведских и 37 немецких. Это самое малое начало, но все же начало.

Мужеством отмечены слова Ленина в ноябре 1922 года на пленуме Московского Совета:

«...У нас не было сомнения в том, что мы должны... добиться успеха в одиночку... «В одиночку»,— мы себе сказали. «В одиночку»,— говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали...»

В те годы большая часть транспорта была восстановлена самоотверженным трудом. За 1919 и 1920 годы было отремонтировано и выпущено на линию 13 290 паровозов и 121 187 вагонов. Под руководством Ф. Э. Дзержинского за несколько лет восстановлены все мосты, станционные здания, пакгаузы, сменены изношенные рельсы и шпалы на протяжении тысяч километров.

Но работе транспорта мешали саботаж, бесхозяйственность, произвол. Продовольственные грузы в пути реквизировались, перегонялись на другие маршруты, не доходили до мест назначения.

Хаос можно было победить лишь организованностью управления и контроля.

Ленин требовал: учитесь управлять.

23 апреля 1920 года. По прямому проводу. Предгубисполкомам Тамбов, Саратов, Самара, Уфа, Челябинск, Казань, Вятка, Сарапул... Пенза, Покровск... Оренбург... Омск, Екатеринбург, Воронеж...

«...Предлагаю в порядке боевого приказа в течение 24 часов... образовать на время вывоза хлеба из внутренних ссыпных пунктов к железнодорожным станциям комиссии-тройки под личным председательством губпродкомиссара в составе предгубкомтруда и лично губвоенкома... Губкомтруд обязан немедленно удовлетворять потребности Губпродкома в рабочей и гужевой силе... Все подвозимое к станциям немедленно предъявлять железной дороге, организовать в том же боевом порядке погрузку...

Предсовобороны *Ленин*
Наркомпрод *Цюрупа*».

Считая привлечение рабочих к управлению и контролю залогом победы над беспорядком, Ленин радовался сигналам рядовых железнодорожников, направленных на борьбу с бесхозяйственностью. Но отец рассказывал, что однажды Владимир Ильич был обескуражен такой полученной на его имя телеграммой:

«О которой капусте вы давали депешу,— капуста погружена, пятые сутки стоит на станции Грязи. Распоряжения к отправке не добьешься. Проводник Егоров».

— Что такое? Какая капуста? — взволновался Ленин и тут же дал распоряжение выяснить, обеспечить отправку вагонов и ответить проводнику Егорову с уважением.

Чтобы обеспечить сохранность грузов, Наркомпрод ввел маршрутизацию перевозок, отдельных вагонов не отправляли. Поезда шли под вооруженной охраной. На крупных железнодорожных узлах организовали распредбазы. Это была новая организационная форма. Распредбазы наблюдали за продвижением хлебных маршрутов, согласовывая с центром, маневрировали продовольствием, перенаправляя эшелоны туда, где срывался подвоз.

Интересно свидетельство В. В. Владимирова, руководителя подотделом железнодорожных перевозок Наркомпро-

да: «Распредбазы явились прообразом распределительных станций (РС) в годы Великой Отечественной войны, когда они снова успешно справились со снабжением вооруженных сил продовольствием и материальным техническим снабжением».

По ночам в Наркомпроде у телефонов дежурила оперативная группа. Она держала связь со всеми распредбазами. Телефоны стояли и у нас дома, в отцовском кабинете.

По ночам мама входила туда, привлеченная голосом отца.

— Не беспокойся, Маня, всего один звонок, иди спать,— говорил он. Но часами продолжал работу и откидывался на подушку, лишь получив уверение, что отправление дано, что, «ей-богу, Александр Дмитриевич, уже едва виден красный огонек хвостового вагона». Он знал наизусть маршрутные поезда, где грузятся, держал под прицелом какие-то станции, знал по имени-отчеству начальников, составителей поездов, машинистов, требовал ответа: что вызывает задержку? Кто за это отвечает? Да понимаете вы или нет? Это ж хлеб для голодных людей...

Иногда трубку поднимал Ленин, говорил: «Давайте-ка отправим этот маршрут ивановским ткачам. Или питерцам...»

— Мы, компродовцы, непрестанно ощущали участие и руководство Владимира Ильича,— говорил отец.

Телеграмма Симбирскому губпродкомиссару

«Комитет 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы жалуется на Вашу нераспорядительность... Вы должны немедленно погрузить имеющиеся налицо два поезда по 30 вагонов...

Хлеб от крестьян Вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что Вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны.

Председатель Совнаркома *Ленин*».

Когда в июле 1919 года отцу предстояло выступить на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, Всероссийского совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы, он попросил у Ленина совета.

Ленин. «Созвонимся завтра, надо будет урвать от заседания Цека».

И тут же набрасывает тезисы выступления:

«Коротко итоги улучшения
за год (30 млн.— 100 млн.)
даем 1/2 (1/2 Сухаревка)
теперь трудно, но лучше 1918.
«Симбирская губ.»
все на помощь Компроду».

«Сухаревкой» (рынок в Москве) Ленин обобщенно называет спекулянта-мешочника.

«...За первую половину,— напишет он,— рабочий платит *одну десятую* всех своих расходов на продовольствие, а за вторую — *девять десятых*.

Спекулянты сдирают с голодного рабочего по девять шкур...»

Ранее в речи о продовольственном и военном положении В. И. Ленин образно сказал, что «одной ногой мы стоим в старом капитализме и только наполовину выкарабкались из этой трясины».

И все же Ленин подчеркнет, что «если нам меньше чем через два года удалось решить эту задачу наполовину, то это составляет очень многое. Это есть бесспорное доказательство того, что Советская власть в продовольственном вопросе, самом трудном и тяжелом, взяла правильную линию и стоит на верном пути».

Катастрофических размеров достиг в Республике топливный голод. Шахты Донбасса и нефтепромыслы Северного Кавказа, которые давали 85 процентов железной руды, 90 процентов каменного угля, почти всю нефть страны, теперь, при отступлении врага, разграбленные и разрушенные, ждали восстановления. Задыхалась без топлива военная промышленность, заводы, электростанции. Хлебные эшелоны простаивали в пути.

Вслушайтесь, сколь трагичны слова Ленина:

«...У нас не бывает заседания Совета Народных Комиссаров или Совета Обороны, где бы мы не делили последние миллионы пудов угля или нефти и, испытывая мучительное состояние, когда все комиссары берут себе последние остатки и каждому не хватает и надо решать: закрыть фабрики здесь или там, здесь оставить рабочих без работы или там,— мучительный вопрос, но приходится это делать, потому что угля нет».

И снова, снова звучал голос Ленина со страниц «Правды», доказывая, что топливный кризис преодолеть можно. Члены партии должны идти впереди всех по трудовой дисциплине и энергии.

...Свет горел вполнакала, Ленин работал с лампочкой

всего в 16 свечей. У нас дома было холодно, как во всех домах Москвы. Отец принес домой темную буханку.

— Хлеб! — закричали мы.

— Нет, торф,— сказал отец.— Дешевое топливо, на нем могут работать электростанции. Но его до сих пор добывали тяжело, по пояс в воде, в болоте. Теперь его будут добывать машины. Первые образцы изготовлены...

Мы нюхали торф, старались отколупнуть кусочек.

— Хотите увидеть, как работает эта машина? Бегите в клуб, там покажут киноленту. Мы в Совнаркоме уже смотрели.

Мы помчались в клуб. Киноаппарат стрекотал, на тускло мерцающем экране мы увидали, как машина резала торфяные залежи на аккуратные кирпичи. В титрах были длинные цифры, я не успевал их прочесть, но я понял, что ток придет по проводам в города.

— И пойдут трамваи,— сказал Дима, он знал, он был старше.

На топливный фронт партия бросила огромные людские резервы, тысячи рабочих, тысячи коммунистов. Части Красной Армии, высвобождавшиеся благодаря успехам на фронтах, составляли трудовые армии.

В мирные годы отец вспоминал о крепко запомнившемся ему разговоре с Владимиром Ильичем Лениным, который считал, что всех, кто добывает топливо — уголь, нефть, сланцы, торф, дрова, все, что способно дать тепло, двинуть поезда и станки, этих людей надо кормить в первую очередь.

— А Красную Армию? — спросил отец.— А рабочих? Мы же с вами знаем, они изготовляют снаряды и падают от истощения.

И Ленин подтвердил, что их тоже — в первую очередь.

— А детей? — спросил отец. И Ленин сказал именно то, чего ждал отец: детей безусловно надо кормить в первую очередь. Всех, без классовой дифференциации.

Отец улыбнулся воспоминаниям:

— Мы с Владимиром Ильичем посмотрели друг на друга и... рассмеялись, хотя было не до смеха...

Неустанной заботой Ленина, его болью и тревогой был Донбасс.

Еще 13 марта 1919 года, на десятитысячном митинге рабочих, матросов и красноармейцев в Народном доме, где не хватило мест для всех и выступление Ленин повторил в фойе, он говорил:

— Донецкий бассейн подвергся такому разорению, о

котором мы не имеем и понятия... Из всех местностей Украины несется вопль: давайте рабочих!.. Мы переводим более опытных продовольственных работников из Воронежской и Тамбовской губерний на Украину и привлекаем... наиболее развитых городских пролетариев.

А. И. Свидерский телеграфировал с Украины:

«Работа здесь воистину героическая: в одной Полтавской губернии убито до 300 продработников, сводки ежедневно отмечают 2—3 убитых продработника. Бандитизм в полном разгаре».

Ленин, записка отцу, 26 октября 1920 года.

«В Таврической губернии взяли у Врангеля *2 миллиона* пудов хлеба.

Надо бы *взять их поскорее* и обеспечить *Донбасс*».

Повсюду, где бесчинствовал враг, продовольственный аппарат пришлось воссоздавать заново. В него вливались и армейские продработники, коммунисты, возвращавшиеся с фронтов.

Ленин — Цюрупе:

«т. Цюрупа!

В Политбюро говорили о том, что воинские перевозки из Сибири *заменить продовольственными* (ввиду побед на юге).

Решение не записано, ибо Троцкий, вполне согласившись, *уже дал распоряжение...*»

И, видимо не надеясь на уверения Троцкого, предупреждает: «Член ВСП (Высшего совета по перевозкам.— *В. Ц.*) от Компрода должен *следить в оба.* Ваш *Ленин*».

По литературе и документам восстанавливаю деятельность моего отца в этот период. Он выезжает в Тулу к оружейникам и на другие военные заводы, организуя обеспечение их продовольствием. Он руководит коллегией и управлениями комиссариата, каждое представляет сложную отрасль: заготовки хлеба и заготовки фуража, снабжение Красной Армии, управление финансами и статистико-экономическое управление. Народный комиссар Цюрупа ответствен за комплектование и вооружение продотрядов, за кооперацию, он оперативно связан с районами, где заготовляется хлеб, с реввоенсоветами армий, с волостными комбедами, с продотрядами, с продорганами. Его вагон видят в Поволжье и на Украине.

Создание многоразветвленного продовольственного аппарата, руководство им, проводившим продовольственную стратегию в непрерывно меняющихся условиях разоренной

страны, требовало от народного комиссара и всех продовольственников огромной работы — организаторской, хозяйственной, политической.

На X съезде партии Ленин скажет:

— Мы знаем аппарат Компрода, мы знаем, что это один из лучших наших аппаратов. Сравнивая его с другими, мы видим, что это — лучший аппарат...

В наши юные годы отец рассказывал нам с Димкой об агитации и пропаганде. Сегодня читаю исторический очерк, и в официальной фразе: «В заготовительную кампанию 1919/20 г. были брошены большие агитационно-пропагандистские силы» — мне раскрывается масштаб вдохновенной, целенаправленной работы и поиск партийного действенного слова.

Центральный Комитет партии руководил изданием литературы.

Как эта литература помогала армии агитаторов, вспоминал мой брат Петр, в ту пору 19-летний продотрядовец. Бойцы восстановили продырявленный обстрелом вагон, расписали стены призывами. Их «красный клуб» останавливался на полустанках, в виду деревень, народу сходилась уйма. «Тезисы для агитаторов», брошюры помогали выступать на митингах, вникать в местные дела, отвечать на вопросы. Литературу получали на станциях в политотделах.

— Ездил за ней нарочным и я, как за хлебом насущным,— вспоминал брат.— Случалось, отстреливался от бандитов, пуская коня наметом, удирал, а драгоценную ношу привозил...

И еще про кожанку помню его рассказ. В отряде она была только у комиссара. Но когда на митинге выступали двое наиболее грамотных ребят, комиссар надевал ее на них поочередно, приговаривая «для авторитета».

Конечно, «Петькин агитвагон», как называли его у нас дома, был каплей в потоке организованной партией агитационной работы. В районы, где начиналась уборка и ссыпка хлеба, направлялись агитотряды, агитпоезда.

По Волге и Каме плыл агитпароход «Красная звезда». Его работой руководила Надежда Константиновна Крупская. Политкомиссаром был Вячеслав Михайлович Молотов. С ним плыли специалисты, в том числе из Наркомпрода. На «Красной звезде» были типография, киноустановка, книги.

Пароход шел по следам белых.

Надежда Константиновна вспоминает: «Перед отъездом мы долго толковали с Ильичем, как и что надо будет делать, чем помогать населению... во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работу ни на минуту бросить...

Газета наша пароходная подсчитала, что я 34 раза выступала... Там, где побывали белые, ненависть к ним населения была безгранична. Никогда не забуду я митинга на Воткинском заводе, где белые перестреляли чуть не всех подростков, «отродье большевистское проклятое»,— говорили они. И тысячный митинг, созванный нами на Воткинском заводе, весь рыдал, когда пели «Вы жертвою пали». В редкой семье не было убитого подростка...»

...Я читал книгу Надежды Константиновны, уже пройдя Великую Отечественную войну. И плакал вместе с тем далеким митингом. Ее воспоминание было трагично. Оно остро перекликнулось с моей фронтовой болью, которую погасит в памяти разве что смерть моя.

Это было, когда кончились мучительные дни отступления. Мы преследовали немцев. Враг огрызался. Теряя товарищей, мы шли вперед, и это было великим счастьем для нас, бойцов, и для наших военачальников.

В одну деревню мы вошли без боя. Гитлеровцы успели удрать, угнав и население. Тлели черные балки на месте сельского Совета, рядом стояла полуобгоревшая коновязь. Белый грязный пес, оперев передние лапы о сруб колодца, скулил.

— Там беда, ребята,— сказал кто-то из бойцов.

Подбежали. Из глубины доносились непонятные звуки, плач не плач, вздох не вздох. Сгрудились у сруба, стараясь разглядеть, что там внизу, но даже квадратика дальней воды, отражавшей небо, не виднелось.

Наш политрук Николай Королев отпрянул. С побелевшим лицом сказал:

— Там дети.

Спуститься вызвались все. Но командир выбрал самого легкого и ловкого. Он обвязался веревкой и спускался в колодец много раз. Все стояли замерев как в страшном сне: принимали от него трагическую ношу. Он выносил, прижимая одной рукой к груди, мокрых, обессиленных, словно прозрачных, бесчувственных детей. Никто из нас в жизни не видел ничего страшнее: живые дети были седыми. Мы сперва подумали — русые, белоголовые от солнца, а они были седыми до мертвой голубизны. Те, кого бросили первыми, захлебнулись.

Санинструктор нам рассказывала плача: седая девочка-подросток, когда ее отогрели, отпоили молоком, сделали уколы, сказала, едва шевеля губами: «Мамок угнали... нас покидали вниз... может, три дня прошло, может, пять, не помню... Кричали: «Большевистское отродье!»

Те же слова проклятья, та же классовая звериная ненависть, что и десятилетия назад там, на Воткинском заводе. Тот же подлый расчет, что, убив детей, можно убить будущее, коммунизм...

В заготовительную кампанию 1919/20 года крестьянство дало Советской власти 220 миллионов пудов хлеба, на следующий год — более 285 миллионов. И Ленин скажет, что, несомненно, продовольственная политика в те первые годы была груба и несовершенна, порождала злоупотребления и ошибки, но она была единственно возможной при тех условиях. Она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране.

УГЛУБЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Мне думается, что из всех встреченных мною в литературе определений продовольственной политики первых лет Советской власти лучше всех раскрывают ее суть и ее непомерные трудности слова Надежды Константиновны Крупской:

«Это был участок планового хозяйства, хозяйства социалистического, но вести его приходилось в условиях, когда самые основы хозяйства не были еще перестроены, когда крестьянское хозяйство оставалось еще хозяйством единоличным».

Среди этих распыленных хозяйств, проникая корнями все глубже в крестьянскую мелкособственническую психологию, встречая враждебность и надежду, противодействие и помощь, с муками, с трудом пробиваясь сквозь толщу противоречий, разрасталось дерево социализма.

Владимир Ильич придавал огромное, революционное значение событиям, происшедшим в деревне к концу 1919 года: классовое расслоение крестьянства, зревшее давно, стало социалистическим переворотом, когда сельская беднота объединилась в комбеды и, поддержанная рабочим классом, руководимая партией, определила путь деревни.

Здесь я привожу еще один переданный отцом незабываемый разговор его с Лениным.

Ленин сказал, что, посылая рабочие отряды в деревню, партия точно рассчитала, что рабочий класс не «варягом» придет туда. Он связан с деревней изначально тысячами нитей: у того мать в деревне, другой с восьми лет с дедом за плугом ходил... Рабочий класс пришел в деревню как старший сын, наделенный своим нелегким пролетарским опытом, пришел как организатор, как вождь...

Отец рассказывал, что в радостном возбуждении Ленин ходил по кабинету в тот вечер. Он говорил, что трудовые пласты деревни, на которую партия рассчитывала, разрывая паутину эсеровских посулов и кулацкого влияния, пошли за рабочим классом.

— Пошли! Именно в этом значение событий, происшедших в нынешнее лето и осень по самым глухим закоулкам России, которые не бросились всем в глаза, как Октябрьский переворот, и, кажется, еще не вполне замечены и поняты нашими недругами на Западе.

...Отец рассказывал, и отсвет воспоминаний трогал улыбкой его губы:

— И тут вдруг Владимир Ильич рассмеялся, как умел смеяться только он, ясным, словно бы беззаботным смехом. Его рассмешила мысль о том, как же они всполошатся там, на Западе, когда поймут, что эта победа имеет не менее глубокое и важное значение, чем Октябрьская революция, после которой они ночи не спят, боятся, как бы искры не перелетели на их крыши...

И, однако, Ленин в декабре 1921 года запишет в плане доклада IX съезду Советов:

«Мы шли недостаточно поддержанные крестьянством *экономически;* прочности военного и политического союза рабочих с крестьянами *не соответствовала* недостаточная прочность их экономического союза».

Экономический союз должен был стоять на том, что крестьянство дает рабочему классу хлеб, а рабочий класс производит все необходимое ему для жизни и сельского производства. Но промышленность не могла удовлетворить его нужды...

Телеграмма. Продовольственным комитетам Южного и Восточного фронтов. Губпродкомам и губисполкомам всех производящих губерний.

«Голодающий Север вступил в полосу тягчайших продовольственных затруднений. Красный Петроград с достойной выдержкой и величайшим героизмом, отражающий натиск... наемников международного империализма, вынужден сократить хлебный паек рабочим до трех четвертей фунта, выдаваемых на два дня. Москва уже десять дней совершенно не получает хлеба. Иваново-Вознесенск, другие пролетарские центры, большинство фабрик и заводов давно уже не выдают хлеба».

И опять была сделана уступка: рабочим, возвращавшимся из отпуска, было разрешено провозить 2 пуда продуктов.

Снова вчитываюсь в стенограмму VII Всероссийского съезда Советов, в речь отца. Разве может быть более верный источник, доносящий к нам его живой голос?

— Я сам сельский хозяин,— говорит он,— и знаю, что значит не иметь железа, плуга и т. п. Я знаю, что крестья-

нин изнемогает в бедноте... Мы понимаем все это. Но мы не можем пока всего этого дать...

Горькая и острая нужда прочитывается в стенограмме:

— Моя поездка по Ярославской губернии убедила меня, что... заготовки могут идти успешно и в зимний период... Конечно, всякому ясно, что картофель, заготовленный зимой... мерзлый картофель менее пригоден к пище, но при нашей бедности и ужасном положении и мерзлый картофель является тем, что способно облегчить нашу задачу...

С делегатами, съехавшимися со всех концов страны, народный комиссар говорит откровенно. Вслушайтесь, как просто, с какими трагическими словами он обращается к переполненному залу:

— Прихожу в Совнарком, а мне один товарищ говорит: «На такой-то фабрике забастовка за отсутствием продовольствия». Забастовка в Советской России!.. Такая забастовка бьет, как мечом! Прошу съездить и узнать. Товарищ едет и узнает, что никакой забастовки нет. Рабочие вышли на работу. Поработали, устали, легли. Полчаса пролежали, а потом опять на работу пошли. Это от истощения...

От истощения... Мужество и силу патриотизма надо иметь, чтобы обессиленным подняться и стать к станку.

Он не скажет, что, взбегая по лестнице, Дзержинский потерял сознание от слабости и недоедания. И о выговоре, что Ленин сделал секретарю за то, что положила ему на стол лишний кусочек сахару, надеясь поддержать его силы.

Он говорит о рабочем классе, опираясь на ставшую законом для партии ленинскую формулу:

«*В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся.* Если он выживет, мы *все* спасем и восстановим».

Замечательный документ хранится в Ленинградском филиале Центрального музея Ленина.

Москва, Кремль.
29-I 1919 г.
№ 1451

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Управление Делами Совета Народных Комиссаров удостоверяет, что Председатель Совета Народных Комиссаров ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН) занимается умственным трудом неограниченное число часов, в

виду чего он имеет право пользоваться продовольственной и хлебной карточкой первой категории.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.

Карточка первой категории — это паек рабочего. Такую же карточку получал мой отец.

Во второй половине 1919 года главным видом снабжения, дополнительно к пайку по карточке, стало общественное питание. В Петрограде выдавалось более миллиона бесплатных обедов населению города и частям Красной Армии, сражавшимся на подступах к Петрограду. Все это были действенные меры. Но Ленин, партия готовили решение принципиально новое, ему предстояло стать поворотной страницей истории.

В декабре 1921 года Ленин в плане доклада IX Всероссийскому съезду Советов первым абзацем запишет и отметит значком нотабене, NB, особое внимание!: «Первый отчетный год *без нашествия, без войны».*

Страна переходила к мирному социалистическому строительству.

Социальные преобразования решительно уменьшили число безземельных, основной фигурой деревни стал середняк. Это он кормил страну хлебом в жестких условиях разверстки. Помочь ему, дать возможность распоряжаться излишками хлеба, поднять местную промышленность, чтобы обеспечить нужды каждого мелкого производителя, а в массе — основного поставщика товарного хлеба государству, вот что стало важнейшей задачей.

Прочность союза крестьянства с рабочим классом означала основу углубления революции, основу жизни Республики. Партия подготавливала переход к новой системе отношений пролетариата с крестьянством, к новой экономической политике.

Обдумывая этот переход, Ленин чутко прислушивался к голосу крестьянства. Он говорил отцу, что мается оттого, что «прикованность» — это его слово — к Центру исключает для него возможность разъездов. Потребность в живых контактах с глубинами крестьянской России он удовлетворял встречами с деревенскими «ходоками».

ИЗ ДАЛЬНИХ КРАЕВ

Они шли к Ленину неиссякаемым потоком за советом и помощью. Из дальних губерний, добираясь иной раз неделями, шли, чтобы найти управу на волостные власти, допускавшие ошибки; шли из мест, где поднимались ростки народной инициативы, чтобы получить ленинскую поддержку; шли, чтобы сказать свое крестьянское мнение.

В «Известиях Весьегонского Совета» крестьянин Ф. Ф. Образцов, вернувшись от Ленина, написал так:

«Товарищи крестьяне!.. Верьте мне, собственными глазами видевшему, что там, наверху, управляют общим нашим делом не чиновники и бюрократы, а простые наши товарищи, которые по праву именуются Рабоче-Крестьянским правительством. Они работают для нас и наших детей. Поможем им в трудной работе всем, чем можем».

Ленин говорил, что от «ходоков» получает неоценимую помощь. Раскрывая им, часто с азов, политику Советской власти, он вслушивался в реакцию крестьян, в их хозяйскую оценку.

Крестьянин О. И. Чернов вспоминал о беседе с Лениным:

«Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство, через меня учел всю сложность обстановки в низах».

Беспартийный крестьянин, член ВЦИК И. А. Петрушкин после командировки по ряду губерний был у Ленина:

«Владимир Ильич выяснял все до мелочей. Я... спохватился, что задерживаю его, встал. Сказал, что я все рассказал, что хотел. А Ленин... предложил продолжить и о том, о чем я не хотел рассказывать... что у крестьян нет соли и что суп и щи едят без соли; что у крестьян нет дегтя и оси телег мажут маслятами, поэтому телеги скрипят, как журавли в небе... Что и керосина нет и приходится освещать избу лучиной. Я сказал, что это тоже справедливо».

И. А. Петрушкин передал просьбы крестьян. Ленин

поручил сказать им, что просьбы будут удовлетворены в интересах крестьян и государства.

Американский публицист Альберт Рис Вильямс написал очерк «Величайшая в мире приемная» — о приемной Ленина, где, «как и всегда, его ждала самая разношерстная толпа: дипломаты, служащие, офицеры, корреспонденты и люди старого буржуазного типа». Ленин принимал точно, в назначенное время. Но в этот раз, пишет Вильямс, ждать пришлось очень долго. Оставалось предполагать, что какое-нибудь важное государственное лицо всецело завладело его вниманием. Ждали полчаса, час, полтора. Наконец, дверь открылась, и, к общему удивлению... в приемной появился не дипломат, не какое-нибудь другое высокое лицо, а косматый мужик в полушубке и лаптях — типичный крестьянский бедняк.

— Простите,— сказал Ленин,— это тамбовский крестьянин, и мы обсуждали с ним вопросы, связанные с электрификацией, коллективизацией и новой экономической политикой. Мне было так интересно узнать его мнение, что я совершенно забыл о времени.

В беседах с крестьянами Ленин оттачивал свои обобщающие выводы, сверяя их с опытом народа. Частные факты их жизни он переводил в категории большой политики. Еще в 1918 году, на III Всероссийском съезде Советов, он сказал: «Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение».

У отца сохранились давнишние связи с Уфимской губернией. Он предложил Владимиру Ильичу вызвать крестьян из села Бекетова. Телеграмма за подписями Ленина и Цюрупы приглашала приехать в Кремль к товарищу Ленину «для совета по важным делам, касающимся крестьянства и крестьянского хозяйства» жителей села Бекетова Алексея Романовича Шапошникова и Тараса Григорьевича Кондрова.

Трудно установить, как произошла путаница. Но в Бекетове был переполох. Собрали сход. Десяток семей здесь — Кондровы. Но нет Тараса Григорьевича, есть Тарас Ильич,— в его бедную избенку часто захаживал бывший управляющий имением Кугушева.

Тараса Ильича уважали в селе, он выступал на сходах, был плотник и столяр. Решили, видимо, его имел в виду товарищ Цюрупа. Но как быть с Григорьевичем? Не мог Александр Дмитриевич запамятовать, знал всех наперечет в Бекетове, называл по имени-отчеству. Был своим че-

ловеком в селе, на свадьбах сиживал посаженым отцом, помогал крестьянам в их нуждах, в беде. Не мог спутать!

Был в Бекетове другой Кондров, Григорьевич, но — Иван. Его в селе недолюбливали, арендовал землю, держал батраков, торговал в своей лавке мануфактурой. Крестьяне ему кланялись, чтоб ссудил их зерном для посева... Но зато был известен он тем, что в погоне за прибылями применял технические новинки. Первым в округе завел молотилки, сноповязалки, рядковые сеялки. Прославился племенным хозяйством, первым стал выращивать кукурузу. Может, эти черты привлекли внимание народного комиссара?

— Пусть уж едет, черт с ним,— решили крестьяне.

Об Алексее Романовиче Шапошникове спора не было, он в селе уважаемый человек, крепкий хозяин, беднякам помогал. Послали бекетовцы в Москву трех представителей.

Историю с путаницей в телеграмме я привел из книги уфимского журналиста Ю. А. Узикова, писавшего этот эпизод по воспоминаниям старожилов.

А мне памятно: я открываю дверь бекетовским «ходокам» у нас дома. И мама приветливо встает им навстречу. Сняв шапки, они объясняют ей, что «прибыли по̀ государственному делу», а к нам пришли «для беседы и уважения к нашему земляку Александру Дмитриевичу». Хотят разуться, чтоб не наследить, да мама не позволила. Вешают на нашу качавшуюся вешалку полушубки, а я гляжу, что Тарас Ильич обут в лапти и самотканые обмотки, а двое других — в сапогах.

— Чего уставился? — дернул меня за руку Димка.

В ожидании папы мы с гостями чаевничали, мама, Валя, Димка, Гайша и я. Мама оглянуться не успела, как они выложили на стол лепешки, сало и банку с медом. Мама не успела запротестовать. Тарас Ильич намазал лепешки медом:

— Откушайте!

Иван Григорьевич не без гордости сказал, что он один в Бекетове держит пчел.

— А другие почему же?..— спросила мама.

Иван Григорьевич ответил уклончиво, что у пчелок свой характер, они распознают хозяйскую руку, лодырю служить не станут.

И еще помню, Иван Григорьевич объяснял маме, что, если в Сибири у кого две-три коровы, он считается бед-

няк. А у нас, мол, в Уфимской губернии, чуть больше своим горбом наработаешь, так ты уж кулак.

А Тарас Ильич его перебил: ты, мол, Иван Григорьевич, хозяйку в эти дела не впутывай. Ты товарищу Цюрупе высказывай...

Папа извинился за опоздание, Тараса Ильича обнял. Разговаривали в кабинете, а когда мы с папой вышли гостей провожать, то внизу их ждала машина, чтоб показать столицу.

Папа торопился. Мама заставила его на ходу выпить чаю, подала лепешку с медом.

— Зачем приняла? — спросил он строго и откусил.— Черт знает как вкусно,— сказал он, и лицо у него стало виноватое. Он, сердясь, рассказывал: — Умеют же у нас напутать в простом деле. Я сознательно назвал этих троих, они представляют три социальные группы. Этот Кондров, кулак, башковитый мужик. Такого запрячь бы работать да направить бы его талант на поднятие общественного сельского производства!..

К сожалению, Иван Кондров не оправдал надежд отца.

Бекетовцы присутствовали на заседании ВЦИК, где были рассмотрены и приняты законы о продналоге и землепользовании. Вернувшись в Уфу, они выступили на губернской беспартийной крестьянской конференции. Стенограмма сохранила эту страницу истории.

— Вот о чем я, от имени правительства, хотел с вами посоветоваться,— сказал им при встрече Владимир Ильич.— Как бы крестьянин отнесся к натуральному продовольственному налогу? Он будет значительно меньше, чем разверстка, с таким расчетом, чтобы после его уплаты государству крестьянин мог бы сам, по-хозяйски, по своему усмотрению распорядиться излишками, продать их государству или кооперации.

— И на базаре вольно сможет ли свое продать? — спросил Иван Кондров.

— Свое, не перекупленное, оставшееся сверх сданного налога, выращенное без наемного труда, видимо, сможет на местном базаре. Вот я и советуюсь с вами — как нам лучше организовать дело...

— Ну что ж, Владимир Ильич,— подумав, ответили бекетовцы,— раз свободная торговля для правительства не подходяща, то, конечно, такой налог вместо разверстки будет большим облегчением...

Как высоко оценил Владимир Ильич встречу с бекетовцами, свидетельствует письмо отца, написанное в 1923 го-

ду в ответ на просьбу Алексея Романовича Шапошникова выручить его из беды, снять с него несправедливое обвинение. Отец пишет в Верховный суд и в Уфимский губисполком:

«Владимир Ильич был чрезвычайно доволен беседой с ними, которая ему дала колоссального значения и объема материал для его построений, касающихся крестьянства и смычки города с деревней. Он, между прочим, обещал крестьянам живо и немедленно откликаться на все их просьбы. Теперь этот самый Шапошников попал в беду... Большая просьба к Вам: окажите Шапошникову всякое содействие и сделайте это так, как если бы об этом просил бы Вас сам Владимир Ильич».

Из личного письма отца в Уфу В. А. Кугушеву 4 апреля 1921 г.

«Пишите о том, какое впечатление произвели на крестьян и городского обывателя закон о налоге... Интересно и важно об этом знать... Скажу Вам, что то, о чем я услыхал от них, произвело на меня ошеломляющее впечатление, которое навсегда сохранится в моем сознании...»

Рассказы «ходоков» передаются в Бекетове от дедов к внукам.

Тут я хочу рассказать о моей заочной дружбе с многолетним председателем колхоза «Октябрь», объединившего несколько деревень с центральной усадьбой в Бекетове, с Трофимом Тимофеевичем Беляевым, ныне пенсионером. В 1921 году, парнишкой, он выбегал на тракт, к кошевкам, куда усаживались одетые в дальний путь «ходоки». Учительница Мария Кузьминична объяснила, что Ленин пригласил их по важному государственному делу.

Вот так и совпало, что 9-летний Трофим провожал «ходоков», а я, 9-летний, встречал их в Москве.

Через многие годы Трофим Тимофеевич разыскал меня письмом в редакцию «Известий»:

«Я житель села Бекетова, тех самых мест, где родились и Вы. Мне моя мать говорила, что она хорошо знала всю семью Цюруп. Автору этих строк Вы ровесник. Той же весной по обоюдному сговору моего с Вашим отцом (они были близкими по идеологии единомышленниками) на хуторе Узенском по случаю Вашего и моего рождения посадили лесную полосу с многочисленными рядами тополей. Эта тополиная аллея-роща теперь достигла могущества и красоты, ревниво охраняется всей нашей общественностью...

Я, Беляев Трофим Тимофеевич, всю жизнь живу здесь, в Бекетове... Уже 25 лет работаю председателем колхоза, пашу и сею на тех полях, на которых пахал и сеял товарищ А. Д. Цюрупа. Говорю людям и себе:

— Если бы на эти обширные поля созревающей пшеницы посмотрел бы он, за это похвалил бы нас, а за это — огорчился. Он от души радовался урожайной ниве и печалился неудачами, потому что со страстью любил землю, поле, ценил труд и хлеб насущный. Так я наслышан был о нем, и его светлую любовь к земле и ниве от него воспринял».

Мне дороги слова старого бекетовского председателя.

Разительные перемены произошли в знакомом моему отцу Бекетове, с его узкими полосками земли за околицей, где шагал за плугом босоногий мальчонка Трофим Беляев... В колхозе десятки мощных тракторов и комбайнов, силосоуборочных и сеноуборочных машин, грузовиков, сотни электромоторов, другая техника. У многих колхозников есть личные легковые автомобили. На фермах — электродойки. Стадо пополняется высокопроизводительной породой коров. Поля засеваются отечественными высокоурожайными сортами зерна соответственно климату и почвам. Основной неделимый фонд колхоза превысил миллион рублей.

НЭП

В дни и недели подготовки изменения продовольственной политики, перед X съездом партии, Ленин часто и подолгу бывал у нас дома. Нет, это не просто мое детское впечатление. Отец писал в своих воспоминаниях: «Итак, Политбюро решило отменить продразверстку и перейти к продналогу. Владимир Ильич заходил к нам на квартиру и по $1^1/_2$—2 часа просиживал с нами, доказывая необходимость введения продналога».

После утомительных заседаний иногда они возвращались вместе с отцом. Ленин шел через столовую в кабинет, шаг его был быстр и легок, а лицо озабоченно. Но всегда находилась у него приветливая улыбка или слово для нас, ребят, и для мамы.

Они с отцом закрывались в кабинете, и мы слышали их приглушенные голоса. О том, что происходило там, за дверью, отец рассказывал, спустя годы, моему старшему брату Дмитрию и мне, 16-летнему. Юность тогда мужала раньше, сознание крепло в атмосфере тех лет. Эти рассказы отца о так много значившем для него периоде перед X съездом партии не претендуют быть стенограммой и не годятся для цитирования. Но они остались в памяти ярко и неугасимо. В них мы узнавали ленинскую речь — ведь нам нередко приходилось слышать Владимира Ильича; отец передавал ее в живых интонациях, непроизвольно, но удивительно похоже.

Запомнились эти рассказы и потому, что мысль, высказанная Лениным в дружеской, в деловой, не всегда мирной беседе,— как дума вслух или довод в споре,— эта мысль продолжала работать и утверждаться, и мы, уже взрослыми людьми, узнавали ее и радовались встрече с нею в ленинских томах.

Здесь эти рассказы таковы, какими сберегла их память. Они незабываемы, потому что были словно исповедью отца.

— Владимир Ильич входил и сразу включался в работу,— вспоминал отец,— он настаивал, что нам нужно до-

говориться и в основном, и в деталях. Он должен быть уверен, что я, как руководитель аппарата Компрода, охватывающего Республику сверху до низовых звеньев, продумал до конца и принял предстоящую перестройку продовольственной работы. Он объяснял мне, что сейчас, после штурма и лобовой атаки разверстки, нужна медленная, тяжелая экономическая работа. На совершенно другой основе. Мы должны вступить в экономический союз с крестьянством, поднять его производительные силы, вовлечь в свободный обмен.

— Давайте, Александр Дмитриевич, мысленно заглянем с вами в любой крестьянский двор,— говорил Владимир Ильич.

Отец признавался нам:

— Меня потрясала, другого слова не найду, человечность политических решений, которые он ставил. Готовя поворот государственной политики, он видел беды каждого крестьянского двора, говорил о дегте и керосине, сукне и ситце; о том, чтобы кооперативная лавка продавала крестьянину селедки не залежавшиеся, и соль, и гвозди. Называл мне волости, где нет плугов, чтобы обработать полученную от Советской власти землю, и, если мы не добрались до этой глухой волости, значит, нам грош цена как хозяевам.

Мы с братом вспоминали, отец вдруг прервал рассказ:

— Погодите! — Из ящика стола вытащил лист бумаги.— Вот,— сказал он,— храню копию ленинской записки в Наркомпрод. Тут даже адрес учит уважительности к людям. Эта записка — урок чинушам, чтоб не морили людей по канцеляриям, чтобы сами пошли к человеку.

Мне смутно запомнился странный адрес, в нем упоминалась товарная станция, теплушка на каком-то кривом пути.

В 1945 году, когда вышел в свет XXXV Ленинский сборник, я прочел в нем тот прекрасный документ. Записка адресована Н. П. Брюханову, заместителю отца. 21 октября 1920 года:

«Ставропольские крестьяне (привезшие хлеб детям) жалуются, что не дают из кооперативов

колесную мазь (есть на складе),

спички

и другие товары.

Селедки *погноили,* а не дали.

Недовольство страшное. Губпродкомиссар ссылается на то, что кончите всю разверстку и только тогда дадим.

Настаивают на необходимости *выдавать немедленно.*

Разверстка 27 миллионов пудов — чрезмерна, и берут *семена.* Будет-де обязательно недосев...

Прошу **спешно** рассмотреть, особенно первый пункт, и дать мне отзыв не позже чем завтра.

Пред. СНК *В. Ульянов (Ленин)*

Адрес: Казанский (вокзал), товарная станция, вагон *№ 506955,* теплушка на Кривом пути, *Петров* от Губкомпарта».

— Владимир Ильич напоминал наши экономические обязанности перед крестьянством. Тревожился о том, что крестьянские лошади повисают в оглоблях, не в силах дотащить воз с дровами к станции по гужевому оброку.

— Да разве не очевидно, что сегодня первая задача — помочь окрепнуть крестьянину, кормильцу Республики? Тогда поднимется и рабочий класс, и промышленность заработает,— горячо настаивал он...

Отец вспоминал:

— Я рассказал Владимиру Ильичу о распространившемся в партийных кругах обвинении нэпа в том, что, сосредоточив усилия на помощи крестьянству, мы идем вразрез с диктатурой пролетариата. Он ответил с гневом, что уже слышал эту ересь, демагогическую болтовню любителей революционной фразы, за нее они прячут неспособность к оперативному решению политических задач.

— Да неужели же не ясно,— говорил он,— что диктатура пролетариата означает не что иное, как умение господствующего класса — пролетариата направить политику так, чтобы решить самую наболевшую задачу. А сегодня эта задача — поднять производительные силы крестьянства...

Уходя, Владимир Ильич привычно говорил маме, что вот посидели, подумали спокойно.

Помню, однажды мама ответила ему огорченно:

— Какое уж «спокойно», Владимир Ильич. И час, и два только и слышу — спорите, спорите.

Да, они спорили. Соглашались, вырабатывали какое-то положение и снова спорили.

— Это была одна из прекраснейших черт Ленина как руководителя государства,— говорил нам отец,— с ним можно было спорить. Более того, он сам азартно вызывал собеседника на спор. Выслушивая его доводы, как бы проверял, оттачивал свою позицию в поединке мнений. И —

либо неопровержимо показывал тебе твою неправоту, либо брал для дела все, что могли дать твои соображения, развивал их с блеском...— Это — по памяти, из рассказов отца. А вот строки его воспоминаний, их фотооттиск с хранящегося в Центральном партийном архиве ИМЛ оригинала лежит на моем столе:

«Помню заседание Политбюро, на котором был разработан этот вопрос (введение продналога.— *В. Ц.*). Главное участие в нем принимал В. И. и я. В. И. ругал нас бюрократами, распекал нас. Говорил: «Вы ошибаетесь, то, что раньше было правильным, теперь уже не подходит». Оказалось, что я был не прав. В. И. выступал 3 раза, я тоже. Я в ответ на его нападки называл его талмудистом, буквоедом. Однако эта перебранка совершенно не повлияла на наши отношения...

В. И. умел учиться не только по книгам. Он... от каждого... вычерпывал самое значительное... Он умел учить меня моим же добром. Я чувствовал, что, когда говорю с ним, мои мысли становятся тоньше и глубже... я чувствовал себя намного умнее...»

Отец рассказывал о спорах, происходивших у нас дома, в кабинете:

— Я говорил Владимиру Ильичу о сомнениях многих товарищей,— открывая местный оборот, возрождая частные фабрики и мастерские, не возрождаем ли мы капитализм?

Он отвечал решительно, что да, мол, возрождаем! Но — в подчиненной нам, государству, мере. И нечего этого бояться, раз в наших руках политическая власть, железные дороги и сырьевые ресурсы.

— Я возражал,— рассказывал отец,— что реальная экономическая власть у тех, в чьих руках товары для обмена на хлеб.

Он отвечал: из этого следует лишь то, что нам, большевикам, придется учиться производить и торговать.

— Я говорил Владимиру Ильичу,— продолжал отец,— что опытнейших продовольственников тревожит, продаст ли крестьянство излишки государству, или они пойдут в мошну к спекулянтам.

Отец признался:

— Эти тревоги были и моими.

Вот таким остался в памяти отца ответ Ленина. Он сказал, что это не просто риск, а вынужденная и чрезвычайно полезная нам борьба: КТО — КОГО? Он сказал, что у нас есть только один ответ: МЫ — ИХ! Мы заберем под свой контроль и в свои руки обмен: хлеб — товары...

Отец улыбнулся, вспомнив:

— Владимир Ильич спросил меня с подковыркой: что ж я, мол, не спрашиваю, где при нашей бедности мы возьмем товары для обмена?

— Готов спросить,— ответил я.

Ленин видел реальные источники накопления товаров и в том, например, чтобы закрыть на время бесперспективные фабрики, вложить силы в те, которые все же производят. И развивать местную, мелкую промышленность силами кооперации и местных Советов, привлекая средства частных владельцев. Партия потребует от кооперации, чтоб она организовала торговлю и создала некоторый товарный фонд. Мы предоставим концессии заграничному капиталу, он с нас «семь шкур» сдерет, но благодаря их разработкам мы получим часть продукции, нам останется оборудование. И — опыт, опыт! — подчеркивал он.

— И наконец, Александр Дмитриевич,— сказал Ленин,— я надеюсь, что Центральный Комитет поддержит мое предложение: наш золотой запас надо повернуть на закупку товаров, необходимых крестьянству для его жизни и промысла. А также некоторого количества угля, который мы из Донбасса пока не в силах добыть и доставить.

— Я ахнул,— рассказывал отец.— Я возразил, что это тяжкий удар по нашей единственной надежде купить за границей машины для восстановления большой промышленности.

Владимир Ильич ответил резковато, что надежды придется отложить. Он согласился, что это снова риск и нарушение программных установок партии. И еще раз твердо повторил: риск и нарушение. А потом, твердо взглянув на меня, посоветовал не создавать себе иллюзий, объяснил, что мы сознательно совершаем стратегическое отступление. Оно откроет нам фронт для широкого наступления по всем направлениям социалистического строительства. Это архитрудный шаг, но мы его сделаем.

Мы слушали отца и понимали, что шесть лет, отделявшие этот наш разговор от тех дней подготовки к X съезду партии, уже отошедших в историю, для него просто не существовали. Он по-прежнему видел Ленина тут, в этой комнате, он вовлекал нас в ход ленинской мысли:

— Владимир Ильич разбивал мои возражения. Он объяснял, что сколь это ни парадоксально, но некоторое оживление капитализма, в той мере, в какой мы позволим, послужит в перспективе социалистическому строительству.

Мы возьмем от капитализма все, что нам нужно для нашего крестьянства, для поднятия нашей промышленности, а затем вынудим его к сворачиванию, к исчезновению. Он «растает» даже не по социалистическому, а по их собственному капиталистическому закону, не выдержав конкуренции.

Отец возглавлял комиссию, готовившую проект доклада X съезду партии о замене продразверстки натуральным налогом, взяв за основу ленинский «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян».

Владимир Ильич, не ограничиваясь встречами, звонил, писал записки, просил обдумать, внести в декрет то или иное.

Ленин — Цюрупе: «т. Цюрупа!..

Центр тяжести вопроса — *«оборот»*, свободный хозяйственный оборот для крестьянства.

Вы в это недостаточно вникли, раз спорили... (я не успел возразить). Вся суть в том, чтобы уметь двинуть *оборот*, обмен (и за границу вывоз с юга и *обмен с заводами)*. Иначе крах.

NB||| *Подумайте об этом и найдите формулу*, чтобы вставить это...»

Через многие годы мама рассказывала, что в ту пору Владимир Ильич, смеясь, посетовал ей на «непробиваемое упорство» отца.

— И как вы с ним справляетесь? — шутил он.— Александр Дмитриевич только когда обкатает со всех сторон предлагаемую позицию, когда примет ее, как собственную, вот тогда уж нет более непреклонного борца за нее. А до того...— и Владимир Ильич даже руками развел.

Приняв во всей глубине ленинскую стратегию, отец проводил ее неуклонно, нередко встречая противодействие.

Письмо В. И. Ленина В. М. Молотову для Политбюро ЦК РКП (б) о концессии Штейнбергу от 17 января 1922 года:

«...Прошу поставить этот вопрос в *Политбюро* в четверг с тем, чтобы в пятницу *СНК* провел в советском порядке решение ЦК.

Назначить для Политбюро 2-х докладчиков по этому вопросу: А. Д. Цюрупу и представителя большинства СНКома.

Дело важное, и я крайне опасаюсь, что большинство СНКома (против Цюрупы) делает ошибку опять-таки в духе «коммунистического чванства»: боятся дать доход

купцу, умеющему торговать, и *заботятся* усердно об одном, о большинстве для коммунистов, кои большей частью немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут».

Сколько сарказма в адрес тех, кто не хочет понять, что нужна хозяйственная школа с азов.

Отец передавал, как Владимир Ильич в их беседе яростно скандировал:

— Не у-ме-ем! Не умеем обеспечить фабрику бесперебойно сырьем и топливом,— волнуясь, говорил он,— да ни черта мы в этом деле не умеем!

Он говорил, что нашим боевым товарищам, совершившим величайшую революцию, придется учиться у врагов, и это не зазорно, потому что любой мелкий фабрикант или торговец умеет то, чего они, беззаветно преданные народу и партии, не умеют. Да, да, будем учиться у приказчика, который десятки лет бегал в лабазы, залезал в склады, в конторские книги, во все лабиринты технического снабжения и торговли.

Он предвидел, что иностранные концессии и наша оживившаяся мелкая буржуазия будут сдирать с нас огромные проценты прибыли, а мы будем терпеть, чтоб научиться, не постоим за ценой, ибо в этом деле мы профаны и дураки, а с дураков надо драть...

Помню, я в сомнении спросил отца:

— Уж так и сказал «дураки»?

— Так и сказал,— подтвердил отец.

Может быть, для сегодняшнего читателя эти строки о необходимости учиться торговать — слово из учебника истории? Но для меня они наэлектризованы отцовской сопричастностью к ним и собственной моей памятью о первых нэповских витринах в центре голодной Москвы, в недавно еще заброшенном Охотном ряду (теснившиеся там торговые здания давно не существуют), о витринах, бесстыдно загоревшихся огнями, ломившихся от колбас и окороков; воспоминанием о кульке с несколькими прекрасными картофелинами, которые мы с сестрой Валей купили на всю семью за невероятные миллионы в такой сказочной лавчонке. Отец спросил:

— Валюша, ты это купила у нэпмана? Почему не в кооперации?

И Валя ответила:

— Потому, что в кооперативе картошка мороженая и гнилая.

Отец рассказал об этой злосчастной картошке Владимиру Ильичу, а Ленин сделал далеко идущие выводы:

учиться у буржуазии всему — заготавливать, хранить, торговать!..

Мы с братьями видели, как дороги отцу эти воспоминания. Через многие годы мы с Дмитрием делились мыслями, они совпали: нам обоим казалось тогда, что отец спешил передать нам свое богатство — живую память о школе, пройденной под руководством Ленина. Спешил ли он? Чувствовал ли он в тот вечер 1928 года, что ему оставалось жить несколько недель?

Я хорошо помню, что это был 1928 год, потому что Митя был в форме курсанта школы им. ВЦИК, а зачислили его туда недавно, в сентябре 1927 года. Ему было 27 лет, у него уже была биография, которой у меня еще не было. С 16 лет в партии. Доброволец Красной гвардии. Устанавливал в Уфе Советскую власть, громил Дутова. В отряде частей особого назначения действовал против левоэсеровских мятежников. Работал в подполье на Украине, сидел в тюрьме у гайдамаков. Воевал с Махно, учился на курсах краскомов тяжелой артиллерии. Как коммуниста, знающего иностранные языки, его мобилизовали в Наркоминдел. Работал у Чичерина. С ответственным поручением ездил в Финляндию и Японию. Сопровождал первый пароход с продуктами и медикаментами, посланный нашей Республикой в помощь японскому народу после землетрясения 1923 года. В Китае был секретарем генерального консула. Но всюду, куда ни вели его поручения партии, мечтал о возвращении в родную Красную Армию.

И вот он дома, с нами, по редкой увольнительной, рядовой курсант кавалерийского взвода.

И мама, да и мы все не могли на него наглядеться.

Никому из нас не дано было увидеть его далекой солдатской судьбы. Боев в Мадриде, в рядах республиканской армии, которая первой приняла на себя в 1936—1937 годах удар фашистских армий Франко и Гитлера; работы под бомбежками в испанском городе Альбасете, где он готовил отряды прибывавших интернациональных бойцов. Раненный, вынужденный вернуться на Родину, он, уже с орденом Красного Знамени, закончит военную академию, и в 41-м, в дни нападения гитлеровской армии, его полк в Белоруссии вступит в бой, вооруженный лишь учебным оружием, и оружие, и спаряды будет добывать себе в бою.

И только через много лет мне доведется узнать о героических боях его полка под Чаусами, под Барановичами, на шоссе Минск — Слуцк с танками корпуса Гудериана. О выходе с боями из окружения. И о тех последних часах,

когда, получив приказ рассредоточиться, он с другим командиром доверится предателю, отдаст ему свои именные часы за перевоз через реку и тот выведет лодку прямо на фашистскую заставу.

Об этом никому из нас не дано было знать в далекий час, когда мы слушали рассказ отца. Через несколько недель, в день его смерти, Дмитрий, побледнев от горя, скажет мне:

— Наши души мужали от близости с нашим отцом.

А в тот вечер Митя был молод, красив; прошедший суровую службу, воинскую и партийную, он с какой-то наивной, мальчишеской гордостью носил курсантскую форму. Слушал отца с обостренным вниманием, встревоженный его нездоровьем.

Эти беседы с Владимиром Ильичем перед X съездом стали особым, незабываемым этапом в жизни отца. Он признавался, что был счастлив возможностью близко наблюдать работу ленинской мысли, что все глубже понимал гениальность его политической стратегии, его умение видеть факт в сегодняшнем значении и одновременно в перспективе, в развитии.

— Это время было для меня...— отец оборвал себя,— да что я говорю «для меня» — для всей партии школой политического мужества.

На X съезде партии Ленин, кроме Отчета о политической деятельности ЦК, делал доклад о замене разверстки натуральным налогом.

Съезд принял проект единогласно.

Идя по следам отцовской жизни, понимаю, как ответственна была работа, возложенная на Компрод историческим поворотом, новой экономической политикой. Нужно было преодолеть не только организационный, но и психологический рубеж, перейти на новые принципы и на новые методы.

Ленин говорил в своем докладе:

— ...Аппарат должен быть подчинен политике. Ни к чему нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношений с крестьянами... Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода,— руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров.

Отец выступал на съезде с содокладом, в котором конкретизировал ленинские положения, делал упор на жизненно необходимые принципы работы продовольственного аппарата в новых условиях.

Помню, за час перед своим выступлением, уже собрав бумаги и приготовившись уходить, отец вдруг сел и, борясь с сердечной слабостью, попросил Валю:

— Доченька, пожалуй, поставь мне банки на спину. Мне нужно обеспечить дыхание часа на два, минимум. На содоклад и, возможно, на ответы на вопросы...

Сняв пиджак, он сел, стащил с себя белую солдатскую рубашку, обнажил спину, крепкую и мускулистую, и помню, как мне странно было думать, что в таком сильном теле живет больное сердце...

После съезда отец участвует в разработке государственных документов, определивших проведение продовольственной политики партии на новом этапе.

В 1921 году болезнь свалила отца. Время было необычайно трудным. Засуха и голод поразили Поволжье. Тысячи людей, исстрадавшихся на опаленной, не родившей земле, ждали от Советской власти мер неотложных. Как было отрываться от дел?

Но Ленин потребовал от наркома здравоохранения Н. А. Семашко немедленно отправить отца для лечения за границу. Семь долгих месяцев находился он там, всеми мыслями прикованный к трудностям, к заботам Родины. Он тяжело переживал невозможность выступить на Всероссийском продовольственном совещании. Готовился к нему. Вот подготовленный им «Материал к выступлению», отпечатанный на бланке Совнаркома.

О чем собирался говорить отец? Прошел напряженный год общей работы, пора дать объективную оценку усилиям молодого аппарата — так, вчитываясь в машинописные строки, я понял замысел отца, вложенный в наметки его будущей речи.

«И вы оказались на высоте положения,— собирался сказать он.—...вы сумели перестроить ваш аппарат в идейном и организационном отношениях... Казалось, что неурожай, постигший ряд хлебородных губерний, вызовет замешательство в вашей работе. Действительность опрокинула эти сомнения. Вы не только сумели подготовиться к проведению налоговой кампании, но у вас оказалось достаточно организационных и иных сил для того, чтобы блестяще провести ряд ударных кампаний, связанных с оказанием семенной помощи неурожайным губерниям...

Ваш опыт и ваша чуткость, которую вы должны были проявить в качестве политических деятелей, сказались и в том, что вы сумели уловить хозяйственные и социальные изменения, происшедшие в деревне под влиянием новой

экономической политики, и указать... на те изменения, которые нужно внести в наше налоговое законодательство... Указания эти легли в основу декрета о едином натуральном налоге и в ряд инструкций...»

Он думал закончить свое выступление так:

«Памятуйте и впредь, что успех вашей работы будет вместе с тем означать успех во всем хозяйственном строительстве...»

Но отец не смог выступить. На совещании было зачитано приветствие от него. «Удовлетворением для меня,— писал он,— может служить лишь то, что мне удалось принять участие в разработке основных законов и положений, определяющих новую продовольственную и экономическую политику».

Народный комиссариат продовольствия прекратил свою деятельность через три года, в мае 1924-го, когда голод и разруха были побеждены. В правительственном сообщении были отмечены его высокие заслуги. Аппарат Компрода дал стране выращенные в труднейшей работе кадры.

Газета «Экономическая жизнь» так характеризовала кадровую работу отца: «Насколько Александру Дмитриевичу был присущ этот дивный творческий талант природного организатора, талант умелого подбора помощников и соратников, ясно видно из того факта, что и поныне во всех почти наркоматах и в целом ряде первостепенных государственных учреждений на ответственных постах мы видим представителей подобранного им «комсостава» и созданной им дельной боевой армии продовольственников».

ЛЕНИНСКАЯ ШКОЛА

Еще задолго до ликвидации Наркомпрода, в ноябре 1921 года, когда страна переходила к мирному строительству, Ленин писал Цюрупе:

«У меня план созрел:

...учреждается на равных правах должность второго зампредСТО. Назначается, с освобождением от НКпрода, Цюрупа.

Права этих замов: решающий голос в СНК и в *СТО;* председательствование, при отсутствии председателя. *Все* права председателя СНК в отношении участия во всех коллегиях и учреждениях и (в числе этих прав) право давать подлежащие немедленному исполнению указания насчет практической работы наркомам и их членам коллегий и т. д...

Так я мыслю себе официальное решение *ВсеЦИКа.*

Задача — объединить на деле, подтянуть и улучшить *экономическую работу* в **ЦЕЛОМ,** особенно *в связи и через Госбанк* (торговля) и *Госплан.*

Лично ознакомиться с особенностями и работой всех экономических наркомов и *всех членов* их коллегий и ряда (10 — 100) крупнейших работников местных и областных в этой области.

Участвовать *лично* в *важных* заседаниях коллегий соответствующих наркоматов, Госплана, Госбанка, Центросоюза и *т. под.* и проверять *лично... важнейшие* или особо злободневные функции.

На сколько времени сии должности, «будем посмотреть»: может быть на 3—4 года, может быть на 30 лет...

Ответьте мне не позже **СРЕДЫ**. *Это верните.*

С комм. приветом *Ленин».*

До этого заместителей у Ленина не было. На пленуме Московского Совета в ноябре 1922 года Владимир Ильич

сказал, что ему пришлось также очень значительную долю работы, которую он вначале «взвалил на тов. Цюрупу», взвалить еще дополнительно на двух заместителей.

Вынуждаемый требованиями врачей и постановлениями ЦК уезжать на отдых, Владимир Ильич, неизменно на это сердясь, говорил отцу:

— Вот, изволите ли видеть... Упекли меня в самый разгар дел! — и сразу четко переходил к работе: — Вам придется взять на себя председательствование в мое отсутствие на заседаниях Совнаркома, а также следующее...— И шел перечень дел, объем которых сегодня нам даже немыслимо охватить взглядом.

Владимир Ильич сам распределил обязанности между своими заместителями. Кроме ответственнейших дел, передаваемых им, в связи с болезнью (в отсутствие Ленина отец председательствовал на заседаниях СНК, подписывал все телеграммы и письма от имени правительства, присутствовал на заседаниях Политбюро с совещательным голосом), ведению Цюрупы, как заместителя, подлежали:

НКЗем,
НКПС,
ВСНХ,
НКПочтель,
НКЮст,
НКВД,
НКНац,
НКПрос,

то есть промышленность и сельское хозяйство, транспорт, связь, забота о делах национальностей, народное образование, юстиция, административное управление.

— И неуклонный, жесткий контроль и надзор за проверкой исполнения,— настаивал Ленин в разговоре с отцом.— **Принуждение** к самостоятельности и ответственности. Проверка **фактической** работы. Надо проверить, какую тьму планов мы утвердили и что из этого вышло. И настоятельно прошу Вас, Александр Дмитриевич, связываться со мной и сообщать в деталях о продвижении дел и возникших вопросах. А то я ведь понимаю: вы все стараетесь меня щадить, это чушь какая-то! Это невозможно!..

Зная, что отец недавно после болезни приступил к работе и сразу окунулся в нее с головой, Владимир Ильич

21 января 1922 года продиктовал по телефону из совхоза близ деревни Костино под Москвой, где он отдыхал, такое письмо:

«т. Цюрупа! Вникнув во всю обстановку и письменное заявление врача, которое Вы мне показали... я самым настойчивым образом прошу Вас принять во внимание следующее.

Я не смогу вернуться раньше трех, а может быть, четырех недель. Момент сейчас самый трудный, и цекисты оторваться от других дел для ближайшего участия в работе СНК и СТО не могут...»

Сам совсем больной, переутомленный, Владимир Ильич в своем письме проявлял сердечную заботу об отце:

«Доктор разрешил Вам 8 часов работать. Я абсолютно настаиваю на том, чтобы Вы ограничились на ближайшие четыре недели 4 часами... и, кроме того, полным отдыхом в субботу, воскресенье и понедельник. Все остальное время надо проводить при санаторном режиме, для чего Вам с Вашей женой я рассчитываю найти комнату в Сокольниках с тем, чтобы при Вас была привычная сиделка, хороший стол и пр. Я совершенно уверен, что в противном случае Вы четырех недель работы не вынесете, а нам это по политическому положению необходимо до зарезу...»

Стремясь оградить отца от переутомления, обеспечить его работоспособность, Ленин намечает строгий распорядок его дня:

«Из 4-х часов — 2 часа ежедневно Вы должны участвовать на заседаниях СНК и СТО, которые мы устроим по 2 раза в неделю, остальные 2 часа исключительно на подписывание протоколов и необходимый минимум разговоров по телефону и лично. Если поставить дело таким образом, тогда наш аппарат нисколько не ослабеет за эти четыре недели... Еще раз прошу Вас принять этот план и провести его с пунктуальной строгостью, ибо защитить Вашу квартиру от наплыва друзей из Компрода и т. п. есть предприятие совершенно утопичное.

Прошу ответить мне через Фотиеву как можно скорее.

Ленин».

Работа потребовала от отца значительно больше времени, чем наметил Ленин. Отец не подчинился предписанному режиму. Помню, как он возмущался, что Фотиева в СНК и наша мама дома прямо-таки «терроризируют» его, ссылаясь на письмо Владимира Ильича, заставляют

его «совершенно не вовремя» вспоминать об обеде, о конце рабочего дня. Скрывая, что сердится, он шутливо обвинял Лидию Александровну в том, что, рассказав маме о письме, она выдала служебную тайну...

Партия считала, что переход страны к мирному строительству требует совершенствования всего государственного аппарата — снизу доверху.

Письма Ленина к отцу в январе и феврале 1922 года — это истинная школа строительства государственного аппарата, школа управления:

«24.I.1922.

т. Цюрупа!

В связи с нашим вчерашним разговором по телефону и Вашим обещанием строго соблюдать режим, необходимо нам обстоятельно поговорить о всей системе работы и хорошенечко ее обдумать.

Самый коренной недостаток СНКома и СТО — отсутствие проверки исполнения. *Нас затягивает* поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа.

Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников «лезет в петлю» бессознательно.

Строгий лечебный режим для Вас должен быть использован, чтобы *во что бы то ни стало* оторваться от сутолоки и суматохи, комиссий, говорения и писания бумажек, оторваться, *обдумать* систему работы и *переделать ее радикально.*

Центром тяжести Вашей работы должна быть именно эта переделка нашей отвратительно-бюрократической работы...

Проверка того, что выходит на деле — вот основная и главная Ваша задача...

Для сего, по-моему, надобно...»

И Владимир Ильич дает конкретный план: нужно выработать письменное положение о прохождении дел и проверять не менее раза в месяц лично отцу: достигает ли оно цели, т. е. уменьшения «бумажности», волокиты, бóльшего обдумывания, осторожной, длительной, деловой проверки исполнения и проверки опыта, установления личной ответственности («у нас полная фактическая безответственность на верхах, в наркоматах, в их отделах, и

саботажники великолепно этим пользуются; в итоге — обломовщина, которая губит дело»).

Эти слова, тревожные, острокритические, конструктивные, обращены, несомненно, не только к отцу, но ко всей партии, к Советской власти. Но вот строки в этом же письме отцу, обращенные с твердостью и доверием лично к нему:

«Я знаю, что это *чрезвычайно* трудно. Но именно потому, что трудно, Вам надо *целиком* отдать себя этому...»

Том 44-й Полного собрания сочинений В. И. Ленина и Ленинские сборники сохранили для нас эти драгоценные письма Владимира Ильича о перестройке работы руководящего аппарата. Его указания конкретны и детализированы:

«...Взять Вам под свое личное командование для *проверки фактического исполнения* (Вы поручаете такому-то: съезди, посмотри, прочти, проверь, ты ответишь за ротозейство).

...Вызывать к себе (или ездить) не сановников, а членов коллегий **и пониже,** деловых работников наркомата X, У, Z,— и проверять работу, докапываться до сути, школить, учить, пороть всурьез. Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого.

Ответьте мне. Обдумаем, посоветуемся с членами Цека и поскорее *закрепим* такую (или иную) программу.

Ваш *Ленин».*

На проекте директивы Малому Совнаркому, подготовленном отцом, Ленин написал добавления, подчеркнул строгость паблюдения со стороны Малого Совнаркома за соблюдением законов наркоматами и за тем, чтобы наркомы не уклонялись от ответственности, решали вопросы самостоятельно.

Здесь произошел один из тех случаев, когда отец выразил свое несогласие с Лениным. Настороженно относясь к укоренившейся в Малом СНК бюрократической практике, Цюрупа написал:

«Владимир Ильич! Мне кажется, Ваша поправка (дополнение)... сведет на нет всю затею. Если ему поручить... проверку законности, целесообразности и быстроты действий наркоматов (Малому СНК.— *В. Ц.*), то он всех затормозит, все поставит вверх дном и прямо-таки будет способствовать застопорению всей работы. Подумайте, сколько он разошлет запросов, сколько потребует ответов,

докладов, отчетов и т. д.!.. Я думаю, он всю советскую машину (и без того плохо работающую) поставит на холостой ход. Наблюдение и проверку нужно осуществить, но не через Малый СНК».

Однако Ленин посчитал, что отец опирается на вчерашние приемы работы, от которой Малый СНК должен отказаться.

«Тов. Цюрупа! У нас, кажется, остается коренное разногласие. Главное, по-моему, перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на *выбор людей* и *проверку исполнения*. В этом гвоздь...»

И в накале спора, в азарте наступления против ненавистных, не совместимых с принципами социалистического строительства безответственности, волокиты, против писания декретов, которые ранее, в первые годы, были важны и как пропагандистские документы, а ныне их роль лишь директивная, он продолжает со свойственной ему страстностью:

«...Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим».

В следующем письме 27 февраля Ленин пишет:

«...Беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащихся делу управления всерьез — такова должна быть линия наркомов и СНКома, его председателя и замов.

Ленин».

Эти письма Владимира Ильича — бесценное наследие. Они и сегодня современная школа управления для советских и партийных работников, для руководителей предприятий, строек, всех участков нашего социалистического строительства на всех его уровнях.

С острой целенаправленностью Владимир Ильич развивает тему культуры управления. Вчитываешься и ощущаешь непреходящую современность его мыслей, требующих совершенствования работы с кадрами. Ленин с политической и психологической глубиной развивает именно эту тему, его письма — школа руководства людьми, опоры на них, помощи им в работе, воспитания ответственности.

Теперь на посту заместителя Владимира Ильича по Совнаркому и Совету Труда и Обороны отец снова, как в годы борьбы за хлеб, ощущал политическое и организационное руководство Ленина.

Простой перечень деловых встреч Ленина с отцом, писем и записок Владимира Ильича к нему позволяет судить об их непрекращающейся рабочей связи, даже в дни тяжелой болезни Ленина. Привожу выборочно некоторые из них:

26 января 1922 года из совхоза близ деревни Костино Ленин направляет телефонограмму А. Д. Цюрупе с предложением, если он сможет, ознакомиться с работой комиссии, созданной при СНК для разработки практических вопросов, связанных с предстоящими на Генуэзской конференции переговорами о долгах, с просьбой составить суждение о том, какая часть... контрпретензий РСФСР к Антанте является достаточно обоснованной.

1 февраля в Проекте директивы заместителю председателя и всем членам делегации на конференции в Генуе, где империалистические державы пытались вынудить Советскую республику на ряд политических и экономических уступок, Ленин пишет: «Ввиду особой важности и особой трудности финансовых вопросов, должен быть Чичериным и Литвиновым, по соглашению с НКФином, Госпланом, А. Д. Цюрупой, составлен список финансовых экспертов и план распределения между ними работы».

Сегодня, читая материалы Генуэзской конференции, видишь нерушимую преемственность международной политики нашей Родины. В заявлении советской делегации в Генуе сказано было: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления».

1 февраля Ленин пишет письмо: «Совершенно секретно, т. Сокольникову. Копия т. Цюрупе и т. Кржижановскому» о работе трестов и предприятий на хозяйственном расчете, о необходимости контроля со стороны Наркомфина через Госбанк.

18 февраля в письме к Цюрупе ставит вопрос о роли Госбанка в организации государственной торговли и победе над частным капиталом.

«Тов. Цюрупа!

Когда я писал свою книгу об империализме («Империализм, как высшая стадия капитализма».— *В. Ц.*), я чи-

тал о *двух* системах Госбанка (и банков вообще) в капиталистических странах. Одна из систем — большая близость Госбанка к *торговле*.

Надо засадить парочку наших «финученых» (не сострить ли — фи-ученых?) за этот вопрос.

Нам нужен Госбанк во сто раз более близкий к торговле, чем самый торговый из госбанков капитализма».

Владимир Ильич говорит, что если наш Госбанк «научится (и нас научит) торговать хорошо, то мы захватим $^{9}/_{10}$ всей суммы торгового оборота. Это — единственный путь к восстановлению золотого обращения и к *превращению н э п а* из системы одурачения коммунистических дурачков, имеющих власть, но не умеющих пользоваться ею, в *б а з у* социализма,— базу, непобедимую, в крестьянской стране, никакой силой в мире...»

И так полон Ленин этой мыслью, что 20 февраля снова шлет отцу записку-напоминание:

«Весь гвоздь в этом — в торговле и ее захвате Госбанком».

21 февраля отец в ответном письме, развив ленинскую идею, изложил Владимиру Ильичу свои предложения о работе Госбанка.

«Владимир Ильич!

Как отнесетесь Вы к следующему?

Госуд(арственный) банк имеет целью кредитовать промышленные и торговые предприятия, для чего им употребляются свои капиталы и капиталы привлекаемые в кассу б(анка) в порядке... вкладов».

Отец пишет, что банк, открывая кредиты, должен твердо обеспечивать их товарами и имуществом клиентов. Он ставит вопрос: не лишается ли при этом банк влияния на торговлю? И отвечает, что нет, так как в руках банка остается метод давления, для чего он должен быть всемерно подкреплен капиталами. «То, что ему пока дано,— слишком незначительно»,— утверждает отец.

Он предлагает в особенности обратить внимание на поддержку кредитованием кооперации, Центросоюза, который «нами очень плохо вооружен; средства его ничтожны по сравнению с лежащими перед ним задачами»... «Всеми этими путями мы овладеваем (в целях регулирования торговли и давления на нее),— пишет отец.— ...прибавьте к этому монополию внешней торговли, хотя бы и либеральной...»

Пройдет короткий срок, и для отца, подчинившего все свои действия ленинскому требованию непоколебимости

монополии внешней торговли, станет неприемлемым послабление, «либеральничание» к даже частичным нарушениям ее. Отец заключает свою мысль:

«К тому же аппарат власти в наших руках. Всего более чем достаточно не только для того, чтобы иметь влияние на торговлю, но и для полного распоряжения ею... Дело лишь в умении использовать имеющиеся в нашем распоряжении средства».

Отцовское письмо полно глубокой тревоги за подорванную военной разрухой экономику, опираясь на которую и учитывая ее реальность и перспективы, должно строить финансовую политику, призванную обеспечить развитие экономических сил Республики.

«Однако, если бы все это обстояло как по-писаному, то и при всем том торговля — второй центр тяжести, а первый — промышленность и транспорт. Сельское хозяйство разорено, промышленность не работает, железные дороги не возят, покупательная способность населения пала до минимума — торгуйте при таких условиях! При таких условиях и торговлю и денежное обращение (без урегулирования которого затруднена и торговля) наладить величайшая трудность!»

Отец пишет, что сегодня важнейшая функция — руководство государственной торговлей — Госбанком не освоена. Банк не имеет торгового отдела, наблюдения за торговлей не ведет. За наши неудачи в торговле не отвечает. «Да у нас и вообще нет никого, кто наблюдал бы за торговлей и нес ответственность за делающееся (и не делающееся) в этой области. И здесь, как и везде, все идет возмутительно медленно. Жизнь нас все время обгоняет, мы не поспеваем за нею.

Одобряете ли Вы изложенные основания работы Государственного банка в области торговли?

С коммунистическим приветом *А. Цюрупа.*

21.11.22. Никто не поспевает за требованиями жизни: ни НКЮ, ни ВСНХ, ни другие НКматы».

В последующие дни после получения этого письма Владимир Ильич отправляет ряд писем, имеющих принципиальное значение для понимания задач финансовых органов в области торговли, роли и функций Государственного банка.

Наркому финансов Г. Я. Сокольникову — о том, что Госбанку всего опаснее быть бюрократичным, что декреты следует превратить в живую практику.

28 февраля он пишет члену правления Государственного банка А. Л. Шейнману поистине яростные строки:

«Ваши слова, что Госбанк теперь «мощный аппарат»... вызвали во мне смех. По секрету: это верх ребячества, верх коммунистически-сановного ребячества.

«Мощный аппарат»! «Мощный аппарат» = перекладывание из одного госкармана в другой таких замечательно «реальных ценностей», как соврубли... Текущие счета в золотых рублях (да и то фальшиво, не по *реальному* курсу)... Ха-ха! Из них сколько? 90—98% от наших *казенных трестов!* т. е. те же казенные бумажки тех же бюрократов.

Госбанк теперь = игра в бюрократическую переписку бумажек. Вот Вам правда, если хотите знать не сладенькое чиновно-коммунистическое вранье (коим Вас все кормят, как сановника), а *правду*...

Либо искать... (сто раз испытывая и проверяя) людей, способных от имени Госбанка ставить торговлю... *закрывать* якобы торговые, на деле же бюрократически-коммунистические торговые и фабричные «потемкинские деревни»,— либо весь Госбанк и вся его работа = нуль, хуже нуля, самообольщение новой бюрократической погремушкой.

И пока Вы мне не докажете делом, проверенным опытом, что таких людей... Госбанк *стал находить*, до тех пор и говорить не о чем: ни одному слову не поверю.

Прошу не сердиться за откровенность.

Ваш *Ленин*».

Думаю, что не ошибусь, полагая, что в своей острой критике и конструктивных указаниях Владимир Ильич учел и соображения отца, сделанные им на основе глубокого анализа работы Госбанка.

Возвращаюсь к фактам, свидетельствующим о непрерывной рабочей связи отца с В. И. Лениным.

20 февраля Ленин пишет письмо А. Д. Цюрупе о программе работы СНК, СТО и Малого Совнаркома.

20 февраля на заседании Малого СНК принимается предложение Ленина при обсуждении проекта реорганизации, внесенного А. Д. Цюрупой.

27 февраля Ленин, озабоченный проблемой разработок торфяных ресурсов и новых методов их добычи, посылает отцу две записки, телефонограмму.

В них так убедительно слышен живой голос Владимира Ильича, его гнев, ненависть к безответственности,

они — столь яркий пример ленинской выучки, что считаю необходимым привести их здесь:

«Зампредсто А. Д. Цюрупе...

Объявляю *выговор* за неисполнение своего служебного долга и за проявленный бюрократизм по делу о Гидроторфе

т. Пятакову

т. Морозову

тт. Заксу и Горбунову.

т. Пятаков, вриднач Гута [1], должен был не «просить меня верить»... и не «просить меня либо удовлетворить Гидроторф сверх сметы, либо разрешить сократить его деятельность»,— такая «просьба» ко мне есть непонимание азбуки государственных отношений,— а должен был *подумать*, как *выполнить постановление Совнаркома* (а не мое) о Гидроторфе...

Если Пятаков не знал его, надо посадить под арест тех многочисленных спецов Гута и чинодралов, кои обязаны знать, справиться и напомнить... Не сажать таких мерзавцев под арест значит поощрять бюрократизм, который нас душит.

...Пятаков должен был не отписываться бумажкой... а немедленно созвать (или просить пред. ВСНХ или А. Д. Цюрупу созвать) совещание наркомов ВСНХ+ +НКФ+РаКри на предмет выработки тотчас проекта постановления СТО и СНК (взять столько-то от Цуторфа или Главторфа, столько-то от Гута для Гидроторфа, столько-то ассигновать сверхсметно, на столько-то сократить программу Гидроторфа)...

т. Морозов обязан был срочно ходатайствовать о созыве такого совещания... а не писать чисто склочной бумажонки... в которой автор хныкает неприлично вместо деловых предложений.

тт. Закс и Горбунов, если бы они... не были управляемы духом обмена пустейших бумажек, обязаны были найти постановление СНК от 30.X 1920 и сами вычитать из него единственно правильный... путь: немедленного созыва совещания наркомов...

Прошу Вас, т. Цюрупа, немедленно взять расписку с вышеназванных товарищей, что выговор им объявлен, и... по возможности во вторник, 28/II, и никак не позже среды, 1/III, рано утром собрать совещание с участием наркомов лично...»

[1] Главное управление по топливу ВСНХ.

Задача совещания — удовлетворить Гидроторф максимально.

Ленин заканчивает письмо словами, которые и сегодня учат любого работника — руководящего и рядового — видеть дальше и ответственнее внутриведомственных масштабов: «Сознательные революционеры должны бы, кроме исполнения своего служебного долга, подумать об экономических причинах, кои заставили СНК признать Гидроторф «имеющим чрезвычайно важное государственное значение».

Телефонограмма в тот же день:

«Тов. Цюрупа!

Сегодня посылаю Вам пакет с бумагами о Гидроторфе. Обыкновенно почта приходит в Москву около половины восьмого или немного позже.

Очень прошу распределить время так, чтобы иметь возможность сегодня же вечером прочесть бумагу и отдать ее в переписку, а также разослать необходимые телефонограммы.

В среду буду в Москве. Нам нужно будет увидеться и утром и вечером, чтобы мы могли побеседовать с полчаса.

Ленин».

На следующий день совещание под председательством А. Д. Цюрупы постановило выдать Гидроторфу из резервного фонда Совнаркома 1 миллион 200 тысяч довоенных золотых рублей, и 2 марта Ленин написал работникам Гидроторфа: «При всей нашей бедности и убожестве, Вам сверх ранее выданных сумм ассигнованы еще крупные суммы». И потребовал опытом доказать хозяйственную пригодность нового способа добывания торфа и обратить сугубое внимание на отчетность в израсходовании отпущенных сумм.

1 марта. Ленин пишет письмо Цюрупе с предложением в Политбюро и Президиум ВЦИК по гражданскому кодексу.

31 марта: «т. Цюрупа!

Нам надо бы повидаться. Черкните, когда Вам удобнее...

Ваш *Ленин».*

6 апреля, участвуя в заседании Политбюро, Владимир Ильич внес предложение о приглашении на заседания Политбюро с совещательным голосом А. Д. Цюрупы.

Изо дня в день идет углубленная, широкоохватная кол-

легиальная работа. Я назвал лишь долю из той, что связана с участием отца.

25—27 мая 1922 года у Владимира Ильича произошел первый приступ тяжелейшей болезни. Первый опасный сигнал реальной тревоги за жизнь великого вождя... Неистовая борьба подорванного нечеловеческим напряжением и болезнью могучего организма Ленина за жизнь...

И потому глубоко тронуло моего отца, когда он узнал, что во время консультации врачей Владимир Ильич 24 июня справлялся о его, А. Д. Цюрупы, состоянии здоровья.

Алексей Иванович Свидерский через много лет вспоминал, что, услышав это, отец взволновался и сказал:

— Он рассчитывает на меня. Это обязывает быть работоспособным. У него учусь расправляться с недугами. Работа не ждет...

Следующие записи нахожу в Дневнике дежурных секретарей. 25 ноября 1922 года, вечером записывает Н. С. Аллилуева:

«Пришел в 6 часов. Несколько минут говорил по телефону. С 6 $^1/_2$ до 7 $^1/_2$ — был А. Д. Цюрупа. После — сейчас же ушел, попросив все дела Каменева, бывшие у него на столе в двух папках, переслать Цюрупе...»

Биохроника В. И. Ленина уточняет, о чем был их разговор. Ленин предложил Цюрупе «включиться в работу комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по подготовке проекта Положения о трестах».

26 ноября, воскресенье, вечер (запись Ш. М. Манучарьянц):

«Владимир Ильич пришел в 6 ч. 50 м., говорил по телефону, в 7 ч. 30 м. пришел Цюрупа, в 8 ч. 30 м. ушел Цюрупа, а также и Владимир Ильич».

9 декабря Ленин диктует из Горок по телефону предложения о порядке работы заместителей Председателя СНК и СТО. На двух машинописных экземплярах этого документа, хранящихся в Центральном партийном архиве, есть надписи: на одном — «Тов. Ленину», на другом — «Тов. Цюрупе».

Вот чрезвычайно характерный пункт 6 ленинских предложений:

«Так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательствования и калякания с замнаркомами и наркомами, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю

каждый зам «опускался на дно», посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом...»

12 декабря Ленин возвратился из Горок. В этот день Владимир Ильич последний раз работал в своем кабинете.

13 декабря новый приступ болезни.

Он не оставляет работы. Диктует письма с требованием отстаивать на пленуме ЦК безусловную необходимость сохранения и укрепления монополии внешней торговли. Диктует по телефону Л. А. Фотиевой письмо Сталину для пленума ЦК, в котором критикует и опровергает доводы Н. И. Бухарина против монополии.

Вопрос о незыблемости, необходимости для Республики монополии внешней торговли волнует его чрезвычайно, он видит недооценку монополии со стороны ряда руководящих работников, и сейчас, измученный болезнью, он продолжает разъяснять, бороться, настаивать, что «колебание по данному вопросу причиняет нам неслыханный вред, а доводы против целиком сводятся к обвинениям в несовершенстве аппарата...».

15 декабря снова пишет Сталину для членов ЦК о недопустимости отсрочки обсуждения на пленуме ЦК вопроса о монополии внешней торговли. Он пишет о возможности своего выступления на X Всероссийском съезде Советов. Диктует документы, запрашивает материалы.

Ленин работает с предельной нагрузкой, с такой же четкостью, глубиной и страстностью, как всегда. Он бросает вызов болезни, силой духа готовый победить ее.

Но в ночь на 16 декабря наступает резкое ухудшение.

Во время болезни Владимира Ильича отец, по указанию Ленина, вел заседания Совета Народных Комиссаров, подписывал документы, исходящие от СНК и СТО.

Однажды я слышал, как отец сказал приехавшим к нему уфимцам:

— Владимир Ильич учил и учит нас управлять государством. Мы были, есть и останемся навсегда его верными учениками.

И тут я сделаю отступление в мои ранние школьные годы. Они одарили меня дорогим воспоминанием. Однажды я, весьма насупленный, поджидая отца, сидел за его письменным столом над задачей, которая не получалась. Неожиданно вошел Владимир Ильич. Увидал мою недовольную, скучающую физиономию, мельком взглянул в тетрадь.

Я подумал, что он мне поможет решить, но не тут-то было. Он заговорил со мной очень серьезно. О том, чтобы я не позволял посторонним мыслям себя отвлекать. Чтобы забыл, что на улице идет снег, из которого превосходно лепить снежки. На свете, оказалось, есть превеликое множество дел, которыми он тоже с удовольствием занялся бы! Да нельзя, некогда. А как решить задачу? Сосредоточиться на ней так, как будто в данную минуту ничего важней нет. И сказать себе: я должен ее решить.

Он говорил без обычной шутливости и ласки в голосе. Я понял: это потому, что он говорит о работе. Он посоветовал внимательно просмотреть что и как решали в классе. Каждая решенная задача — это опыт.

Навсегда запомнилось, как он произнес это слово: бережно, выпукло, прибавил, что опыт — это драгоценная штука.

Я робко пробормотал что-то о трудности задачи.

Он ответил все так же серьезно (только спустя многие годы я смог оценить это свойственное Владимиру Ильичу уважительное доверие к девятилетнему человеку), что перед ним и его товарищами стоят тоже очень трудные задачи, очень: управлять государством их ни в каких школах не учили, а они управляют и действуют через все «трудно». Он посоветовал мне собрать в кулак всю свою волю и научиться действовать через «трудно».

Ни одного слова из этого необыкновенного урока не стерли годы. Помню, я забрал свое «хозяйство» — чернильницу, тетрадь, промокашки — и ушел в столовую. Задача покорилась моим сосредоточенным усилиям.

Не только в мальчишеские годы, но и давно став взрослым, повторяю как заклинание эти подаренные мне слова «через трудно».

Я, естественно, никогда не видал отца в работе, кроме самых ранних впечатлений, когда он брал меня в Наркомпрод. Идя по следам отцовской жизни, я считал важным понять не только содержание, но сам стиль его работы, стиль ученика и соратника Ленина.

Отец не раз говорил, что заседания, на которых председательствовал Владимир Ильич, были «университетами», где народные комиссары учились умению управлять. Университетами было общение с Лениным, его деловые и дружеские письма, телефонные звонки. Университетом было, по словам отца, то, как организовывал и насыщал

Владимир Ильич свой день. На заседаниях при обсуждении вопроса он одновременно работал над другими.

«Иногда на заседаниях он передавал мне статью со словами: "Тов. Цюрупа, прочтите... нет ли тут чего-либо подходящего". Эти статьи были написаны замечательно, без поправок и перечеркиваний. Видно было, что человек задумал, сел и написал».

— Мы,— говорил отец,— учились у него в потоке обрушивавшихся на нас проблем находить, по его словам, главное звено, за которое надо было ухватиться и решить всю проблему.

«Мы учились...» Да, это была школа. И вот характеристика, данная работе отца Николаем Павловичем Брюхановым:

«Умение вникать в подробности... остановить внимание на самых существенных из них...— это было особенностью т. Цюрупы, подсказывающей ему верное и нужное решение... отличавшей его как большого руководящего работника, по праву и заслуженно выдвинутого партией на один из самых ответственных центральных правительственных постов».

Рассказывает Г. М. Леплевский, председатель Малого Совнаркома: «Александр Дмитриевич был человеком государственного ума, исключительного размаха и своеобразия, действенного, насквозь революционного темперамента и трудолюбия... С неизменным успехом прорабатывались под его руководством узловые вопросы сельского хозяйства, бюджета, кредита, кооперации, торговли, промышленности. С тщательностью, кропотливостью, вдумчивостью, с особым, ему одному свойственным вниманием к мелочам, дополнявшим основную и главную мысль вопроса, он подходил к его разрешению.

Ко всему этому — полное пренебрежение к общим отвлечениям, чрезвычайная осторожность и напряженность в процессе выработки и принятия решения, неумолимая твердость и смелость в его проведении, умение до конца проследить за его исполнением... Требовательный и беспощадно суровый в деле, он в личных отношениях проявлял какую-то особую, не стесняющую, располагающую приветливость, мягкость и простоту».

Хочу сказать о хорошо памятной нам, семье, черте его характера: отец был исключительно о б я з а т е л е н. Не выполнить порученное дело, обмануть чью-то надежду было для него крушением чего-то важного в человеке, в его совести.

Обещанное нам, детям, выполнялось им неукоснительно. Он не терпел слов, за которыми не следовало действие.

Полагаю, что эта черта не могла не отразиться в его партийной и государственной деятельности. Я нашел ей подтверждение в одной отцовской записке 1921 года. Она адресована в «Правду». Это отзыв на статью В. А. Антонова-Овсеенко «Будем терпеливыми кредиторами», посвященную героическим усилиям, которые предпринимала Республика, преодолевая последствия недорода и голода.

Отец пишет: «Я считаю, что автор стоит на совершенно правильной точке зрения... Тем не менее печатать статью полностью поопасался бы, ибо в нашей практике газетные статьи частенько принимались за административные распоряжения. Опасна, кроме того, возможность зарождения надежд, которые потом могут и не осуществиться. **Вопрос уже поставлен практически** в госорганах... Если не ошибаюсь, 13/VII вопрос будет поставлен в СНК, а затем и в През. ВЦИК. В обоих этих учреждениях я буду стоять за максимальные льготы, без которых в районах полного разорения, где люди съели... кошек, собак, коров и лошадей... хозяйство не восстановить... Статью можно было бы напечатать с исключениями, отмеченными красным карандашом, при этом она, конечно, много потеряет.

А. Цюрупа».

Вот она, извечная его тревога и забота — не обмануть надежд.

Читаю документы. Среди наркоматов, подлежавших ведению отца, был Наркомат юстиции. Начавшееся на основе нэпа хозяйственное строительство потребовало выработки новых законов для гарантий прав и защиты интересов трудящихся, определения обязанностей всех членов общества, в том числе и нэпманов, перед Советским государством. Нужно было законодательно обеспечить крестьянам право распоряжаться излишками сельскохозяйственных продуктов, заинтересовать их в повышении производительности. Новым законам предстояло защитить государственную и общественную собственность, определить границы допускаемого частного капитала.

Документы позволяют судить, что под руководством отца были проведены значительные работы по укреплению социалистической законности.

Мы же, дети, помним, как у нас дома сиживал с отцом Николай Васильевич Крыленко, в ту пору прокурор

РСФСР, позднее — нарком юстиции. С Н. В. Крыленко и его женой мои родители дружили.

Запомнился оживленный разговор отца и Крыленко о двоякой роли суда — функции подавления и функции воспитания, которая невозможна в капиталистическом судопроизводстве. Они говорили о том, что не только наказание важно, а важно воспитать в людях сознание неотвратимости наказания за нарушение социалистической законности. Повзрослев, я смог оценить, что и отец и Крыленко вели тот разговор особенно доходчиво, вполне завоевав внимание подростков.

А в позднейшие годы мы были заинтересованы в том, чтобы с приходом Крыленко дверь в кабинет не закрывалась. Он рассказывал о своих высокогорных экспедициях на Памир, об открытии неизвестных вершин.

Знаю, что отец вместе с Крыленко работал над созданием ряда законодательных актов.

— Валечка,— говорил отец моей сестре,— устрой-ка нам чаю погорячей и покрепче. Нам с Николаем Васильевичем надо подумать в тишине над очень ответственным документом.

И они работали в звонкой тишине нашего многоголосого дома.

Читаю в журнале «Социалистическая законность»:

«Невозможно перечислить все те законы и правительственные постановления, которые были разработаны и подготовлены под руководством А. Д. Цюрупы, а затем приняты в период его деятельности в качестве зам. Председателя СНК и СТО (1921—1928 гг.) и одновременно — председателя Госплана СССР, наркома внешней и внутренней торговли СССР, члена Центрального Комитета партии, члена Президиума ВЦИК и Президиума ЦИК СССР».

Работавший под руководством отца И. И. Мирошников, заместитель управделами СНК, так характеризует работу отца:

«Для него не было незначительных вопросов. В каждом из них он умел отыскать то общее и принципиальное, которое только и имеет значение для направления государственной политики. Он умел разъяснить, расшифровать своим сотрудникам значительность и особенность тех или иных мероприятий и их возможное влияние на весь дальнейший ход государственного строительства».

Мне не раз приходилось слышать от людей, работавших когда-то с отцом, что при всей жесткой требовательности его к исполнительности ему недостаточно было

видеть в сотрудниках, на любых уровнях, только лишь исполнителей, он добивался, чтобы им была ясна и важна суть дела, он хотел видеть в них единомышленников.

Еще одна ответственная должность была поручена отцу по рекомендации Ленина: народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Новую должность отец шутливо называл: «Доверяя — проверяй!»

Он требовал тщательного анализа хозяйственных отчетов, контроля за тем, соответствуют ли они истинному положению дел на предприятии, нет ли замалчивания недостатков вместо их выправления.

Феликс Эдмундович Дзержинский на пленуме Совета съездов государственной промышленности и торговли 23 февраля 1924 года сказал:

— Мне не раз говорил Александр Дмитриевич Цюрупа, что, когда он слушает докладчиков-хозяйственников в СТО и Совнаркоме, то не знает, говорят ли они всю правду или стараются только довести до благополучного конца свое дело, не считаясь с тем, что требования, которые они выставляют, могут привести другие отрасли к фатальным результатам.

Газета «Экономическая жизнь» 9 мая 1928 года писала о ленинских принципах, которыми руководствовался А. Д. Цюрупа:

«...Он каждым шагом своей работы воплощал в жизнь ту органически слитную с ленинизмом идею, что самым трудным, но и особенно нужным в социалистическом строительстве является организационное начало, настойчивая, методическая работа. Эта методическая работа, которую так ценил Ленин и подлинным мастером которой был Александр Дмитриевич, требовала огромной энергии, преодоления усталости, постоянного горения, творческих замыслов. А. Д. Цюрупа знал по себе лично, как трудна такая установка в работе. Но он требовал от всех работников, от всего рабочего класса осознания этой идеи, ибо, как говорил он, нет ничего более вредного, более опасного в эпоху широчайших строительных планов, как возбуждение сил при помощи искусственного замазывания трудностей, при помощи прикрытия их не соответствующими действительности измышлениями. Вот почему он требовал правды и беспощадного обнажения всех сторон стоящих перед страной задач и умел, как редко кто, говорить правду, убедительно и заражающе. Он никогда не уклонялся от прямодушного признания ошибок, если они были допущены».

По воспоминаниям товарищей, работавших с отцом, по написанным позднее исследованиям деятельности отца можно установить, что Цюрупа упорно добивался того, чтобы работники РКИ — весь коллектив — с чувством политической ответственности понимали роль НК РКИ, его многогранное значение.

Роль РКИ отец не ограничивал контролем за соблюдением советских законов и сохранностью общегосударственной собственности. Он считал, что РКИ — важнейший инструмент в усовершенствовании государственного аппарата, и особо подчеркивал ее воспитательную функцию — обязанность обучать рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию умению управлять.

Опираясь на ленинское требование «орабочивания» аппарата, не раз оправдавшее себя, отец добивался крепких связей РКИ с профсоюзами — на всех уровнях, от Всесоюзного Совета профессиональных союзов до низовых заводских и фабричных ячеек.

Когда ухудшившееся здоровье лишило отца возможности совмещать работу заместителя Председателя СНК и СТО с руководством НК РКИ, Владимир Ильич написал в одном из писем 22-го года:

«Я очень жалею, что Цюрупе не удалось поработать в *РаКри*. Боюсь, что работа не совсем правильно стоит».

О том, какое колоссальное значение придавал Ленин РКИ, можно судить по тому, что в январе — марте 1923 года, когда наступило резкое ухудшение в его болезни, стойко преодолевая мучительные головные боли и бессонницу, лишенный возможности писать парализованной рукой, он диктовал последние статьи по вопросам жизни партии и государства и среди них свои основополагающие работы «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». Они полны страстной заботы о создании государственного аппарата, достойного поставленных перед ним задач.

В статье «Лучше меньше, да лучше» Владимир Ильич предложил принципиально новый шаг — объединение партийного органа ЦКК с советским контрольным органом — РКИ. Он писал:

«Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике?»

Товарищи отца по работе в РКИ рассказывали мне впоследствии, что работа А. Д. Цюрупы в РКИ, его следование принципу осмысления каждым работником, на любом

участке именно партийно-государственного значения своего дела психологически подготовили коллектив к этому слиянию.

От Лидии Александровны Фотиевой я получил в подарок ее книжку «Из воспоминаний о В. И. Ленине».

— Вот с чего я начинаю разговор с читателем,— сказала Лидия Александровна и прочитала мне вслух: «Память человеческая несовершенна. Поэтому лучше всего воспоминания писать, когда есть под рукой документы, по которым можно контролировать свою память».

— Я прочла вам это с дальним прицелом,— сказала она.— Я рассчитываю, что вы напишете книгу о своем отце, и даю вам ключ.

Фотиева была одним из дежурных секретарей, которым Центральный Комитет партии поручил вести Дневник, час за часом фиксируя деятельность Владимира Ильича во время его тяжелой болезни. Он работал, противопоставляя свою волю смертельному недугу. И когда отказала пораженная параличом рука, он стал диктовать, и на пюпитре, прилаженном к кровати, сам выверял каждое слово в своих письмах Центральному Комитету, первому съезду Советов СССР, предложениях XII съезду партии, на котором он не мог быть. Эти его последние работы партия и народ потом назовут «Политическим завещанием». Статьи, продиктованные им, печатались на страницах «Правды», они стали программой действия, явились важнейшим этапом в разработке плана построения социализма в нашей стране. Эти последние работы Ленина были победой человеческого духа над смертью.

Четыре секретаря поочередно вели дневниковые записи, кратко, конспективно. Эти, казалось бы, будничные скупые строки в совокупности стали отражением героической работы, подвига, совершенного Лениным во имя победы социализма и коммунизма.

Седая, строгая, неулыбчивая и все же очень похожая на ту Лидию Александровну, которую я знал в детстве, она рассказывала мне о днях, когда, отгороженный от всех дел, от жизни страны запретами врачей, распоряжениями И. В. Сталина, на которого ЦК возложил обязанность следить за выполнением врачебного режима, Владимир Ильич в своей маленькой кремлевской квартире продолжал жить жизнью партии и государства, продолжал ее строить, по

принципиальным вопросам споря с товарищами, поправляя их, опираясь на них.

Вот строки из книжки Лидии Александровны Фотиевой, где в приведенных ею записях Дневника упоминается имя моего отца:

«*26 января* Владимир Ильич поручил сказать А. Д. Цюрупе, А. И. Свидерскому и В. А. Аванесову, что если они согласны с его статьей о Рабкрине, то пусть соберут ряд совещаний и обсудят к съезду, не следует ли составить план, конспект учебников по нормализации труда».

«*30 января* Владимир Ильич вызвал меня... спросил, каково мнение Цюрупы по поводу статьи о Рабкрине и согласны ли со статьей Свидерский, Аванесов... и другие члены Коллегии. Помня запрещение говорить о делах с Владимиром Ильичем, я сказала, что это мне неизвестно. Владимир Ильич поинтересовался, не колеблется ли Цюрупа, не старается ли оттянуть, откровенно ли говорит со мной. Я ответила, что не имела пока возможности говорить с ним... Так приходилось скрепя сердце лавировать между прямым запрещением вести деловые разговоры с Владимиром Ильичем и его настойчивыми конкретными вопросами делового характера».

О том, как жестко было это запрещение, свидетельствует запись Лидии Александровны в Дневнике, сделанная 30 января. И. В. Сталин, 29 января говоря с нею по телефону и отказав выдать материалы, которые запрашивал Владимир Ильич, спросил, «не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел. Например, статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила, что не говорю и не имею оснований думать, что он в курсе дел».

Трудно без волнения читать и другую запись Л. А. Фотиевой, сделанную 1 февраля, когда с разрешения Политбюро Ленину были выданы задержанные материалы. Владимир Ильич объяснил, на что обратить внимание при их разборе и вообще как ими пользоваться. «...И затем добавил: «Если бы я был на свободе...», сначала, видимо, оговорился, а потом повторил, смеясь: «Если бы я был на свободе, то легко бы все это сделал сам».

Затем Владимир Ильич вернулся к своей статье о Рабкрине, «спросил об отношении Цюрупы и других членов Коллегии НК РКИ к его статье. Ответила, согласно сообщениям А. Д. Цюрупы и А. И. Свидерского, что Свидерский одобряет вполне, а Цюрупа приветствует статью в ча-

сти, касающейся привлечения членов ЦК, но сомневается относительно возможности выполнить все теперешние функции РКИ при сокращении аппарата до 300—400 человек... Владимир Ильич удовлетворился этими сообщениями и затем спросил, обсуждался ли вопрос о статье в ЦК. Ответила, что мне это не известно...

7 февраля утром Владимир Ильич вызвал меня. Говорил по трем вопросам:

...Об РКИ. Владимир Ильич спросил, предполагает ли Коллегия принять сейчас какое-либо решение, «сделать шаг государственной важности», или откладывает до съезда. Сказал, что пишет статью, но она не клеится, тем не менее думает ее еще доработать и, не сдавая в печать, дать прочесть А. Д. Цюрупе. Поручил спросить А. Д. Цюрупу, надо ли ему торопиться с этой статьей, или нет...

10 февраля В. И. Ленин вызвал меня в 7-м часу вечера и поручил статью «Лучше меньше, да лучше» передать А. Д. Цюрупе, чтобы он прочитал ее по возможности в двухдневный срок... Вид у Владимира Ильича был усталый, говорил он с большим затруднением».

XII съезд партии принял предложение Ленина об объединении ЦКК и РКИ. При деятельном участии отца как заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров было подготовлено и проведено это слияние, сделан, по определению Ленина, «шаг государственной важности».

Перед партией и Советской властью стояли крупнейшие задачи восстановления и планового развития экономики. По документам и прессе сужу, как широк был круг проблем, доверенных отцу.

Его заботой было восстановление топливной и химической промышленности. В 1924 году Госплан одобряет его предложение о строительстве нефтепровода от мест добычи в Грозном и Баку к портам Черного моря в интересах экспорта. Вместе с Ф. Э. Дзержинским отец разрабатывает меры укрепления транспорта; ужесточается ответственность управленческих кадров, повышается заработная плата командному и рядовому составу.

Он изучает продовольственные фонды страны, подготовляет предложение Центральному Комитету об увеличении экспорта хлеба, для закупки промышленного оборудования, сельскохозяйственных машин, для укрепления финансово-денежной системы страны.

Отец — во главе акционерного общества «Экспортхлеб».

Вместе с Л. Б. Красиным (полпредом в Лондоне и наркомом внешней торговли) разрабатывает законопроект о

внутренней и внешней хлебной торговле. Он — председатель Особополномочной комиссии по экспорту хлеба.

Руководя отправкой 500 тысяч пудов хлеба в помощь рабочим Рура, как рассказывали товарищи, отец после ухода очередного эшелона возвращался с железнодорожных путей возбужденный, радостный, шел в расстегнутом, развевающемся пальто. Возможность накормить братьев по классу была для него счастьем.

Отцу передали слова Ленина: «Если бы нужно отрезать себе голову, чтобы дать больше хлеба, Цюрупа сделал бы это не задумываясь». Отец возглавил комиссию Политбюро ЦК по возрождению Донбасса.

Обладая многолетним опытом статистика и экономиста, теперь, опираясь на государственный опыт, он увлеченно работает над постановкой государственной статистики для народнохозяйственных планов, утверждает роль ЦСУ как неотъемлемого органа центрального государственного организма, сам отбирает в него умелых людей, добивается права решающего голоса в Совпаркоме для руководителя ЦСУ.

В 1924 году, назначенный председателем Госплана (оставаясь заместителем Председателя СНК), отец настоит на том, чтобы Государственная общеплановая комиссия работала в неразрывной связи с объединенным органом контроля — ЦКК — РКИ. Он считал, что эта оперативная связь позволит Госплану объективно оценивать, как реализуются его планы, как согласуется государственное планирование с данными статистики. Таким образом, и планы, рождавшиеся в глубинах аппарата, и материалы государственной статистики, как официальный документ, проверялись самой жизнью.

Вспоминает А. М. Практынь, заместитель управделами СНК и СТО, а позднее — член коллегии Комиссариата внешней и внутренней торговли:

«Мы, молодые, могли учиться у него настоящему ленинскому методу работы, сочетавшему четкость и гибкость формулировок с жизненным деловым, а не формально-абстрактным подходом ко всякому вопросу».

Четкость формулировок — это была ленинская школа. Четкости выражения мысли учились на заседаниях, которые вел Ленин. Владимир Ильич добивался этого умения от сотрудников аппарата СНК и СТО, уча их понимать, что точность и ясность формулировок адекватна четкости и ясности мысли. Ленин считал, что всю энергию, логику и перспективу действия нужно уметь выразить в формуле,

очищенной от всего случайного, исключающей возможность разночтений.

Об этом настойчивом следовании Владимира Ильича точности формулировок так написал Анатолий Васильевич Луначарский:

«Эта сторона — «физическая сила мозга» — казалась ему одной из очаровательнейших и нужнейших».

Н. П. Брюханов говорил, что Владимир Ильич особо ценит умение отца выразить главную идею, ее политическую и народнохозяйственную перспективу при создании законодательного документа.

Алексей Иванович Свидерский считал, что впервые Ленин оценил эту способность отца еще в 1918 году, когда Цюрупа сказал, что необходимо создать Положение, первый законодательный акт, устанавливающий структуру, функции и права Наркомпрода. Создание этого важного документа претерпело многие трудности.

Цитирую по воспоминаниям Алексея Ивановича, сохранившимся в моем архиве:

«Проект Положения был представлен несколькими товарищами, но ни один не был признан приемлемым. Последовательно были созданы две комиссии, работа которых также была признана неудовлетворительной. Трудность обусловливалась не только тем, что приходилось решать задачу людям, не имевшим никакого государственного опыта и не располагавшим никаким подходящим прецедентом прошлого, но и тем, что, с одной стороны, надо было в соответствующих организационных нормах найти сочетание идеи централизма и продовольственной диктатуры с автономией и самодеятельностью мест, а с другой стороны, связать продовольственный аппарат с рабочим классом и крестьянской беднотой.

После ряда длиннейших заседаний коллегии Наркомпрода, на которых произносились длиннейшие речи, Александр Дмитриевич заявил, что попробует сам составить проект Положения.

Через день коллегия уже обсуждала проект, представленный Цюрупой. Он был одобрен и внесен в Совнарком. Нас всех поразила ясность и точность формулировок, давших в сжатой форме все, чего требовала сложная обстановка времени».

Алексею Ивановичу Свидерскому принадлежат слова, сказанные после смерти отца:

«Александр Дмитриевич оставил неизгладимый след в той гигантской и безликой административной, правитель-

ственной и законодательной работе, которую за первые десять лет выполнило первое в мире рабочее правительство и которая займет исключительное место в истории человечества. И в этом — великое счастье, выпавшее на его долю».

Отец мыслил четко и этого требовал от других. Вот эпизод, о котором рассказал на заседании ученого совета Музея Революции, посвященном 90-летию со дня рождения отца, старый наркомпродовец Лев Николаевич Любарский:

— Помню, на одном заседании по вопросам хлебного экспорта один из участников выступил с предложением, которое, пытаясь сделать его возможно научнее, никак не мог четко сформулировать. Александр Дмитриевич, обращаясь к нему, сказал:

— Ну подожди, братец, зачем так сложно, скажи-ка нам своими словами, записывать пока не будем.

И тот изложил все очень просто.

— Ну вот и хорошо,— сказал Александр Дмитриевич,— теперь все понятно. Пожалуйста, прочитайте,— обратился он к стенографистке, которая, зная Александра Дмитриевича, в подобных случаях все записывала...

Итак, отец был назначен председателем Госплана. Почему выбор пал на него?

В записках «О придании законодательных функций Госплану» Ленин высказал такую мысль:

«Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько административными качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей».

Это сказано в конце декабря 1922 года. Не беря на себя смелости сопоставить слова Ленина с выдвижением отца на этот пост, привожу строки из журнала «Плановое хозяйство» № 1 за 1971 год:

«Несомненно, эти ленинские требования были учтены ЦК РКП(б) при принятии в 1923 году решения о назначении А. Д. Цюрупы председателем Госплана СССР».

Уже в первые послереволюционные годы, в сражающейся голодной Республике с бездействующей промышленностью, с миллионами раздробленных крестьянских хозяйств, отец был захвачен ленинской идеей управления социалистической экономикой на базе научно обоснован-

ного, перспективного планирования. Еще в 1919 году на съезде губпродкомов он говорил:

— Основной метод нашей работы — плановость. Обстановка требует от нас действий по единому плану, и в этом — залог наибольшей эффективности нашей работы.

Документы свидетельствуют: среди многих дел Госплана, проведенных под руководством отца, прошла и первая перепись совхозов и колхозов 1928 года, давшая возможность глубокого анализа государственного переустройства деревни, воплощения в жизнь ленинского кооперативного плана.

Были тщательно исследованы производственные и социальные проблемы Донбасса — уточнены себестоимость и увеличение добычи угля, регулирование его транспортировки, сбыта. Проблемы решались комплексно, охватывая все стороны жизни угольного бассейна, пересматривались цены на предметы первой необходимости, корректировалась заработная плата горняков.

В марте 1925 года был разработан и обсужден проект строительства водной магистрали Волга — Дон — Азовское море.

В том же году Госплан обсудил ориентировочный план введения всеобщего обязательного школьного обучения в РСФСР.

В дополнение к постановлению Госплана отец представил во ВЦИК докладную записку, в которой утверждал, что в Московской и Ленинградской губерниях есть реальные возможности «обеспечить и декларировать всеобщее обязательное школьное обучение детей» не в 1932—1933 году, как установлено было в общем для Республики плане, а к 10-летию Октябрьской революции, к концу 1927 года.

Читаю в том же журнале «Плановое хозяйство», что в 1924 году под руководством отца был подготовлен на основе решений XIII партийной конференции сводный годовой план развития всей промышленности СССР. Отец руководил составлением «Контрольных цифр народного хозяйства на 1925—1926 годы...».

И далее — хочу обратить на это внимание читателя — то, что мне представляется особо значительной, творческой страницей в работе отца:

«А. Д. Цюрупа был одним из инициаторов превращения «контрольных цифр» из общей народнохозяйственной ориентировки в производственный план народного хозяйства.

Активно действуя через СТО, А. Д. Цюрупа настаивал

на необходимости расширения в 1926—1927 годах работ по методологии планирования.

Он доказывал потребность составления первых наметок перспективного планирования на пятилетку, а также генерального плана развития страны на 10—15 лет вперед.

А. Д. Цюрупа принял непосредственное участие в составлении первоначального проекта и окончательном редактировании Директив по первому пятилетнему плану, принятых XV съездом партии в 1927 году».

Журнал констатирует: «В плане первой пятилетки, утвержденной V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 года (когда отца уже не стало.— *В. Ц.*), есть и частица энергии и творческой мысли А. Д. Цюрупы, которого академик С. Г. Струмилин удивительно точно назвал образцовым председателем Госплана».

Эта характеристика вынесена журналом «Плановое хозяйство» в заглавие статьи: «Образцовый председатель Госплана».

Строки же о том, что отец был одним из инициаторов превращения «контрольных цифр» в производственный план народного хозяйства, возвращают меня к далекому воспоминанию, когда отец говорил нам, подросткам, что̀ составляют для него цифры, и называл их не только инструментом познания, анализа, но строительным материалом для возведения здания сегодняшней и завтрашней работы. Влияние отца сказалось в том, что в юности я пошел учиться на экономический рабфак.

Журналистская работа свела меня со Станиславом Густавовичем Струмилиным, крупнейшим экономистом, человеком, чьи «университеты» складывались не только на студенческой скамье и на профессорских кафедрах, но и в жестоком опыте царской солдатчины, в одиночке «Крестов», в ссылках и подполье; в эмиграции, под Парижем, он слушал лекции Ленина по аграрному вопросу.

Автор более 700 книг и статей по экономике, управлению народным хозяйством, политической экономии социализма, он сказал мне с таким же вдохновением, как в моем отрочестве отец:

— Цифра — дело моей жизни.

В «Слове об экономических науках», опубликованном в журнале «Экономические науки», я встретил утверждение С. Г. Струмилина, много для меня значащее:

«Все более заметное место в наши дни, как самостоятельная отрасль экономических наук, занимает наука управления социалистической экономикой, основы создания

которой были заложены еще Ильичем и его ближайшими соратниками — Цюрупой и Кржижановским».

Цитирую уже упоминавшийся журнал «Плановое хозяйство»:

«Цюрупа разработал ряд положений, вошедших в арсенал науки социалистического планирования. Глубокие идеи и теоретические положения можно найти и в его выступлениях на президиуме Госплана, на заседаниях Совнаркома и Совета Труда и Обороны».

Идеи отца в области социалистического планирования изложены в его беседе с сотрудником Российского телеграфного агентства, опубликованной 12 февраля 1924 года в «Правде», «Известиях», «Труде», «Экономической жизни» и других газетах.

В этой беседе отец уделяет особое внимание выработке методологии планирования советской экономики, основывая ее на точном расчете реальных и потенциальных возможностей страны. Он настаивает на интегрированном подходе, на комплексном видении народнохозяйственной перспективы:

«Отдельные планы должны конструироваться как части целого и в соответствии с материальными ресурсами».

Методологии планирования посвящает отец выступление на президиуме Госплана 4 февраля 1924 года. Через 47 лет, в 1971 году, стенографическая запись опубликована впервые.

— Госплан вступил в стадию обсуждения пятилетних перспективных планов,— говорил отец.— Я считаю необходимым поставить вопрос о методологии составления этих планов. Не можем же мы взять железнодорожное хозяйство независимо от других отраслей и финансового учета. независимо от политических особенностей нашей страны и т. д. И всякий другой пятилетний план нельзя оторвать от всех других планов... Но надо соблюсти единство методологического подхода и увязки всех этих планов... Чтоб было понятно, я иллюстрирую это грубым образом. Не можем мы, например, составить план текстильной промышленности, не пересчитав трубы, станки, веретена и т. п. Точно так же не можем мы выработать план железнодорожного движения, не пересчитав версты, количество вагонов и т. д... Может ли быть административный план без цифрового плана? Абсолютно не может. В состав плана входит регулирование всякого рода...

Все то, что в наши дни давно уже стало азбукой планирования, рождалось тогда изначально.

Имея многолетний опыт статистической работы и опыт работы государственной, в своем выступлении руководитель Госплана, объединившего в себе специалистов в области экономики и ряда производственных областей, отец отнюдь не декретировал своих высказываний; опираясь на коллегиальный разум, он вел поиск оптимального методологического решения.

— Как увязать эти планы и из чего при этом исходить? Мне казалось, что основой наших первичных предположений должен быть наш рынок. На учете возможности его расширения, на основе его теперешнего состояния мы можем вырабатывать наши планы... Здесь огромное место займет учет продукции сельского хозяйства... Мы имеем массовую перепись, мы имеем бюджетные исследования, которые дают нам картину такой полноты, которая вполне достаточна для обсуждения здесь этого вопроса... Но это предполагает уже наперед увязку всех планов...

Отец говорит это в 1924 году. Еще не существует практики такой «увязки» нигде в мире. Хаосу экономической жизни буржуазных стран недоступна идея планирования народнохозяйственного развития, исходящая из высоких идеалов социализма. Отец говорит о поисках методов создания таких, именно социалистических планов. Он и его товарищи идут почти на ощупь, твердо зная стоящую перед ними задачу, опираясь на ленинскую идею, на свой жизненный опыт.

— Тут что ни слово, что ни шаг, то проблема,— признает руководитель Госплана,— нужно только обезопасить себя от легкомысленных и грубых ошибок. Без ошибок обойтись, конечно, нельзя, иначе мы были бы собрание библейских пророков, которые не ошибались.

В выступлениях и спорах, верный принципу коллегиальности, он нащупывает наиболее рациональные позиции и предлагает в свойственной ему уважительной форме:

— Я бы полагал, нам следует просить самого Глеба Максимилиановича сделать нам конкретные предложения... (речь идет об организации работ Госплана.— *В. Ц.*) Что касается методологии, то:

к истине как будто бы ближе товарищ Попов. Но это не исключает и того, что говорят товарищи Кржижановский и Смирнов. Ясно, что против плана экономической политики возражать никто не будет... Сделать этот доклад на Президиуме, я думаю, следует поручить П. И. Попову...

Отец разъясняет уже упомянутому корреспонденту РОСТА:

— Методы работы после проверки их на деле будут вновь подвергаться пересмотру и усовершенствованию. Разрабатываемые планы... будут согласовываться, давать и после исправления вторичное и последующее приближение, и... в конце концов получим то, что мы называем «планом народного хозяйства»...

В газете «Труд» 12 февраля 1924 года приведены такие его слова:

«Вся хозяйственная система конструируется таким образом, что обеспечивает плавный ход всего механизма, без кризисов и срывов, причем весь трудящийся коллектив является сознательным участником общественного производства...»

Эти мысли высказаны отцом на заре становления науки планового управления народным хозяйством. Они современны и сегодня. В них — ленинская школа.

Я поставил себе задачу создать представление о деятельности отца не по перечню его высоких должностей, а по возможности осветив сущность его дел и стиль его работы. Позволю себе открыть перед читателем страницу воспоминаний С. Г. Струмилина:

«Образцом экономиста-практика, неуклонно придерживавшегося ленинского стиля работы, для меня был и остается светлой памяти Александр Дмитриевич Цюрупа, у которого как молодые, так и опытные экономисты учились... О блестящем стиле работы этого замечательного соратника Ильича именно на экономическом, хозяйственном фронте сегодня наша молодежь, к сожалению, пока знает до обидного мало. А между тем, ведь он... был одним из создателей нашей плановой науки... Забывая о наших крупнейших экономистах, мы ведь зачастую уподобляемся Иванам, не помнящим родства... Хочется верить, что... пропорционально росту машинных средств обработки экономической информации будет расти и нравственный облик наших экономистов. А одним из вернейших показателей уровня этого облика является отношение к старшему поколению ученых, к их памяти, в данном случае экономистов, к тем, кто уже стал историей и на чьих делах мы должны учиться».

Не комплиментарность оценок, а сложившуюся в многолетней работе с моим отцом его психологическую и деловую характеристику я нашел в этом свидетельстве. Суетная комплиментарность была для них, солдат партии, так же неприемлема, как для него.

ЦВЕТОК МАТЬ-И-МАЧЕХА

Ранние школьные годы одарили меня дорогим воспоминанием. Как-то по дороге из школы домой я задержался возле черного «роллс-ройса», автомобиля Владимира Ильича. Кроме Ленина этот автомобиль каждое утро возил на работу Марию Ильиничну и Надежду Константиновну, а она всегда забирала с собой нашу маму, которая в то время тоже работала в Наркомпросе.

Черный старый прямоугольный «роллс-ройс», похожий на старинную карету, казался нам, кремлевским мальчишкам, верхом технического совершенства. Тогда, наверно, еще не родилось поколение конструкторов, которые создадут обтекаемые современные машины.

Шофер Ленина, товарищ Гиль, обещал нам, ребятам, непременно покатать нас, когда в стране станет вволю горючего. А пока разрешал крутить баранку и трогать рычаги, объяснял их назначение. Однажды вдруг подверг нас экзамену — что для чего? Оказалось, что я один запомнил, и он сказал, что, мол, буду автомобилистом, а может, поведу броневик или танк.

Я чрезвычайно гордился этой похвалой. Танков мы еще не видали. Но три броневика шли на параде по Красной площади. Мы, ребята, смотрели на них с Кремлевской стены, между зубцами. Стена очень толстая, приходилось тянуть шею, чтобы видеть. Мы горько переживали, когда один из броневиков зафыркал, остановился и красноармейцы вытащили его с площади на руках. Это было, наверно, в один из первых ноябрьских парадов, потому что красноармейцев помню в зимней форме.

Товарищ Гиль оказался прав. Я за жизнь накрутил много километров на спидометрах разных машин. И танк довелось водить на действительной в танковой бригаде им. Калиновского, хотя служил командиром башни. Но всю Великую Отечественную я прошел без моторов, артиллеристом, орудийным номером, старшиной. Наш 354-й артиллерийский полк был на конной тяге, он проходил там,

где не пройти было машинам. И в тяжкие дни отступления, и в долгожданные, счастливые дни наступления многие сотни километров по раскисшим или обледенелым дорогам мы, помогая лошадям, на руках вытаскивали орудия...

А тогда в детстве, помню, ленинский шофер учил нас слушать мотор, и мы клали руки на включенные дрожащие рычаги.

И как раз совпало в тот день, когда я крутился возле «роллс-ройса»: Надежда Константиновна настояла, чтобы Владимир Ильич, чрезвычайно переутомленный, страдавший бессонницей, хоть немного отдохнул, подышал воздухом. И я, счастливо подвернувшись им под руку, был взят в незабываемую прогулку.

Была ранняя весна. Какого года? Полагаю, 21-го. За городом в колеях, помню, стояла вода, стянутая стрелами льда. Они хрустели под колесами автомобиля, и грязные брызги летели в снег. Да, в лесу еще лежал снег. Автомобиль, объезжая колеи, кренился, и по стеклам скреблись ветки. Когда машину встряхивало, шлем с красной звездой — моя гордость! — сползал мне на брови.

У солнечной опушки Надежда Константиновна попросила остановить машину. На оттаявшем склоне уже пробивалась трава. Владимир Ильич распахнул дверцу. Я услышал, он сказал — какая тут благодать и тишина.

Чтобы не нарушить эту тишину, я старался не шелохнуться.

Но Владимир Ильич заговорил сам. По-моему, он глядел на робко зеленевшую траву, когда повторил дважды, что тревога его об одном — только бы прожить без засухи, только бы без засухи...

Надежда Константиновна совсем тихо попросила его откинуть тревоги, отдохнуть, просто подышать.

У меня в памяти осталось, как он тотчас ласково согласился с нею, но тут же нарушил обещание. Повернувшись ко мне, весело сообщил: вот, мол, соберет страна 400 миллионов пудов (при этом он нарисовал в воздухе 400 и еще шесть нулей), и пообещал, что тогда уж мы будем с калачами, будем зерно продавать за границу, закупим у капиталистов станки и машины, и все наши заводы и фабрики заработают.

И, верный своему обыкновению включать в разговор всех присутствующих, повернулся к шоферу, заглянул ему в лицо и спросил, согласен ли тот с его соображениями.

— Как вы говорите, так и будет, Владимир Ильич,—

ответил Гиль. Он вышел из машины, перепрыгнул канаву, полную вешней воды, поднялся по зазеленевшему склону и принес Надежде Константиновне первый цветок мать-и-мачехи.

А Владимир Ильич даже огорчился, что сам опоздал сделать это. Он напомнил Надежде Константиновне о том, как в горах, в эмиграции он был попроворнее и набирал ей целые охапки цветов.

Надежда Константиновна ответила с улыбкой, что, конечно, помнит это, помнит хорошо, но предполагает, что он думал при этом о борьбе с социал-шовинистами.

Я не знал, кто такие социал-шовинисты, и стал прикидывать, какое отношение они имеют к цветам...

Цифра 400 миллионов, объяснил мне позднее отец, означала твердую надежду Ленина на то, что крестьянство в этот первый год новой экономической политики сверх сданного обязательного продналога в 240 миллионов пудов продаст не спекулянту — «мешочнику», а Советской власти еще 160 миллионов пудов хлеба, так необходимых стране. Партия уже опиралась на огромный сдвиг в отношении крестьян к Советской власти, на доверие к ней и надежду на нее.

ВСТАНЬТЕ, ТОВАРИЩИ!..

Мне двенадцать лет. В январский морозный седой вечер я в нахлобученной до глаз ушанке, в валенках возле Кавалерского корпуса катаюсь по узкой полоске льда. Оборачиваюсь на звук скрипящих по снегу шагов и узнаю отца. В свете фонаря вижу в его глазах такую боль, что смотреть страшно.

— Папа! — кричу я. Он хватает меня в охапку, прижимает мою голову к себе. Мы стоим молча, вдруг я чувствую, что все его тело содрогается, и понимаю, что он неслышно рыдает.

— Что? Что, папа?..— Я хочу вырваться из его объятий и в то же время не хочу, нет сил оторваться от него. Задрав голову, снизу смотрю в его искаженное, залитое слезами лицо.

Не отпуская меня, он говорит:

— Владимир Ильич... умер... сынок... Только что, в 6 часов 50 минут вечера, умер Владимир Ильич...

Все было потом — небо рвали криком гудки заводов и паровозов. Был черный медленный поток людей. На площади Свердлова костры, рыжие в морозной мгле. Люди притоптывали вокруг огня, их протянутые к огню руки просвечивали красным. Стоял над городом какой-то вздох или стон, словно рвался затаенно из огромной груди, может быть, самой Москвы или всей страны. И такая была стужа, будто все тепло мира унесла с собой смерть единственного человека, необходимого человечеству...

Тесный поток людей внес меня в тишайший зал Дома Союзов, где из-за спин я не смог увидеть Владимира Ильича, а только увидал у гроба почетный караул и в нем — моего отца, его каменное, словно неживое лицо... И бледную Надежду Константиновну, и Марию Ильиничну, сжавшуюся от горя...

За четверо суток мимо гроба Владимира Ильича прошло около миллиона людей. В почетном карауле сменилось более 9 тысяч человек.

И опять на морозной улице, где дыхание людей смеши-

валось с седой, белой мглой, я несколько раз втирался в безмолвную очередь, и она принимала меня, смыкаясь. Утыкаясь носом в чьи-то спины, чувствуя на плече взрослые руки, я опять и опять проходил через Колонный зал и, вытянувшись на цыпочках, видел лоб и закрытые глаза, такие знакомые и незнакомые, и слово «никогда» вползало в меня ледяным ощущением невозвратности...

Дома отец, бесконечно потрясенный, говорил маме:

— Жизнь раскололась на ДО и ПОСЛЕ. Сейчас начинается ПОСЛЕ. Каждый шаг сверять с ним. Иначе грош нам цена как коммунистам...

В лютую стужу мы, подростки, смотрели с нашего НП между седых зубцов Кремлевской стены, как возводили первый деревянный Мавзолей. Его сооружали днем и ночью. Прожекторы освещали стройку. В резком свете качался пар от разгоряченных тел. Дым костров, еще теплый, долетал до нас, а над всей площадью стояла морозная мгла.

27 января отсюда, сверху, мы глядели на траурное шествие рабочих по Красной площади, которое длилось шесть часов.

Нас угоняли домой отогреть ледяные руки и поспиневшие носы, кормили, а когда мы возвращались, шли и шли по площади рабочие колонны.

Часы на Спасской башне играли «Интернационал», когда гроб Ленина несли к Мавзолею. И была минута тишины. Это не плод мальчишеского воображения. В этот миг замерла вся страна, были отключены станки в цехах, замерли пешеходы, поезда. Многие рабочие капиталистических стран остановили работу на 5 минут. Все люди обнажили головы, и мы, мальчишки, там, на стене, стащили с голов ушанки.

Потом гремели пушечные прощальные салюты. И по радио полетел сигнал:

«Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу...»

Второй, тоже деревянный, Мавзолей строили к 1 Мая. Мы, ребята, пролезали на строительную площадку, но нас выпроваживали.

С великим уважением у нас дома повторяли слова Надежды Константиновны:

«Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д.— всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране».

Нашему отцу нравился второй Мавзолей, он был строг и скромен. Вместе с другими мальчишками я стоял на Красной площади, когда 1 августа в Мавзолей вносили знамя Парижской коммуны, переданное рабочими — коммунистами Парижа на вечное хранение. Мы знали, знамя пробито пулями, под ним сражались коммунары, по словам Маркса, штурмовавшие небо.

Отца уже не было в живых, когда в 1929 году по заданию правительства архитектор А. В. Щусев создал проект нового, гранитного Мавзолея. Я знаю, он понравился бы отцу. Он похож на прежний, так же строг, но величественнее и прекраснее.

С крыши какого-то дома вблизи от вокзала вместе с другими людьми я смотрел, как по ночным улицам медленно везли 60-тонную монолитную плиту, которую четыре железнодорожных домкрата установят над входом в Мавзолей, чтобы она навечно несла на себе гордое, родное слово — ЛЕНИН.

Многие годы прихожу к Мавзолею, и каждый раз отзываются во мне мужественные слова-исповедь Маяковского:

Я себя под Лениным чищу,
чтобы плыть в Революцию дальше...

Незабываемую, самую острую, гордую минуту в моей жизни рядового коммуниста и солдата я пережил в 1945 году, когда на Параде Победы наши воины бросали к подножию Мавзолея поверженные фашистские знамена.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДЕЛА И ЛЮДИ

Наступили годы, когда организация торговли стала государственной неотложной задачей. Принципиально новые основы ее должны были обеспечить связь социалистической экономики с экономикой крестьянской. Держа в узде, но поощряя частную торговлю, предстояло выиграть спор «кто — кого?».

Это потребовало координации внутренних и внешних функций торговли. В ноябре 1925 года был создан объединенный комиссариат. Народным комиссаром внешней и внутренней торговли стал А. Д. Цюрупа.

Зарубежная пресса откликнулась на это назначение. Парижская газета «Информасьон» писала: «Г-н Цюрупа старый друг Ленина, одно из видных лиц настоящего правительства... После революции г-н Цюрупа берет на себя трудную обязанность народного комиссара по продовольствию... Г-н Цюрупа знает, что значит трудное положение».

Оставаясь на посту зампреда СНК и СТО, отец принял руководство единым наркоматом. Предстояло овладеть всей торговлей, рынками — государственным, кооперативным и частным, обуздать нэпманскую силу. Для этого нужно было заготовить запасы внутренних и экспортных товаров.

Экспорт хлеба занимал в ту пору четверть экспортного плана.

Отец сосредоточил внимание на сохранности зерна.

Телеграмма. Москва, Кремль, Цюрупе. Ноябрь 1924 года.

«Собрание рабочих и крестьян, совместно с представителями государственных и профессиональных организаций, открывая... элеватор государственного банка в Актюбинске, назвало элеватор Вашим именем, поздравляет Вас с новой победой на хозяйственном фронте».

Ответная телеграмма:

«Приветствую, поздравляю. Надеюсь, рабочие, служащие элеватора научатся беречь мужицкую копейку и тем за-

служат признательность крестьян и Советской власти. Цюрупа».

Доклады Цюрупы о хлебоэкспорте слушались в Политбюро.

Под руководством отца была создана коммерческая система внутренней торговли. В 1927 году продажа товаров государственной и кооперативной торговлей составила 75,2 процента всего розничного оборота. Задача «кто — кого?» решалась в пользу социализма.

Новый пост стал для отца новым этапом политической работы. С первых же дней он столкнулся с попытками подорвать ленинский принцип монополии внешней торговли. Борьба за этот принцип имела свою предысторию. Еще в 1922 году во время болезни Ленина Пленум ЦК принял решение разрешить свободу ввоза и вывоза некоторых категорий товаров и заменить монополию высокими пошлинами.

Владимир Ильич доказал ошибочность этого решения: частичные реформы практически уничтожали монополию. XII партсъезд подтвердил незыблемость монополии.

И однако через год после смерти Ленина, став народным комиссаром внутренней и внешней торговли, отец снова столкнулся с требованиями предоставить разным комиссиям право самостоятельных закупок за границей.

«Назначая меня наркомом, Политбюро знало, что я сторонник монополии внешней торговли, твердо и последовательно проводимой,— сказал отец.— Я не пойду на сужение монополии до уровня контроля, ибо это означало бы отказ от монополии. Для такой роли я не гожусь».

Он считал, что если нарушить единство выступлений на внешнем рынке, то наши экспортные организации будут биты поодиночке.

— Монополия,— говорил он,— основа экономической самостоятельности и делового веса нашего на мировой арене.

Оправившись после гражданской войны, голода и разрухи, после тяжкой засухи 1921 года, Республика получила возможность все больше зерна и нефти отдавать на экспорт.

В Центральном партийном архиве ИМЛ читаю рукопись отца. И слышным становится мне родной, негромкий, полный энергии голос:

«Признала Англия, признала Италия... Дипломатия Советской власти в этом деле сыграла, без сомнения, ог-

ромную роль, и сыграла ее образцово, но в конечном счете не в этой плоскости лежит причина признания...»

Он пишет с ятями, с «і» с точками по старой орфографии, но звучит уверенный голос нового государственного деятеля социалистического склада. Слушайте:

«Нельзя отмахнуться... от потребляющего рынка СССР... Разбитая, как старый горшок, разрушенная капиталистическая Европа страстно ищет путей восстановления, и СССР мерещится ей как маяк, дающий надежду на спасение.

После шести лет гигантских, нечеловеческих усилий СССР окреп и стал на ноги. Свалить его, сделать колонией не удалось, несмотря на все бесчисленные попытки.

Но если от СССР нельзя отмахнуться и нельзя его обратить в колонию, то...

то его нужно признать, ничего другого не остается; это диктуется необходимостью...

С развязанными руками мы поведем наши хозяйственные дела на Западе. Мы дадим ему то, что ему нужно, а в обмен возьмем у него нужное нам... для нашего строительства, своего добра мы проедать не станем... Многому мы поучимся при этом у Запада и, надеюсь, кой-чему научим его...»

Это написано отцом в 1924 году. Статья ли это, или материал к выступлению?.. Над первой страницей лишь полустершаяся пометка: «Срочно! В 5 экз.!»

Я вспоминаю эти высказывания отца сегодня, когда станки и автомобили с маркой наших заводов встречаешь в поездках по высокоразвитым и развивающимся странам; капиталистические фирмы выполняют миллиардные заказы для СССР, именно так, как планировал отец: для нашего социалистического строительства.

Отец стоял у истоков советского экспорта и импорта, он руководил внешней торговлей на основе ленинского принципа — равноправных, не допускающих дискриминации отношений с государствами-партнерами. Он помнил ленинскую мысль: международное мирное взаимодействие — альтернатива войнам.

...Я вспоминал отца в палаццо Веккиа, на приеме у мэра Флоренции Джорджио Ла Пира, депутата парламента от социалистов. В зале, увешанном гобеленами и картинами, он принимал нас, трех советских журналистов. Перед ним стоял глобус и лежало распятие.

Мэр говорил:

— Необходимо соглашение между НАТО и членами

Варшавского Договора. Бюджеты этих стран надо освободить для борьбы против всемирного голода. Из этих бюджетов должен быть сложен межматериковый план развития сельского хозяйства...— Он положил ладонь на глобус: — Я созвал первый съезд мэров в защиту городов.

Показал документ, на нем стояли подписи мэров почти всех стран мира, Европы, Азии. Я увидал подпись председателя Московского Совета.

— Завтра я улетаю в Женеву на конгресс в защиту народов,— сказал Ла Пира.— Я скажу там: города не хотят умирать!

Шел 1962 год. Движение борьбы за мир все больше набирало силы.

Города не хотят умирать. Я думал об этом, шагая по мертвым улицам Помпеи, где жизнь отшумела, сожженная огненной стихией.

Но дымящиеся руины наших городов, по которым я прошел солдатом, и трагические колокола Хатыни (а сколько еще впереди оставит империализм кровавых страниц!) здесь, на камнях Помпеи, требовательно напоминали о жизни, стертой с лица Земли не слепой стихией, а преступной волей поджигателей войн.

Сегодня империализм угрожает самому существованию человечества, его детям, его цивилизации. Империализмом движет страх и ненависть к лагерю социализма, к странам, сбросившим колониальное иго. И — жажда наживы. Военные комплексы наживаются на крови народов.

Читаю в «Капитале» слова, выписанные Марксом в сноску. Впервые, в юности, мое внимание к ним привлек отец:

«Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы...»

Мы с отцом сидели у моего школьного глобуса. Он тогда тоже положил ладонь на континенты, изрезанные, заклейменные названиями колоний. Отец сказал:

— Вы, наши дети, увидите, ленинское предвидение восторжествует, народы сбросят колониальное ярмо. Но борьба будет жестокой...

Вместе с группой советских журналистов я сопровождал Космонавта-2, Германа Титова, по странам Азии — Бирме, Индонезии, Вьетнаму. Я хочу рассказать о неза-

бываемой встрече во Вьетнаме с товарищем Хо Ши Мином. Он принимал нас в маленьком доме на сваях; на полках книги на русском, английском, французском языках, тома Ленина. В роскошном дворцовом парке стоял дом, где расположили нас, советских гостей; отсюда многие десятилетия французский генерал-губернатор управлял колониями — Вьетнамом, Лаосом, Камбоджей (Кампучия). Хо Ши Мин сказал, что дворец государство подарит детям:

— Все дети Вьетнама — мои дети.

Он просил нас называть его «дядюшкой Хо». По-русски он говорил свободно, с мягким вьетнамским акцентом:

— Чувствуйте себя, пожалуйста, как дома. В Советском Союзе я всегда ощущал себя дома.

На наш вопрос о здоровье, блеснув продолговатыми глазами, ответил лукаво:

— Ничего, слава богу,— и стал вдруг похож на русского крестьянина.

Он подарил нам трехтомник своих речей и статей. Одну из них я читал недавно, перелистывая подшивку «Правды», в номере, вышедшем через шесть дней после смерти Владимира Ильича,— «Ленин и колониальные народы».

На подаренной мне книге «дядюшка Хо» написал по-русски: «Дорогому товарищу В. А. Цюрупе на память» и оставил тонкую роспись — Хо Ши Мин.

Но самый дорогой подарок я увозил в памяти. Он сказал, держа мою руку в своих руках:

— Я знал вашего отца. Он много сделал для своего народа и для отношений с другими народами. Он был настоящий ленинец...

„...ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ..."

XIV съезд партии поставил перед страной грандиозный план социалистической индустриализации.

Политбюро отзывает отца из Наркомторга, его организационный и хозяйственный опыт нужен для решения новых задач. Среди них — участие в осуществлении ленинского плана ГОЭЛРО. *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».*

— А знаете ли вы, что мы вместе с вашим отцом написали брошюру «Перспективы сельского хозяйства в связи с электрификацией Волги», она была издана Госпланом году в 25-м,— сказал мне Глеб Максимилианович Кржижановский, когда 27 октября 1956 года мы с женой сидели у него дома, в небольшом кабинете, на улице Осипенко.— Не могу найти следов этой брошюры. А жаль, любопытно было бы проследить, как многое реализуется на практике.

Да,— прервал он себя,— для нашего «взрослого» знакомства (мы ведь встречались, когда вы были ребенком) хочу вам представить свою «визитную карточку».

Он с великолепным юмором начал наше «взрослое знакомство». «Визитной карточкой» была депеша, отправленная в июне 1913 года епископом Самарским и Ставропольским графу Орлову-Давыдову из России в Сорренто:

«Ваше сиятельство! Призываю на вас божью благодать, прошу принять архипасторское извещение, на ваших потомственных, исконных владениях прожектеры Самарского технического общества совместно с безбожным инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электростанции.

Явите милость своим прибытием восстановить божий мир в жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии».

— Сией пасторской характеристикой, с вашего позволения, горжусь,— сказал Глеб Максимилианович, посмеиваясь.

Два часа, проведенные с Кржижановским, были для меня волнующими. Я видел его часто при жизни отца. Глебу Максимилиановичу было подарено деятельное долголетие.

Я пришел к нему с просьбой рассказать об отце. Он вел беседу, переходя от прошлого к дню сегодняшнему, говорил о Ленине, о людях, с которыми работал, об отце, говорил об искусстве, забросал нас с женой вопросами о нашей журналистской работе. Сказал:

— В кресле, где вы сидите, частенько сиживал Владимир Ильич.

Я вскочил, и он засмеялся:

— Все было очень просто. Никакой помпы. И право же, вы можете спокойно сидеть, это не реликвия, просто рабочее кресло.

Взял со стола маленький бюст Ленина, изваянный из бронзы, может быть, сплава, светлого, словно неярко светившегося изнутри.

— Имя скульптора, к стыду, не помню. Люблю эту вещь. Почти все портреты Владимира Ильича похожи на него лишь формально. Художники изображают черты его лица, а оно никогда не находилось в покое, все время менялось выражение, и в этом был он сам и его обаяние. А этот скульптор сделал невозможное, он передал именно жизнь его черт, то, что Луначарский называл «музыкой ленинского лица». И видите, Владимир Ильич глядит на нас с хитрецкой усмешкой мастерового человека, нет, не вождя, именно мастерового. Я помню эту усмешку... Еще я нашел живого Ильича в рисунках Жукова. А если говорить о сцене, то, бесспорно, образы, созданные Щукиным и Штраухом,— выдающиеся работы, в них есть душа и мысль. Народ принял их. Но... как вам сказать? — это Ленин Щукина и Ленин Штрауха, это не Ленин Ленина. И представьте,— Глеб Максимилианович оживился,— вдруг по телевизору дают «Человека с ружьем» из театра Вахтангова с Николаем Плотниковым в роли Ленина. Я боялся дышать, передо мной — Владимир Ильич. Я так волновался, что вставал, уходил, возвращался. И снова передо мной был Владимир Ильич...

— Вы записываете? — спросил Глеб Максимилианович мою жену.— Нет, нет, не прячьте блокнот, пожалуйста, записывайте, но, право, тут не будет никаких открытий, только мои впечатления... Я стал ходить на каждый спектакль, не в силах расстаться с образом. Я сказал ему: «Будьте бережны, вы владеете драгоценным даром, вы от-

крыли тайну магии искусства». Вы подумайте, ведь он же никогда не видел Ленина.

Глеб Максимилианович вдруг взглянул на меня пристально, сказал:

— Похож.— Объяснил моей жене: — Похож на отца.— И перенесся мыслью в прошлое:— Мы с вашим отцом хорошо, творчески работали в Госплане. Собирали съезды планирующих органов, делали ставку на огромный коллектив. Владимир Ильич считал, что действенность прямо пропорциональна числу вовлеченных участников. В Госплане мы с Александром Дмитриевичем поняли, что ленинское планирование хозяйства — это сочетание научной мысли с изучением труда, опыта миллионов.

В наше время все еще только начиналось. В Госплане мы с вашим отцом экспериментировали, опираясь на указания Ленина. К примеру, мы придумали такой аналитический маневр: в десяти пунктах страны привлекли рабочих, устроили на рынках свои станции, где товарный рубль взвешивался путем определяющего набора товаров. Это давало Госплану представление о реальной стоимости рубля, что было необходимо для финансовой политики. Мы знали, что Владимир Ильич одобрил бы проверку самой жизнью.

Но его уже не было с нами. Наш опыт был отвергнут.

А Ленин свои указания не высказывал директивно. Он писал в таком виде: «Ваше мнение?.. Позвоните мне, когда прочтете. Надо нам *точно* договориться об этом. Обстоятельно и точно».

— Ваш отец умел драться за дело. Вот что я помню! — лицо Глеба Максимилиановича осветила улыбка: — В пустом еще Большом театре, перед заседанием, мы установили карту электрификации России и для пробы, на миг, зажгли все лампочки на ней. И вдруг увидали нашу голодную, холодную Россию в огнях будущих электростанций... И в ту минуту ваш отец, сдержанный человек, схватил меня за локоть. И — молчит. Я вижу, губы у него дрожат, глаза повлажнели. Такое не забывается.

Идею создания этой карты подсказал Владимир Ильич,— сказал Кржижановский.— Это было так. В январе 20-го года я написал статью о задачах электрификации промышленности, о запасах угля, торфа, нефти, о возможностях переброски энергии по электролиниям. Рукопись послал Владимиру Ильичу. Ответ пришел незамедлительно:

«Глеб Максимилианович!

Статью получил и прочел.

Великолепно... У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом». Он написал подробнейшее письмо с конкретной разработкой предстоящих задач. И под конец предложил: «Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?»

Я прожил долгую жизнь в партии, накопил и политический и инженерный опыт, но они мне показались мизерными перед грандиозностью поставленной Лениным проблемы. Ибо он внес в мои предложения существенные дополнения. Главное было в том, что Ленин предлагал мне сделать план не технический, а государственный.

И тогда я пошел к Александру Дмитриевичу,— сказал Кржижановский.— Пошел, надеясь на его государственный и жизненный опыт, на его знание крестьянина, участие которого было необходимо на огромных просторах России, где понадобятся миллионы рабочих рук, чтобы поднять, подвезти миллионы тонн торфа, угля, сланца, чтобы спилить и поставить миллионы столбов для электролиний, и многое, многое, что может быть поднято только руками народа.

Возможно, вы и вспомните,— говорил Кржижановский с мягкой улыбкой,— как мы вечерами запирались с вашим отцом в кабинете у вас дома. Это были долгие, смею сказать, одухотворенные беседы — совместный анализ ленинских предложений, наметки будущего плана, в котором должны были сомкнуться инженерная, экономическая и государственная мысль.

Помощь вашего отца была бесценна. Я посчитал, что должен вам рассказать о его участии, о его руководстве во все годы от создания первенцев ГОЭЛРО — Каширы и Шатуры — до крупнейшего Днепрогэса.

Вот вам характерный документ,— Глеб Максимилианович достал тетрадь с закладкой,— приготовил для нашей с вами встречи. В 1924 году, через пять месяцев после смерти Владимира Ильича, когда в ближайшие полтора-два года предстояло закончить строительство ряда районных электростанций, ваш отец уже ставил перед Госпланом новую задачу. Вот она...

Кржижановский прочитал:

— «Я считаю правильным, чтобы Госплан теперь же приступил к разработке плана постройки электрических районных станций второй очереди»...— И дальше, чрезвычайно точно отображающее характер Александра Дмитриевича и стиль его руководства: — «Работу эту, по моему

мнению, необходимо совершить без помпы и шума... Я очень Вас прошу это дело тщательно обсудить в Малом Президиуме и, затем, дать ему движение».

Да,— сказал Глеб Максимилианович,— строили! Строили электростанции во исполнение фантастически смелого и реальнейшего из реальнейших ленинского плана ГОЭЛРО.

Он повернулся к картине, висевшей на стене по левую его руку, Бялыницкий-Бируля,— снежная степь, деревенька, прикорнувшая в сугробах, в морозной мгле.

— Вот такая Россия досталась нам в семнадцатом,— сказал он.— Помните Уэллса «Россию во мгле»? Он не сумел угадать ее рассвета. Уверяю вас, это не просто близорукость, это — ограниченность мировоззрения.

Меня пленяла в вашем отце,— продолжал Кржижановский,— его увлеченность масштабностью задач, которые ставил Ленин, и та трезвость ума, с которой он подходил к их решению. Владимир Ильич не раз мне говорил, как он ценит в Александре Дмитриевиче глубокий природный ум и величайшую добросовестность в государственной работе...

А сейчас я подарю вам одно сообщение, которое явится для вас и, несомненно, для многих открытием,— он улыбнулся, встал, легкий в движениях, снял с полки том Горького: — Алексей Максимович тут пишет, что в суждениях Владимира Ильича он слышал искреннее удивление перед талантами и моральной стойкостью людей, деливших с ним тяжелый труд управления Республикой «в адовых условиях 1918 до 1921 года». И вот оно, для нас с вами важное:

«Именно с уважением и удивлением он сказал, проводив из кабинета одного товарища «хозяйственника»:

— Вы давно знаете его? Он был бы во главе кабинета министров любой европейской страны.

И потирая руки, посмеиваясь, добавил:

— Европа беднее нас талантливыми людьми».

Так вот, могу вам сказать точно,— продолжал Кржижановский,— что этот товарищ «хозяйственник» был ваш отец. Говорю вам не голословно, именно эти слова о нем повторил Владимир Ильич в беседе со мной и прибавил, что недавно беседовал об этом с Горьким... Ну как, сделал я вам подарок? — улыбнулся Глеб Максимилианович.

— Сделали,— ответил я.— Глубоко благодарен вам.

А он уже снова был во власти воспоминаний. С удивительной живостью его мысль перемещалась во времени.

— Восьмой Всероссийский съезд Советов — этого за-

быть нельзя,— сказал он.— План ГОЭЛРО был издан к съезду книжечкой, довольно объемистой. Владимир Ильич поднял ее над головой, показал переполненному залу и назвал «второй программой партии».

Он дал мне слово, и я говорил, как это будет. Загорались красные электролампочки на карте от прикосновения моей указки — будущие электростанции, а редкие, синие обозначали те немногие, что существовали. Представьте себе минуту в зале, когда вся страна оказалась покрытой электрическими огнями... Чтоб зажечь эту карту, в Москве на несколько минут выключили свет, оставались только дежурные лампочки по 16 свечей в больницах, детских домах и на предприятиях.

Я рассказывал делегатам об энергетике будущего, зная, что на улицах Москвы растащены на топливо заборы, что зябнут дети в жилищах, что без топлива бездействуют фабрики. Я сказал делегатам: от наших рабочих рук зависит, чтоб сказка стала явью.

Помните, Уэллс, выслушав план электрификации России, назвал Ленина в своей книге «кремлевским мечтателем». Но смею заверить, мечты Владимира Ильича были продуманы им практически, государственно. Вот послушайте...

И он стал читать, раскрыв закладку в ленинском томе:

«Г. М.! Мне пришла в голову такая мысль.

Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словом, но и примером.

Что это значит?.. Для этого надо теперь же выработать *план* освещения электричеством **каждого** *дома* в РСФСР.

Это надолго, ибо ни 20 000 000 (—40 000 000?) лампочек, ни проводов и проч. у нас *долго* не хватит.

Но план все же нужен *тотчас*, хотя бы и на ряд лет.

Это во-1-х.

А во-2-х, надо *сокращенный* план выработать тотчас и затем, это в-3-х,— и это самое главное — надо уметь вызвать и *соревнование и самодеятельность масс* для того, чтобы они *тотчас* принялись за дело.

Нельзя ли для этого тотчас разработать такой план (примерно):

1) все волости (10—15 тыс.) снабжаются электрическим освещением в *один* год;

2) все поселки (1/2—1 миллион, вероятно, не более 3/4 миллиона) в *два* года;

3) в первую очередь — изба-читальня и совдеп (2 лампочки);

4) столбы *тотчас* готовьте так-то;

5) изоляторы *тотчас* готовьте *сами* (керамические заводы, кажись, местные и маленькие?). Готовьте *так-то;*

6) *медь* на провода? *Собирайте сами* по уезду и волостям (тонкий намек на колокола и проч.);

7) обучение электричеству ставьте так-то.

Нельзя ли *подобную* вещь обдумать, разработать и *декретировать?*

Ваш *Ленин*».

Великолепный документ, не правда ли,— увлеченно спросил Глеб Максимилианович.— Кстати,— вдруг засмеялся он,— сколь необходима была пропаганда электричества! На Шатурской ГРЭС в одной из деревень, куда от «времянки», освещавшей стройку, провели линию, тот крестьянин, что дал у себя на участке первым поставить столб и получил даровой свет, пошел к инженеру Винтеру Александру Васильевичу и заявил ему: «На чаек бы с вашей милости». Вот так-то...— Смех у Кржижановского был летучий, быстрый.

Поставил том на полку. Движения его худощавых рук были изящны. Его облик давал ощущение душевной корректности. Я смотрел на нашего 84-летнего современника и заставлял себя вспомнить, что передо мной один из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», товарищ Ленина по сибирской ссылке. Что там, в Минусинском крае, он вместе с Надеждой Константиновной был первым читателем ленинского труда «Развитие капитализма в России»; что там, на берегу скованного льдом Енисея, Ленин рассказывал ему о задуманной им газете «Искра»; что он, человек, полный молодого задора, обладающий талантливой памятью, был членом оргкомитета по созыву II съезда партии, который мы изучали по истории; что вот уже 30 лет он действительный член Академии наук и долгие годы ее вице-президент. Товарищ моего отца... Живая история нашей страны и партии...

Да, я заставлял себя это вспомнить, потому что наш гостеприимный хозяин был молод и деятелен. Слушая его, я ощущал преемственность, нераздельность Истории. Он был ярко современен. Сейчас он увлеченно говорил об атомной энергетике:

— Вы задумывались над тем, какие любопытные закономерности установило само время? Друзья мои, обратите

внимание, как соотнесены социальные формы развития с достижениями общественного разума! Если век пара — это век капитализма, а век электричества — век социализма, то век раскрепощенной внутриатомной энергии — это век развернутого наступления коммунизма...

Он водил нас по кабинету и библиотеке, показывая в старинных рамках фотографии товарищей, которые живы для него всегда.

— Узнаете? Да, ведь вы ее не знали. Карточка уже пожелтела. Это Инесса Арманд, революционерка и прелестная женщина. И хотя она была крупным деятелем российского и международного рабочего движения и членом ЦИКа, я, подшучивая над ее женским обаянием, по-приятельски называл ее Беатриче (помните, у Шекспира в «Много шума из ничего»). Она сердилась и смеялась...

Глеб Максимилианович снял с полки толстый том с блестящим тиснением на корешке. К нашему изумлению, под обложкой «Технической энциклопедии» были...

— Да-с, стихи,— сказал Кржижановский.— Пишу иногда по старой памяти. Почему в эту книгу? — он засмеялся.— Старая привычка к конспирации. Стихи — дело личное. Так хотите почитаю?

И он, автор знаменитой «Варшавянки» («Вихри враждебные веют над нами») и революционной песни «Беснуйтесь, тираны», стал читать. Стихи оказались несовершенны, даже наивны по форме, и это было странно при рафинированном облике нашего хозяина. Но они были искренни. Это были стихи о моем отце.

И горсть людей, предельно смелых,
своей рискуя головой,
в прах разнесла надежды белых,
что голод сокрушит наш строй.
Всю эту рать людей отважных
пришлось Цюрупе возглавлять.
На этот выбор в деле важном
не приходилось нам пенять.
Великий подвиг Наркомпрода
еще своих поэтов ждет.
В бессмертной памяти народа
его заслуга не умрет...
И наше счастье, что в те годы
свершала партия отбор
вождей великого народа,
отбросив вредоносный сор.

И среди них Цюрупы имя
не позабудет наш народ,
гордится мир людьми такими
и их наследием живет.

— Ну вот,— застенчиво улыбнулся Глеб Максимилианович.— Можно, конечно, поднять со дна моря воспоминания, их тысячи, но я полагаю — тут сказано главное.

Мы попрощались. Я поблагодарил его. Он задержал нас на пороге:

— Погодите же, я хотел вам подарить вырезку из старого номера «Правды». Там я написал о вашем отце...

На улице уже стемнело. Стоя под фонарем, мы читали:

«Всегда приветливый, всегда вдумчивый, всегда самособранный и не щадящий своих сил, Цюрупа своим личным примером воодушевлял целую армию своих сотрудников, из которых многие и многие мученически закончили свой славный путь, служа новой пролетарской Родине.

В этой работе и сжег свои физические силы Александр Дмитриевич. Мучительные недуги стали медленно, по неуклонно подтачивать эту драгоценную жизнь.

Но как только наступала временная передышка, Александр Дмитриевич вновь был за своим рабочим столом на новых ответственных постах общественно-советского строительства. Всегда скромный, всегда простой, всегда доступный, как скромен и прост был и тот великий человек, который сумел вовремя оценить и выдвинуть Цюрупу».

Глеба Максимилиановича я знал с детства, видел его у нас дома, имел честь мальчишкой играть с ним в шахматы в небольшом подмосковном доме отдыха «Архангельское», только названием совпадавшем со знаменитыми дворцами Юсупова. Здесь был рубленый дом, двухэтажный, внизу столовая, в нее выходили двери из комнат. Наверху была бильярдная, оставшаяся от старого владельца. Вокруг дома парк, переходивший в лес, с дубами, березами, орешником. Глеб Максимилианович называл Архангельское «местом чудесной ссылки», сюда хотя бы на несколько дней Владимир Ильич «ссылал» «переуставших» работников.

Там, в Архангельском, отец много бродил по парку и с Глебом Максимилиановичем Кржижановским. Это, я помню, было уже зимой. Очистив веткой скамью от снега, они садились и с карандашом подсчитывали в блокноте неотложные нужды энергостроительства.

Когда я обходил их скамью на лыжах, отец, посмеиваясь, говорил:

— Сын даст вам справку, Глеб Максимилианович, он в Кашире старожил. Мы с женой отправляем его туда для «подпитания», больно он у нас тощ.

Конечно, это была шутка. Какую справку я, мальчишка, мог дать председателю ГОЭЛРО, под руководством которого претворялся в жизнь грандиозный проект разработки торфяных залежей, возведения электростанций на подмосковных, тульских, кузнецких, донецких углях и гидростанций на реках Волхове и Свири, на Кавказе и в Туркестане...

Но в Кашире я и правда был «старожилом».

Дело в том, что главным инженером строящейся Каширской ГРЭС был назначен младший брат моего отца, Георгий Дмитриевич Цюрупа. Он считал себя воспитанником нашего отца.

Георгий Дмитриевич имел многолетний инженерный опыт работы на электротехнических заводах Сименс — Шуккерт. По просьбе Владимира Ильича отец представил ему брата.

Ленин, беседуя с ним, отметил, что он понимает перспективы электрификации Республики и то, что ей не по карману сжигать в котлах электростанций нефть — надежду развивающегося экспорта, и необходимость строить станции на дешевых бурых углях, на торфе и водных ресурсах.

...Семья дяди Егора, как семьи других инженерно-технических работников, жила в коттедже, на краю старого помещичьего сада. В липовой аллее росло столько ландышей, сколько я за всю жизнь не видал.

(Впрочем, нет, еще однажды видал, через много лет, в 1942-м. После тяжелого ночного марша была дана команда на привал. Мы, солдаты, спали вповалку на весенней земле, натянув шинели углом, чтоб прикрывали от уха до пяток. А проснувшись, увидали, что под плечом, под щекой у нас прорва ландышей и под колесами пушек — раздавленные россыпи крохотных белых колокольцев. Но это будет еще далеко впереди, за пределами этой книги...)

В семье дяди Егора росли две дочери. Были еще сверстники. Нас, мальчишек, неодолимо тянула к себе стройка. Мы удирали от девочек к чаше котлована. Оттуда неслись голоса, стук топоров, скрежет лопат. Лошади, оскальзываясь на мостках, тянули грабарки, груженные камнями, досками; каменщики, согнув спины, носили на «козах» кирпич по деревянным лесам. Механизации не было.

Мы с дядей Егором однажды обедали в рабочей столо-

вой. На мой «столичный» взгляд, по-царски: мясо было и в супе и на второе. Паек каширских строителей был приравнен к фронтовому. Когда в Москве выдавали по 100—150 граммов хлеба, они получали по 400—800. Дядя Егор выхлопотал право приписать к стройке совхозы, где работа шла плохо, поля зарастали мелколесьем, фермы пустовали. С помощью «спецов», их дядя Егор разыскал и привлек к делу, по всем имениям собрали скот, сосредоточили его в одном совхозе, в другом наладили свинофермы, в третьем поставили коневодческий завод, обеспечили тяглом стройку и вырастили таких коней, что С. М. Буденный забрал их в Конармию...

...Здесь я должен непременно сказать, что клочковатые, восторженные поверхностные детские впечатления мне помогает осмыслить и пополнить книга воспоминаний Г. А. Калинина «Огни над Окой». Но многое я помню и сам. Помню, как дядя Егор говорил: «Мы на шею государству не сядем, сами прокормимся!» А отец, вспоминая, посмеивался: «Сами-то — сами. Но от Наркомпрода ты, Егор, требовал сполна».— «Что полагалось»,— отвечал дядя Егор.

Когда начался на электростанции монтаж, в воздухе над поселком несся перезвон металла, сварки не было, все делалось на ручной клепке. Мы, мальчишки, подружились со старым клепальщиком. Он нам сказал: «Вы, парнишки, кричите громче. Нас, клепальщиков, глухарями зовут, работа у нас гулкая, как в артиллерии».

Спустя годы у нас дома дядя Егор с отцом вспоминали о трудностях, с какими строилась Каширка. Не было технического снабжения, умельцы в мастерских делали все сами — от скобы для лесов до ремонта бетономешалки и движков.

О золотых руках, о золотых головах мастеров, рабочих, специалистов рассказывал дядя Егор. Не было еще насосной станции, воду возили бочками из Оки, а рабочие догадались с того высокого берега из ключей воду подавать на стройку по деревянным желобам до морозов. По подсказке крестьян обнаружили каменоломню, из которой подрядчики когда-то возили белый камень в столицу. Теперь камень возили для облицовки эстакады по выстроенному плотниками наплавному мосту, его раздвигали, пропуская суда.

— А помнишь историю с турбиной? — спрашивал дядя Егор отца и хохотал: — Это ж приключенческий кинофильм! Получили мы на нее разнарядку, а она — у белых!

Белые переправили ее в Поволжье, оттуда загнали в Кузбасс. Освободили Кузбасс — где турбина? А они ее угнали на Дальний Восток. Вот оттуда, после разгрома врага, нашу душеньку препроводили к нам в Каширу.

А помнишь поджоги в деревнях? Крестьяне на стройке, а деревня загорается,— вспоминал дядя Егор.

Два таких страшных пожара я видел. Пылала деревня на том берегу, зарево — в полнеба. Дядя Егор вызвал пожарную команду из Каширы за 8 верст, а сам с нашими пожарниками помчался на место бедствия. Вернулся черный от гари. Едва отмылся, как заполыхала другая деревня. И он опять умчался с пожарниками. Орудовал враг.

— А помнишь,— спросил отец,— как ты, Егор, по своей беспартийной закваске, восстал против «двоевластия», когда к тебе назначили комиссаром единственного на стройке коммуниста? А Владимир Ильич, который тебя всегда поддерживал, тут не поддержал. Напротив, на стройку были направлены еще дельные коммунисты, партийная организация у вас стала расти, и комсомол вырос отличный, на них тебе не приходилось пенять...

— Да,— согласился дядя Егор, всю жизнь остававшийся беспартийным,— коммунисты работали самоотверженно, и комсомольцы с песнями, не разбирая иной раз дня и ночи, выполняли любое задание. Когда весной Ока прорвала перемычку, коммунисты и комсомольцы первыми вошли в ледяную воду. Вместе с ними на ликвидации пробоины работали беспартийные... Но самым трудным,— вспоминал дядя Егор,— был день, когда проводили пробную растопку котлов. Да не день, а трое суток. Бились, задыхались от едкого дыма, а проклятый уголь не загорался. Сердце раскалывалось от тревоги — что я скажу Владимиру Ильичу...

И снова спасли золотые головы специалистов и рабочих.

Поняли, что этому углю надо больше воздуха. Наново переложили своды, усилили тягу, поставили вентиляторы, уменьшили скорость решет, чтобы мелочью не заваливало пламя. И заставили гореть местные угли...

Торжественное открытие состоялось без Владимира Ильича 4 июня. На митинге предстояло выступить Михаилу Ивановичу Калинину и моему отцу.

Я прочитал в описании митинга, что на главном здании электростанции был поднят плакат — яркий документ времени:

«Упорным трудом, молотом, плугом и лопатой мы построим наше народное хозяйство».

Мне не пришлось видеть этого плаката. Я не видел открытия. Мы с Димой должны были приехать в Каширу с родителями. Но начались каникулы, и он отказался ехать, решил идти в Политехнический музей.

Утром, помню, мама уже одета для поездки, и отец уже готов, и я только жду, что меня позовут. И вдруг слышу из столовой встревоженный голос отца:

— Где же Маня? Куда она пропала? Ведь машина ждет!

Маму непривычно вызвала к себе наверх наш друг Лидия Александровна Фотиева. Чтобы первый удар отвести от отца. На нашу семью обрушилось горе. Не стало Димы.

15-летний подросток, он возле Политехнического музея неудачно спрыгнул на ходу с задней площадки первого вагона, налетел на столб и, отброшенный им, погиб под колесами прицепа.

Во внутреннем дворе Кремлевского дворца, в маленькой, ныне снесенной церкви Спаса на бору, превращенной в морг, рядом с гробом ссутулясь сидел отец, закрыв лицо руками. Я стал рядом. Он опустил руки, взглянул на меня, глаза его были сухи, но словно незрячи.

Мама не плакала. Она окаменела от горя...

Позднее мы с отцом бывали на Каширской ГРЭС. Видели ее белые эстакады и святую святых — трансформаторный зал, названный одним из летописцев Каширки «храмом молний».

Как-то я обнаружил, что в Центральном государственном архиве кинофотодокументов в выпуске «Киноправда» № 2 от 12 июня 1922 года есть кадры: отец выступает на торжественном открытии Каширской электростанции. Я не знал об этом. Значит, в тот тяжелый день он нашел в себе силы поехать, выступить.

Строительство Каширской ГРЭС выросло в кузницу кадров энергостроителей, они работали на всех энергетических стройках страны.

Сегодня, когда плотины мощных электростанций обуздали энергию великих рек и могучие опоры ЛЭП, несущие непредставимые в те далекие годы напряжения, шагнули от границ до границ, объединив поток энергии в единую государственную энергетическую систему, первенец ГОЭЛРО, все еще живая, работающая, но уже на усиленных мощностях Каширская ГРЭС, и люди, создавшие ее, достойны нашей уважительной памяти.

У НАС ДОМА, В КАВАЛЕРСКОМ КОРПУСЕ

Миновали самые трудные годы, чувство голода иногда вспоминалось во снах. Мы подросли.

Дома у нас было шумно и весело. В столовой собирались за длинным столом-«сороконожкой», по-прежнему накрытым клеенкой. Наши родители любили, когда приходила молодежь. Спускалась с верхнего этажа Лидия Александровна Фотиева, садилась к роялю.

Лидия Александровна Фотиева вспоминает об отце, о нашем доме: «В квартире его всегда было людно. Я была свидетельницей этого, потому что жила рядом и почти ежедневно бывала в семье Цюрупы. К нему тянулись люди за советом и помощью, сочувствием и просто так, чтобы побыть с ним и позаимствовать от него жизненную энергию и непреклонную веру в преодоление всех трудностей...»

Помню, у нас в столовой повесили черную тарелку громкоговорителя. Кремль радиофицировали раньше, чем весь город, и это было в нашем доме событием, но звучание было несовершенно.

Рассказывает Павел Иванович Сараев, в ту пору директор сельскохозяйственного института, носившего имя отца. Приехал он в Москву с двумя лучшими выпускниками для поступления в Сельскохозяйственную академию им. Тимирязева.

Отец встретил их приветливо, одобрил:

— Нам нужны образованные агрономы из нашей среды.

Павел Иванович вспоминает:

— Провинциальный работник и два студента, в незнакомом столичном обществе мы чувствовали себя воистину как дома. Приветливость Марии Петровны, деловой разговор А. Д., без тени превосходства... Нарком познакомил нас со своим старшим сыном — курсантом школы им. ВЦИК, с младшим, мальчуганом, которого звал «мой адъютант». В этот день я впервые услышал о радио и в натуре увидал громкоговоритель. Александр Дмитриевич поручил

своему «адъютанту» угостить нас этой новинкой, но сколько Всеволод ни крутил и ни переставлял рупор, кроме писка и хрипа, ничего не было слышно. Александр Дмитриевич звонил коменданту Кремля, но так мы и не послушали радиопередачи...

Рассказывает наша названая сестра Аля, Александра Федоровна Бобкова:

— Особой щедростью души обладали Александр Дмитриевич и Мария Петровна, исключительной любовью к детям. Когда в трудные годы, в Кремле, к своим детям прибавилось еще нас четверо, приемных, все мы чувствовали себя дома. Дядя Саша особенно ласков был с Гайшой, которая вначале и по-русски не говорила, была заморенным, худеньким ребенком. Он, занятый огромной важности государственными делами, всегда старался приласкать Гайшу. А разве могу забыть о том, как, совсем еще маленькая, в Уфе, я заболела туберкулезом позвоночника, у меня отнялись ноги, и Цюрупы позвали нас с мамой жить у них в доме. Сколько заботы отдавала мне тетя Маня! А дядя Саша, возвратившись с работы, первым делом шел в комнату, где лежала я, спрашивал ласково:

— Алечка, ты, наверно, устала лежать на спинке, дай я тебя поверну на бочок...— и поворачивал меня своими сильными, осторожными отцовскими руками.

А в Москве сколько забот доставляла Марии Петровне и Александру Дмитриевичу вся наша подросшая «армия»! Многое пало на плечи тети Мани. Вечно полный людей дом, громадная семья и явная материальная недостаточность, тяжело больной муж, несший груз государственных забот... Я восхищалась сдержанностью и выдержкой тети Мани, ее мужеством, которое она проявила после смерти дяди Саши. Она только сразу, буквально на глазах, физически уменьшилась, оставшись в своем поведении такой, как раньше. Она постепенно угасала. Шутя, ободряла нас:

— Мне еще обязательно нужно пожить, чтобы увидеть мировую революцию и покататься на метро...

Тогда метро еще только строилось...

Верная спутница нашего отца, мама, пережив его на пять лет, умерла в 1933 году. Но в ту пору, о которой я пишу, родители разделяли с нами и заботы и веселье. В нашем доме собиралась молодежь. Засиживались. С транспортом было плохо, и мама ходила и считала диваны — где кого можно уложить спать. Если отец возвращался не слишком поздно, он непременно подсаживался к нам либо подавал веселые реплики из кабинета. Мы накрывали

стол для «пира» — бутылки с газированной водой, сыр, хлеб.

Наша семья всегда жила скромно. Отец всю получку (партмаксимум) отдавал маме, по утрам говорил:

— Маня, дай, пожалуйста, на папиросы.

Когда мамы не стало, сестра Валя нашла ее записную книжечку, в ней столбиком были записаны незначительные суммы, одолженные до получки...

На наших «буйных» вечерах с нами, младшими, не однажды отплясывал Петя. Он был взрослый, высокий, девчонки гордились таким партнером. В один из вечеров он стряхнул с себя всех нас, виснувших на нем, подсел к отцу. Я, взъерошенный, в разгаре веселья, остановился за отцовским креслом. Отец покачивал на ладони ломоть хлеба.

— Жизнь спасал человеку такой ломоть,— говорил он.— А помнишь, Петруша, как твой товарищ из воинской части вдруг привез от тебя посылку. Не помню уж что в ней было...

— Конечно, не помнишь,— засмеялся Петя.— Мне Борис написал, вы с мамой тут же отправили посылку в детский дом...

Храню рукописные воспоминания продармейца Бориса Шварцбурга, этого самого Петиного однополчанина:

«Возвращаясь с Восточного фронта, навестил семью боевого товарища Петра Цюрупы. Александр Дмитриевич чутко отнесся к тяжелой работе продармейцев. Его интересовало, как шла по бездорожью транспортировка продовольствия, как решали проблему тары. Мы рассказывали, что обеспечивали дивизию теплой одеждой и обувью — началась суровая сибирская зима. В Петропавловске нашли 20 тысяч овчин, реквизировали, наладили пошивку полушубков. В селе Петухово нашли запасы шерсти, организовали валяние валенок. Штаб отпустил денег для организованного расчета с кустарями.

Нарком похвалил за то, что использовали помощь сельской кооперации. Он с огромным вниманием слушал, как наш маленький отряд в степях, при морозе в 40—50 градусов, отдалялся от своих частей на 300 верст, приходилось вступать в стычки с бандами — осколками колчаковской армии.

О его сыне Петре я рассказал, что в нем сочетаются самоотверженность и бесстрашие бойца и яркий пропагандистский талант. Его выступления на митингах разоблачают злобную клевету на Советскую власть, распростра-

няемую кулаками и дезертирами. В 1919 году 17-летний продотрядовец Петр Цюрупа был принят в партию...»

Храню воспоминания и другого товарища Пети, Василия Ивановича Цыбина, полковника в отставке. Они вместе учились на командирских курсах тяжелой артиллерии:

«Во время подавления кронштадтского мятежа Петька Цюрупа был замковым в моем орудии. Он славно держался в бою. После пришел приказ о демобилизации бойцов 1902 года рождения и моложе. Петя демобилизовался и уехал в Москву. Но дней через 10 вернулся. Отец отправил его обратно, сказав, что республика только оправилась от удара и защищать революцию необходимо».

Из письма В. И. Цыбина, написанного после Великой Отечественной войны: «...с Петром нашим получилось так: в 41-м он был зачислен в московское ополчение командиром батареи 45-мм противотанковых пушек. Дошел до Спас-Деменска, во время боя был ранен в обе ноги. Когда наши отошли, он в таком состоянии, без помощи, при выходе из окружения попал в плен. Только в таком тяжелом положении могли взять его».

Из письма Константина Константиновича Ембулатова, учителя из села Бастаново Сасовского района Рязанской области. Написано в 1949 году: «Долго не писал, сомневался в точности адреса, когда нас обыскивали в гестапо, бумагу с адресами взял в рот, чернила расплылись... Я попал в плен 12 октября 41-го года, и мы подружились с Петром Александровичем. Дружили капитан Федяев Александр, окончил Академию им. М. В. Фрунзе в Москве, Петр Александрович Цюрупа, Мачуговский Вячеслав из Москвы, ул. Чкалова, д. 66, где станция метро «Курская», квартиру не помню, и — я.

Федяева немцы повесили в концлагере Бухенвальд (в Германии), Мачуговский Вячеслав умер от истощения в г. Каунасе. Петр Александрович умер в Молодечно, а я остался жив. Вынес весь кошмар плена, но стал носить очки, появилась седина, а ведь мне тогда было всего 19 лет.

С Петром Александровичем мы были вместе в Юхновском лагере, нас переправили в Кричев, оттуда в Рославль, в Могилев. В Могилевском лагере с конца октября 41-го года по январь 42-го года вымерло 32 тысячи военнопленных.

Нас заставляли грузить железнодорожные платформы. Работали с 6 утра до 8 вечера, получали 200 граммов хлеба и один раз баланду из очисток. При отказе от работы

нас избивали резиновыми дубинками и прикладами, зимой обливали водой, оставляли на улице на несколько часов, запускали на нас овчарок...»

При встрече Костя Ембулатов рассказал:

— Эсэсовец в лагере ударил Петра Александровича по голове и глазам, разбив очки. Без очков Петр Александрович был беспомощен из-за сильной близорукости. Заключенные помогли ему искать очки в снегу.

— Нашли? — замерев, спросили мы, близкие, слушавшие его.

— Нашли, разбитые, все-таки глядеть в них можно было.

И мы, со странным чувством облегчения, вздохнули, хотя знали, что помочь ему было нельзя, оставались считанные дни его жизни.

Из письма Кости: «Я остался жив только из-за поддержки Петра Александровича. По его совету сбежал из-под автоматов 25 охранников с температурой 40—41 градус, бродил девять суток по пояс в снегу в белорусских дремучих лесах. Мой побег был неудачен. 28 суток просидел в карцере... Благодаря поддержке П. А. я остался жив среди 35 тысяч наших умерших, расстрелянных и повешенных друзей в г. Могилеве.

Он завалил меня в бараке дровами, когда я был шесть суток без памяти в тифу. Иначе фашисты сбросили бы меня в братскую могилу на границе могилевского аэродрома. Да, я знаю эти могилы, их 60, в каждой по 600 моих друзей. Я знаю эти могилы, я ходил туда по совету П. А. собирать гнилую картошку, она находилась через дорогу...

Там, в лагере, Петр Александрович заболел сыпным тифом. Ухаживая за ним, заболел и я. Медицинской помощи не было. Люди умирали по 500—600 человек в день. Петр Александрович, знавший английский, услышал от офицеров: «Евреев мы уничтожим всех до одного, а русские сами вымрут».

Крепкий организм Петра Александровича перенес тиф, но он так ослаб, что дуновения ветра хватило бы, чтоб свалить его.

Из Могилевского лагеря нас, всех командиров, вывезли в Молодечно. Здесь П. А. снова заболел. Он все твердил: «Костя, если останешься жив, заезжай в Москву, говори моим детям, что я не забыл о них, что скоро вернусь».

12 апреля 1942 года он умер от полного истощения. Похоронить его нам, командирам, не разрешили. Они по-

хоронили его за проволокой в братской могиле — 600 человек, расстрелянных за подкоп под проволоку для побега...»

Через многие годы дочь Петра, Маша, ездила на братскую могилу.

А я вспоминаю, как среди нашего молодого веселья сидят отец с Петей и девочки норовят вытащить Петра танцевать, он отвечает мягкой улыбкой и не идет, поглощенный беседой. А отец бережно покачивает на ладони хлеб, которого уже было вдосталь.

Мог ли он в ту добрую минуту представить себе, что его сына постигнет от рук врага мученическая, голодная смерть?..

...Воспоминания врываются в нашу жизнь. Разбуженные ассоциациями, они нарушают последовательность повествования.

Помню в нашей столовой стол-«сороконожку», во главе которого сидел отец, а по сторонам — мы, мелюзга. Всем, кто бы ни пришел, за ним хватало места. Мама была гостеприимна. Она сердилась только на Свидерского за то, что он является к ночи, засиживается и не дает отцу выспаться. Когда он приходил, допоздна доносились из столовой раскаты хохота.

Свидерский, увлеченно рассказывая, сильно жестикулировал. Отец посмеивался над этим и утверждал, что именно по этой причине однажды ножки стола подкосились и рухнула посуда. Полстолетия жили в семье — все в щербинах — уцелевшие фаянсовые тарелки с характерными для той поры надписями: «Борьба родит героев», «Кто не работает, тот не ест». Теперь такие можно встретить только в музеях.

Тут, в столовой, помню такую сцену... В ней и в ее последствиях отразилось отношение отца к воспитанию детей. Мама показывает ему синяк на моей физиономии, жалуется:

— Приходит который раз в синяках и отмалчивается.

Не выдержав внимательного взгляда отца, я признался: когда, гуляя, хожу вдоль стены Зачатьевского монастыря (для краткости мы называли его «Зачмон»), на меня налетает какой-то мальчишка и навязывает мне драку.

— Он старше тебя? — спросил отец.

— Нет. Но сильнее меня и ловчей.

Я всякий раз оказывался битым. Можно бы пойти в обход, но это значило позорно отступить, и я каждый день нарывался на ненавистный неравный поединок.

Мама сказала отцу:

— Не желает твой сын ходить другой дорогой. Это твой, твой бес упрямства сидит в нем!

— Пожалуй, что мой,— согласился папа.— Только вы, женщины, не вздумайте навязывать ему провожатых. Не оскорбляйте его мужское самолюбие.

— Мужское? — мама улыбнулась. Младший в семье, я в свои 11 лет все еще казался ей маленьким. Она стала объяснять отцу, что я ослабленный, что добрый и не люблю драться. Мне были обидны эти слова. Хотя драться я действительно не любил.

Но отец возразил маме:

— Добрый — это хорошо. Однако в народе говорят, что добро должно быть с кулаками, иначе как ему, добру, свое доброе защитить от зла? И вот что, Маня, хватит сына опекать. Видишь, как он от себя опеку отталкивает? Укрепить его надо.

— Ах, Саша,— ответила мама.— Это все теории, а у него опять синяк.

Нет, оказалось, это была не теория. Летом меня и двух двоюродных братьев-однолеток под водительством студента Коли на три месяца каникул отправили в самостоятельное путешествие за тысячу верст, в Казахстан, на кумыс. Теперь там курорт, а тогда эти места были дикие. Поезд вез только до Петропавловска, дальше путь был разрушен. Добирались на лошади. Жили «дикарями», научились стрелять, уток добывали в пути на малых озерах. На необъезженном коне скакали по ковыльной степи. Когда конь сбрасывал, старались не реветь. Я неосторожно подошел к коню сзади, он лягнул меня в горло. Еле выжил. А когда встал, старый казах сказал мне:

— Ничего, крепче будешь.

За лето выпили, наверно, цистерну кумыса, загорели, вволю надышались степным воздухом. Первыми словами, которые мы услышали, вернувшись, были:

— Как помужественели мальчики!

И я уверовал, что помужественел. С тем и пошел мимо «Зачмона». И мой недруг налетел на меня. Но теперь я крепко дал ему сдачи. Его как ветром сдуло. В нем не оказалось «отцовского беса упрямства».

Как же хохотали отец и братья, когда я рассказывал о победном сражении «под Зачмоном»!

— Видишь, Маня, я был прав,— отирая слезы, выступившие от смеха, сказал маме отец.

...Раннее, очень дорогое воспоминание, наверное 1919 год. Мы пьем морковный чай, каждый со своим пайковым куском хлеба. У нас еще нет будущего любимца — самовара, он появится позже; из общей кухни старшие приносят большой медный чайник. Сидим за столом, вдруг приходят Владимир Ильич и Надежда Константиновна. У него в руке небольшой кулек.

Владимир Ильич сказал нам, что получил дорогой подарок. И сейчас сделает всем детям сахароброды.

Он посыпал наш хлеб сахарным песком. Какой был праздник!

Подарок был слишком мал, чтобы отправить его, по обыкновению, в детский дом. Ленин принес его детям Цюрупы.

Мы любили рассказы Надежды Константиновны, полные юмора и лукавства. Помню, она рассказывала при папе про него самого, что слышала, мол, как до революции молодой агроном соорудил гектограф, собрался тайно печатать революционную листовку, сварил клейстер, но вдруг вошел сторож и увидал варево:

— А что это у вас, молодой человек?

— Кисель.— И незадачливый конспиратор, чтобы рассеять подозрения, варево это выпил.

Отец хохотал, утверждая, что это поклеп, не пил он клейстера (мы совсем не слышали в ту пору его смеха, и теперь я думаю с благодарностью и уважением, как настойчиво, как дружески возрождала в нем Надежда Константиновна свойственный ему юмор и способность радоваться шутке), он клялся, что не пил того злополучного клейстера, а Надежда Константиновна лукаво поблескивала глазами из-за стекол очков. Или она тогда еще очков не носила? Может быть, то детское воспоминание вытеснили позднейшие портреты?

...С Кавалерским корпусом связаны многие детские воспоминания. Помню, однажды Владимир Ильич «казнился», рассказывая о случае, когда неправильно написал фамилию нашего отца.

— Случился со мной такой казус, переставил буквы! — говорил он.— Я тогда же принес Александру Дмитриевичу свои извинения!

Речь шла о записке, давным-давно, в 1918 году, переданной отцу на заседании:

«т. Цюрупа (Ленин написал ЦУрЮпа.— *В. Ц.*)! Вид

больной. Не теряя времени,— на двухмесячный отдых. Если не обещаете точно, буду жаловаться в ЦК. *Ленин»*.

— Такой пустяк, Владимир Ильич,— сказал отец.— У фамилии украинский корень, для нас, русских людей, ставить после Ц букву Ю непривычно.

Надежда Константиновна засмеялась:

— А вот уж я никогда не ошибусь. Я себе велела раз и навсегда: подумай, как надо, и напиши наоборот!..

...Как-то я прочитал в заметках писателя Эммануила Казакевича, которого знал и любил:

«Скромность Ленина вошла в поговорку, однако беспрестанные, назойливые разговоры о ней кажутся мне иногда чем-то неприличным или, во всяком случае, неумным...»

Соглашаясь с неприятием назойливости, я, однако, не могу забыть о том, как кристально скромны в жизни были Владимир Ильич и люди, работавшие рядом с ним. Скромность не декларировалась, она была органической нравственной нормой.

Алексей Иванович Свидерский не без юмора рассказывал у нас дома о том, как Игнатию Корнельевичу Гудзю было поручено написать об отце статью в Энциклопедический словарь Граната.

Биограф написал, опираясь на факты, со всей объективностью.

— Если бы вы видели, какие молнии метал Александр Дмитриевич,— хохотал Свидерский.— Он заявил, что возмущен, статья «возвеличивает его персону», игнорирует, что все сделанное им сделано вместе с товарищами. Он потребовал, чтобы я привел статью «в нормальный вид, устранил всякую похвалу и оставил только голые факты». Когда я, прочитав эту справку, решительно не увидел в ней ничего «возвеличивающего» и отказался ее переделывать, Александр Дмитриевич взялся за нее сам...

Помню, как Алексей Иванович, со свойственной ему экспрессией, с ироническим хохотком рассказывал нашей маме, как отец расправлялся со статьей, вымарывая все — от работы по созданию «Искры» до своей государственной деятельности. Он оставил голый перечень фактов.

Посмеиваясь, Алексей Иванович говорил отцу:

— И все же, несмотря на все ваши старания, Александр Дмитриевич, вам не удалось скрыть, что из рядового земского статистика, простого агронома, вы стали народным комиссаром, проводившим в труднейшую пору продовольственную политику, решавшую, быть или не быть Со-

ветской власти; стали одним из руководителей государства, заместителем Владимира Ильича. Несмотря на ваши вычеркивания, этого вам не удалось скрыть. Факты и в «голом» виде говорят о многом...

Отец отмалчивался. Он был скромен той естественной скромностью ленинского поколения, о которой упоминать или которую превозносить тоже считал нескромным.

Жена Якова Михайловича Свердлова, Клавдия Тимофеевна, написала в книге воспоминаний, что Яков Михайлович до последнего часа жизни носил одно и то же демисезонное пальто, которое получил в 1909 году в Екатеринбурге с плеч одного местного либерала. Несмотря на то что уже почти полтора года он возглавлял ВЦИК, гардероб не стал богаче, чем был в Нарыме или Туруханске...

2 ноября 1923 года, в ответ на приглашение на дипломатический прием в Латвийское посольство, отец писал с дружеской откровенностью: «Ваше приглашение застало меня врасплох и повергло в уныние, я никак не могу быть у Вас. Так как это письмо совершенно частное и личное, то я могу попросту указать на причину — у меня нет ни костюма более или менее подходящего, ни воротника, ни манжет...»

В своем изрядно поношенном, хотя и неизменно аккуратном костюме он не мог себе позволить представлять Советскую страну.

А вот записка моего отца управделами Горбунову, касающаяся предписанной врачами поездки на отдых: «Прошу Вас отхлопотать для меня и жены местишко в Мухалатке с тем, однако, условием, чтобы из-за меня никто из живущих в Мухалатке не был стеснен ни в малейшей степени. Если в Мухалатке нет, то нельзя ли где-нибудь в другом месте устроить?»

Скромность Ленина и ленинских сподвижников была недоступна пониманию людей с буржуазной психологией. Широко известен опубликованный в воспоминаниях Н. К. Крупской эпизод, она называет его забавным, смешным: на Воробьевых горах они с Владимиром Ильичем встретили сытого вида крестьянина, он сообщил им, что жить стало неплохо, хлеба, мол, у нас много, ну и торговать хорошо, потому что в Москве голодно, за хлеб большие деньги платят.

— Ленин вот только мешает,— сказал он.— Не пойму я этого Ленина. Бестолковый человек какой-то. Понадобилась его жене швейная машинка, так он распорядился вез-

де по деревням швейные машинки отбирать... Весь Кремль теперь, говорят, швейными машинками завален...

«Я уж старалась не глядеть на Ильича, чтобы не фыркнуть»,— пишет Надежда Константиновна.

Конечно, Надежда Константиновна не потеряла ни юмора, ни выдержки, но о том, что ей было больно и обидно слышать клеветнический вздор, я сужу по рассказу ее у нас дома. У опубликованного эпизода было такое же дрянненькое, злобное продолжение. Сытый тот мужичок сказал:

— А шьет она золотыми иголками. Я своей бабе железную достал, везу, хлеба буханку отдал, а этой, видишь, золотые надобны.

— Да где ж она золото взяла? — в растерянности и с огорчением спросила Надежда Константиновна, подумав: знал бы этот спекулянт, как дорога сейчас каждая золотинка в небогатом государственном запасе.

— А чего проще? — со знанием дела объяснил мужичок.— В Кремле выдернули золотой язык у самого голосистого колокола,— молчат ведь колокола-то! — и отковали для ей мастера иголки, хоть сто, хоть тыщу. Им что до того, что народ голодает, у них с Лениным жизнь раззолоченная...

Рассказывая это нам веселым голосом, Надежда Константиновна не улыбалась, может быть, вспомнила об осьмушке хлеба, которую в ту пору получал Владимир Ильич наравне со всеми? Может быть, промелькнула перед нею вся их полная лишений, бессребренная жизнь с Владимиром Ильичем?

Но вдруг она рассмеялась:

— Этот мужичок говорит, а Володя как раз и подошел, я чувствую, что сию минуту он даст бой и с этого типа перья полетят. Тратить на это силы? И я быстренько его утащила.

— Да? Разве ты меня утащила? — удивился Владимир Ильич.— А я и не понял, я думал, что сам ушел.

— Как же,— сказала Надежда Константиновна,— ушел бы ты с поля боя.

МУЗЫКА

После утомительных заседаний по вечерам у нас дома иногда устраивались домашние концерты. Играл пианист Гавриил Иванович Романовский.

Передо мной письмо Г. И. Романовского из семейного архива. Он вспоминает 1919 год, наш дом, отца:

«При первой нашей встрече я играл исключительно И.-С. Баха. Александр Дмитриевич в первый раз в жизни, как он сам сказал, слушал эти произведения и пришел в восхищение от творчества этого гения.

Среди ответственных работников правительства нашлось немало любителей музыки: Л. А. Фотиева — сама пианистка... П. А. Красиков, А. В. Луначарский, т. Дзержинский, т. Берзин, т. О. Ю. Шмидт, т. Курский и другие... Я предложил два раза в неделю устраивать фортепьянные вечера специально для отдыха ответственных работников, переутомленных работой в этот тяжелый год разгара гражданской войны. Моя идея была принята Александром Дмитриевичем с восхищением... Владимир Ильич очень заинтересовался этими вечерами и выразил желание слушать музыку... И вот я начал свои концерты в квартире А. Д. ...Гвоздем каждого вечера, по желанию А. Д., были произведения Баха.

На одном из них, 19 ноября, присутствовал и слушал музыку Ленин...»

...Здесь я должен прервать воспоминания Гавриила Ивановича. Как он объяснял потом нашей маме, будучи человеком деликатным, он не решился нарушить уже опубликованную Анатолием Васильевичем Луначарским дату концерта, на котором Луначарский повстречался с Владимиром Ильичем.

Но сам Луначарский в очерке «Ленин и искусство (Воспоминания)» не настаивает на том, что Владимир Ильич слушал музыку на домашнем концерте у Цюрупы всего лишь один раз. Напротив, он пишет: «Помнится, т. Цюрупа, которому раза два удалось залучить Владими-

ра Ильича на домашний концерт... говорил мне... что Владимир Ильич очень наслаждался музыкой, но был, по-видимому, взволнован».

Итак — «раза два»... А вот рассказ Лидии Александровны Фотиевой на заседании ученого совета Музея Революции:

«Очень любил Александр Дмитриевич музыку и понимал ее... На квартиру Александра Дмитриевича часто приходил Владимир Ильич слушать игру Романовского».

Часто? Не знаю. Но мы, семья, всегда помнили, что Владимир Ильич слушал у нас музыку не однажды, и эти воспоминания дороги нам. Я пишу эти строки в надежде, что, может быть, приведенные здесь свидетельства, хоть и лишенные точных дат, смогут пополнить работу исследователей, восстанавливающих хронику жизни В. И. Ленина. Пока в 8-м томе Биохроники дано указание лишь на вечер 19 ноября со ссылкой на книгу С. Д. Дрейдена «В зрительном зале Владимир Ильич». Но смею напомнить, что автор выписал эту дату, сидя у нас дома, из все той же рукописи Романовского.

Мы, дети, для каждого концерта рисовали программки, украшая их виньетками. Мне с трудом удалось отвоевать право рисовать программки, к рисованию у меня способностей не наблюдалось. И всем памятен был случай, когда у нас устраивали выставку детских рисунков и я представил семь картин! Больше всех! Но на каждой была нарисована... вилка. Произведения оценивали взрослые, ставя крестики. Больше всего крестиков завоевали мои картины. Уже через много лет мама, смеясь, открыла мне тайну: все крестики с очень серьезным видом поставил Владимир Ильич.

Итак, теперь я тоже рисовал программки. Помню, как волновался тот, чья программка попадала в руки Владимира Ильича.

Готовя книгу «Музыка — революция», С. Д. Дрейден просил вспомнить нас с сестрой: было ли на концертах у Ленина свое определенное место. Сестра удивленно ответила:

— Владимир Ильич был в кругу людей, давно ему знакомых, близких. Разумеется, не могло быть и речи, чтобы он занял какое-то особое место. Да и никто бы не предложил, зная его...

Постоянное место было только у нашего отца, в кожаном кресле, которое ему подарил Владимир Ильич.

Гавриил Романович Романовский пишет: «Нужно было наблюдать выражение лица Александра Дмитриевича после слушания музыки. До этого усталое, мрачное, оно... преображалось... делалось светлым, радостным, а иногда на глазах появлялись слезы... Можно с уверенностью сказать, что в этом большом государственном деятеле... таился большой художник, с громадным, только художнику присущим чутьем, способностью проникаться глубиной творчества величайших музыкантов».

Люди, собиравшиеся у нас, слушали музыку по-разному. Анатолий Васильевич Луначарский — закинув голову, прищурив взгляд за стеклами пенсне. Заложив ногу за ногу, он легонько подыгрывал пальцами на колене. Надежда Константиновна слушала уйдя в себя. Они сидели наискосок от меня, я их запомнил. Но наша мама рассказывала, что, когда слушает музыку Владимир Ильич, на него больно смотреть, он весь наэлектризован, по его лицу проходит выражение муки. Музыка переполняла его настолько, что, когда Романовский играл Бетховена — а играл он блестяще,— Ленин однажды встал, не в силах преодолеть волнения, и стоял, слушая, сжав рукой спинку стула.

Ни в одном из описаний вечера 19 ноября я не читал этого, видимо, это произошло в другой вечер. Но это было.

Может быть, именно Бетховен действовал на Ленина так, потому что это музыка мятежного духа?

Прочитал в воспоминаниях Надежды Константиновны, что Владимир Ильич очень любил слушать музыку, но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после первого действия как больной.

Видимо, такова была сила его самоотдачи в ответ на музыку.

Хочу привести малоизвестное воспоминание одного из первых кинорежиссеров-документалистов, Эсфири Шуб, из книги «Моя жизнь — кинематограф», однажды побывавшей у нас на концерте:

«Помню, как отдавались все присутствовавшие магической силе звуков. А во мне это чувство еще освещалось сознанием — какие это люди! Такая огромная ответственность перед страной, такая напряженная, ежедневная занятость, и эта способность погружаться в мир звуков, в мир самого эмоционального искусства...»

Влюбленность в музыку была особой частью духовной

жизни многих многосторонне талантливых людей, посвятивших себя революции.

И не только из-за магии произведений великих композиторов, но из-за близости мужественных людей, очарованных музыкой, стали для меня, мальчишки, незабываемы эти вечера.

Л. А. Фотиева вспоминала на заседании в Музее Революции, посвященном 90-летию со дня рождения моего отца:

— Очень любил Александр Дмитриевич музыку и понимал ее... Мне случалось играть для него, и всегда было приятно чувствовать, как тонко и глубоко воспринимал он красоту музыкального произведения... Александр Дмитриевич любил жизнь, товарищей, любил хорошие и веселые шутки и смеялся заразительно. Его сердечность и отзывчивость к товарищам была изумительна. Поэтому так любили и уважали все, кто его знал, этого кристально честного, сердечного, такого жизнерадостного и жизнедеятельного человека.

Минули годы войны и голода. У нас дома звучали музыка и смех молодежи. Приезжали к отцу товарищи по «земледелке», вместе пели украинские песни. Сколько фотографий этих веселых вечеров у нас могло быть! Но старый уфимец Евгений Николаевич Фосс долго устанавливал треногу, командовал из-под темной накидки: «Не шевелитесь! Снимаю!» — и... забывал снять колпачок объектива. Это было поводом для неистощимых шуток. Фосс со студенческих времен был другом сестер Резанцевых (девичья фамилия мамы), молодежь посмеивалась над его рыцарской преданностью и сочинила двустишие:

Мамаши вашей верный пес —
Евгений Николаич Фосс...

Евгений Николаевич глубоко уважал отца.

Передо мной лежит журнал «Огонек» № 21 за 1928 год. Е. Н. Фосс пишет об отце: «...с каким наслаждением, затаенным вниманием слушал Александр Дмитриевич музыкальных классиков. Но, к горькому сожалению, редко на долю Александра Дмитриевича выпадали такие вечера... Обычный рабочий «день» его начинался с 9 утра и длился до часа ночи, а то и дольше».

Отношения отца с искусством неверно ограничить музыкой. Он любил живопись и скульптуру. На тумбочке возле его постели лежал томик Тютчева. Помню, он сер-

дился, когда я спутал слово в лермонтовском «Парусе», сказал:

— Это надо помнить, как свое имя...

Новых течений в поэзии не понимал. Но стремился понять. И это мне дорого в нем.

Аля Бобкова, учившаяся на филологическом факультете, вспоминает: «Однажды речь зашла о Маяковском. Дядя Саша пожаловался, что не понимает его стихов, читать что ли их не умеет. И попросил: «Почитай мне когда-нибудь». А я так и не почитала ему. До сих пор корю себя...»

Старый большевик Федор Николаевич Петров, в двадцатые годы руководивший Главнаукой и Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей, вспоминает:

«Мне пришлось обсуждать с Александром Дмитриевичем и вместе с академиком Вернадским вопрос о размещении и планировании промышленности по районам в соответствии с приближением к сырьевым ресурсам. Думаю, что его роль в развитии и распределении наших производительных сил по стране имела историческое значение. Мне приходилось с Александром Дмитриевичем обсуждать и вопросы, связанные с художественными промыслами... Он глубоко чувствовал и понимал искусство и оказывал всяческую поддержку в развитии палехского, федоскинского и других искусств...

Отец с уважением относился к работе в искусстве.

Сохранились письма отца, свидетельствующие о его внимании к художникам, работающим над созданием образа Ленина.

«7 июня 1927 года.

Председателю Совнаркома.

Уже давно предположено поставить фигуру Владимира Ильича в зале заседаний СНК.

Над созданием этой фигуры в течение 2-х или 3-х лет работает художник Андреев... Скульптор проработал около 40 вариантов этой задачи. Часть из них он сам забраковал, но приблизительно 15 он изготовил для предъявления Комиссии в качестве этюдов для определения идеи фигуры и... соответствующей этой идее позы.

Я стремился к тому, чтобы члены Комиссии побывали в мастерской Андреева, осмотрели его варианты, с тем чтобы потом на заседании обменяться впечатлениями и выбрать... К сожалению, это мне не удалось. До сих пор не все члены Комиссии побывали у Андреева, между тем

время течет, надвигается 10-летие Октябрьской революции, и, мне думалось бы, правильно было бы к этому времени закончить работу.

А. Цюрупа».

«Лениниана» Н. А. Андреева — около ста скульптурных и серия графических портретов — хранится в Музее Ленина и в Государственной Третьяковской галерее. Этим большим художником создана также галерея графических рисунков соратников Ленина, среди них — портрет моего отца. Из всех отцовских портретов этот наиболее дорог мне, он чутко передает внутреннюю жизнь, улыбку, готовую вспыхнуть, мысль во внимательном взгляде, прожитые годы, исполосовавшие лоб жесткими морщинами.

...Однажды Зинаида Николаевна Райх — машинистка в секретариате СНК, будущая актриса театра Мейерхольда, жена Сергея Есенина — привела к отцу поэта. Есенин читал ему стихи.

Отец был околдован их музыкой.

— Они, как песня,— говорил он,— это большой талант.

И признался в своем смущении, когда Есенин спросил его совета.

— Я сказал ему только, пусть глубоко дышит сегодняшним днем, это сразу почувствуется в его стихах...

(Вспомним, читатель, блоковскую запись в дневнике: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию!»)

Слова отца были продиктованы доверием к поэзии как к оружию, способному высекать искру из сердца и разума. Он не скрывал надежду на то, что прекрасное призвано работать на земные, святые задачи строительства революции.

Отец с глубочайшим бережением относился к богатствам, созданным человеческим гением.

Должен рассказать о телефонном разговоре, при котором присутствовал году в 1927-м. Отец позвонил Анатолию Васильевичу Луначарскому и сказал, что следовало бы снять вывешенный в одном из концертных залов лозунг: «Искусство должно быть понятно массам».

Я хорошо помню эту историю, потому что мы с папой вместе были на концерте, и там, в фойе, я не понял, почему он возмутился. В мои 15 лет мне показалось, что висит лозунг как лозунг.

Но вот теперь он звонил Луначарскому. По ходу раз-

говора отец произносил слова «Пролеткульт», «Богданов», но лишь много позднее я понял, что и он, и Луначарский сочли этот лозунг возрождением ошибок Пролеткульта, его идеолога Богданова, их идеи создания «доступной пролетариату» культуры, которому Пушкин, Чайковский, Бетховен и вся мировая классика якобы не понятны.

Прижав трубку плечом, отец листал извлеченный из стола старый журнал «Большевик», еще в 1924 году в № 27 опубликовавший первый, точный перевод воспоминаний Клары Цеткин о ее беседе с Лениным на тему «Искусство — народ». Он прочитал вслух:

— Вот, Анатолий Васильевич, послушайте: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть ПОНЯТО (он подчеркнул это слово голосом) этими массами и любимо ими».

По сей день помню, как взволнованно отец повторил:

— Именно ПОНЯТО, а не ПОНЯТНО!

При переводе не была учтена специфика немецкого языка и потому утеряно проникновение в смысл ленинских слов об овладении пролетариатом богатствами культуры без упрощения ее, без снижения, а лишь одним путем — поднятием цивилизованности, воспитанием восприятия...

Отец выслушал доводы собеседника, согласно кивнул:

— Вы правы, Анатолий Васильевич, можно перевести еще точнее: не ПОНЯТО, а ПОНИМАЕМО, только не это убогое «понятно».

И я хорошо запомнил, как отец с гневом сказал:

— Не исключаю, что второй, искаженный перевод тенденциозен, содержит враждебную ревизию марксистской формулы «Искусство — народ».

«Правда» в передовой статье 17 мая 1967 года «Коммунисты и искусство» писала, опираясь на точный перевод ленинских слов, на ясную ленинскую мысль: «Чрезвычайно важно вспомнить, с какой беспредельной любовью и заботой относился к подлинно высокому искусству Владимир Ильич Ленин, непоколебимо веривший в то, что оно, будучи п о н я т о н а р о д о м (разрядка моя.— *В. Ц.*) служит делу коммунизма».

В «Философских тетрадях» В. И. Ленина есть запись, думаю, принципиально важная для понимания вопроса, запись о человеческих понятиях, которые «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны,

взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир».

Воспоминания живут в памяти. Хочу рассказать об одном вечере в пору моего детства, когда отец заговорил со мной об искусстве.

После заседаний отец иногда вырывался на последний акт оперы в Большой театр, чаще всего на «Евгения Онегина».

С семи лет и до юношеских шестнадцати отец брал меня с собой. А нередко заставал меня уже в ложе — у нашей семьи был постоянный пропуск в Большой театр.

В тот вечер я сидел, засунув руки в рукава курточки. Все в ложах и партере были одеты по-зимнему. Большой театр не отапливался. Но в нем продолжали идти оперы и балеты. На балу, у Лариных Татьяна и Ольга были в светлых платьях с короткими рукавами, и я думал — как же им холодно.

Когда, очень редко, отец успевал к началу спектакля, это был для меня праздник. В антракте, когда музыканты настраивали инструменты, он по звуку узнавал их:

— Слышишь? Это флейта, это тромбон, это альт, гобой...

Чувство музыки было дано ему, как зрение, слух, осязание... Он знал о моей детской мечте стать дирижером.

В тот вечер он выполнил мое сокровенное желание — побывать в оркестровой яме. В антрактах я бегал к бархатному барьеру, смотрел с замиранием сердца на дирижерский пульт с оставленной на нем палочкой, на пюпитры с нотами, на поблескивавшие арфы.

И вдруг отец сказал: «Ладно, сходим...» И старый капельдинер, знавший отца, открыл перед нами заветную дверь.

Оркестранты ушли, лампочки над пюпитрами были погашены.

Меня охватила сказочная надежда, что если я шагну на дирижерское возвышение, если взмахну палочкой, то океан музыки проснется и станет подвластен мне.

— Влезай,— сказал отец и улыбнулся капельдинеру.

Я влез. Но ни дотронуться до палочки, ни пошевельнуть рукой не посмел. Музыка спала.

— Поблагодарим, сынок, и пойдем,— сказал отец.— Товарищу тоже, наверно, надо горячего чаю попить...

Я уходил растерянный. Отец, поняв мое состояние, сказал мне те самые, запомнившиеся взрослые слова:

— Разве ты не знал, что музыка невозможна без талантливых, умелых рук, без великого труда?

Знал я, знал! И ни в какие чудеса не верил, и все-таки ждал чуда, я был потрясен встречей с молчащей музыкой.

...Здесь я должен переступить через десятилетия, чтобы рассказать о Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, незримыми нитями ассоциаций связанной для меня с памятью об отце. Почему же? Ведь она была написана через четырнадцать лет после его смерти.

Попробую объяснить. Нет, попробую рассказать.

То далекое мальчишеское потрясение от встречи с безмолвной музыкой я испытал снова, зрелым человеком, на просмотре документального фильма «Дмитрий Шостакович. Эскизы к портрету». Невероятно, но через десятилетия некоторые из пришедших занимали места в зале по сохраненным как реликвия, полуистертым билетам «блокадной» премьеры.

О той далекой «блокадной» премьере у нас, в редакции «Известий», я услышал от писателя Александра Александровича Крона. Он вспоминал, как всходили тогда на подмостки филармонии истощенные, собранные по городу, похожие на тени оркестранты. Прижимая к себе инструменты, шаркающими шагами пробирались к своим местам.

— Мы глядели в их измученные лица и видели в них растерянность и счастье! — сказал Крон.— Весь зал встал, приветствуя их, и плакал от радости, что искусство живо в нашем Ленинграде, музыка сражалась за жизнь, помогала выстоять...

В наши дни среди слушателей в зале были и ветераны войны, и артиллеристы, которые тогда, в 42-м, в час «блокадной» премьеры, давали по приказу командования по своей грозной «партитуре» свой «концерт» беспримерной огневой мощи, предупредив обстрел города и его площади Искусств врагом...

Вот этот концерт наших дней был заснят на кинопленку. Есть кадры в фильме, которые потрясли сердца зрителей: объектив медленно, с какой-то трагической зоркостью обвел взглядом — нашим взглядом! — стулья оркестрантов. Многие были пусты. На них лежали скрипки, фаготы, флейты, валторны тех, кого не пощадила блокада.

Молчащие инструменты с пронзительной силой гово-

рили о подвиге искусства в обреченном фашистами на смерть, выстоявшем городе. Вспомним, он выстоял второй раз: и в 1919-м он вынес пытку голодом и натиск белой армии.

Многие оркестранты блокадного Ленинграда не вернулись... Как боевое знамя, из рук в руки, музыку Шостаковича подняли музыканты мира, и, сотрясая души, рождая ненависть к поджигателям войн, она продолжала свое шествие по планете.

...Седьмая симфония. Я впервые услышал ее накануне ухода на фронт, в октябре 42-го года, в Новосибирске. Играл оркестр Ленинградской филармонии под управлением Мравинского. Когда смолкли последние такты, еще молодой Шостакович выходил кланяться, сам потрясенный и смущенный перед бушующим, вставшим залом. Я стоял, как все, ошеломленный и благодарный, с израненным и одухотворенным сердцем, полным ненависти к лязгающей, ерничающей, пресыщенной кровью, бездуховной фашистской гадине. Ее самодовольную непобедимость высмеяла музыка и сокрушила — нежностью и силой лирической темы, утвердив победу светлых наших идей над тьмой мракобесия.

За полтора, два или сто часов звучания Седьмой, казалось, я узнал о войне все.

Потрясение было таково для меня, назавтра уходившего на фронт, что требовало действия, исповеди, клятвы.

— Клянусь,— молча сказал я, сжав руку 11-летнего сына, стоявшего рядом со мной в этом зале, сотрясаемом шквалом аплодисментов.

— Клянусь,— сказал я отцу, его памяти, его завещанию на обложке Конституции.— Клянусь.

Второй раз я встретился с Седьмой в разрушенном западном городке, в подвале, превращенном в госпиталь. Мы, несколько артиллеристов, забежали туда напиться. На белом, засыпанном известкой пианино антифашистскую тему Седьмой наигрывал раненый боец, недавний студент музыкального училища. Правая рука висела на бинте, оторвало пальцы.

— Слушал ее в марте 42-го в Доме Союзов,— сказал он, подняв ко мне мальчишеское лицо.— В воздушную тревогу. Они бомбили жилые дома. Ни один человек из зала не ушел. Разве можно уйти от этой музыки? Она не отпускает...

А это помните? — и фортепьяно запело нежную мелодию.— Это тема надежды,— сказал он,— тема неубиваемой

жизни, хлебного колоса, который поднимется на растоптанной войной земле.

Хлебный колос, слышал бы ты, отец...

Догоняя своих, мы бежали по грудам кирпича, по битому стеклу, сквозь проломы стен. И казалось, вслед летит тихий голос фортепьяно...

Третья встреча с Седьмой тоже живет рядом с памятью об отце.

Это было в 43-м, в Белоруссии, осенью, судя по тому, что лес уже полуобнажился. Пахло мокрой землей, мокрой корой деревьев. До того несколько дней шли непрерывные бои. Мы разучились отличать день от ночи. Но вот на исходе пятого дня обе стороны прекратили огонь, видимо исчерпав свои возможности и не добившись результатов. На фронте так бывает. Потом перегруппируются, подтянут резервы, подвезут боеприпасы, и все начнется сначала.

Измотанные солдаты предвкушали отдых. Кто уже спал, кто брился при свете коптилки.

Мы сидели на поваленном дереве вдвоем с политруком Николаем Королевым, мужественным человеком, тульским рабочим. Я угостил его табаком, присланным из дома. Показал конверт с надписью рукой сына: «Дорогая Военная цензура! Пожалуйста, не вытряхивай табак, он для моего папы». Сын писал, что всем классом они собирают металлолом для литья броневой стали. Я рассказал о жене, корреспонденте «Комсомольской правды»: она пишет сюда, на фронт, из шахт Кузбасса, где горняки сутками несут в забоях фронтовую вахту; из цехов военных заводов и с колхозных полей, где солдатки заменили мужчин. Вести из тыла, работающего на победу, Королев использовал в политинформациях.

Но он принимал все это близко к сердцу. И потому я рассказал ему, как перед уходом на фронт слушал Седьмую симфонию.

— Я в симфониях не больно разбираюсь. Я песни уважаю,— сказал Королев.

Я рассказал, как в блокадном Ленинграде композитор, чтоб не отрываться от работы, брал с собой партитуру на крышу, где с пожарным звеном тушил при налетах фашистские «зажигалки». Седьмая гремела надо мной в затихшем прифронтовом лесу, а я пытался передать политруку ее силу, ее гнев, ее обещание победы — приглушенным свистом, не громче пения сверчка.

Потом мы укладывались спать. Пристраивая под голову полевую сумку, Николай сказал:

— Мы в боях побратимами стали, о разном говорим, я все жду — об отце расскажешь. Почему молчишь? Поблажек, послаблений боишься? Не доверяешь?

— Мой старший брат Дмитрий, отвоевав гражданскую, в 27-м году стал курсантом школы имени ВЦИК в Кремле. В день, когда умер наш отец, Дмитрий обратился к командующему эскадроном с просьбой об увольнительной.

— Должна быть заверенная телеграмма из дома,— сказал комэск.

Наш дом был рядом, в Кремле.

Дмитрий ответил:

— Взгляните в окно, вывешивают траурные флаги, может, они послужат вместо телеграммы?

Комэск охнул. Ему и в голову не приходило, что его курсант — сын заместителя Председателя Совнаркома.

— Это к тому,— сказал я Королеву,— что всегда держу в уме крыловскую басню про гусей: они хвастались, что их предки Рим спасли. А мужик стеганул их хворостиной: оставьте предков, мол, в покое. А что вы сделали такое?..

— Однако гордые вы, сыновья,— сказал Королев.

К полуночи прозвучал внезапный приказ:

— Подъем! Сниматься! Меняем огневую позицию.

Снялись быстро и тихо. Лошадям обвязали морды мешками, приторочили все металлическое — бренчащее и звенящее, курить запретили — противник рукой подать, он не должен знать о нашем передвижении. Дивизион вытянулся в походную колонну. О, если бы приказ звучал по-другому: «Вперед, на Запад!» — где были бы тогда усталость, сон, голод! Но сейчас...

Хотелось спать, ноги двигались механически. Споткнувшись о сапог впереди идущего, я возвращался к яви, понимал, что сплю на ходу. Когда в длительном походе очень устал, нужно, пересилив себя, идти впереди. Этот нехитрый маневр придает второе дыхание. Я так и поступил. За спиной хрупали солдатские сапоги. Но какие-то секунды я, видимо, прошагал во сне.

Вдруг сон как рукой сняло: за спиной почувствовал пустоту. Обернулся. На дороге я был один. Уже светлело небо. Бросился назад. И за поворотом дороги открылась картина, которая показалась фантастической: размытая утренним туманом колонна стояла, потеряв реальные очертания, став похожей на призрак. Стояла и... спала. Люди спали всюду, на передках и станинах орудий, на повозках со снарядными ящиками, сидя на обочине дороги, прислонившись к колесам, спали верхами, склонив головы.

Не знаю, простоял я тогда долго ли, коротко ли, пока не раздался повелительный командирский голос, и все ожило вокруг. Прозвучали негромкие четкие слова команд, приглушенное мешками всхрапывание лошадей, множество трудно объяснимых звуков, сопровождающих скопление значительных групп людей, лошадей, техники.

Дивизион двинулся ускоренным маршем на новый огневой рубеж. Я шел рядом с Королевым впереди. Неожиданный звук, похожий на прерывистое, свистящее дыхание, заставил меня повернуться к Николаю. В такт шагу политрук дивизиона сквозь стиснутые зубы «шепотом» высвистывал антифашистскую тему Седьмой.

Седьмая Шостаковича шла с нами в ту ночь на огневой рубеж...

И снова она была с нами, Седьмая, когда, получив долгожданный приказ о наступлении, наш дивизион рванулся вперед. Запомнилась река, наши кони и наши пушки, мчащиеся через понтонный мост, вздрагивающий и гудящий под копытами, и воздух, разрываемый воем снарядов и визгом пуль; и вода, кипящая, вздымающаяся фонтанами и фонтанчиками под обстрелом. И мы с Королевым на передке моего орудия, пьяные от азарта, от счастья атаки, орем Седьмую, ее антифашистскую тему, повернув ее сарказм против врага изменившегося, растерявшего свою наглую самоуверенность, врага, которого громим.

Седьмая связана для меня с мыслью об отце, потому что, рожденная в героическом блокадном Ленинграде, она впитала в себя и 900 дней его сопротивления, и ратный труд солдат Великой Отечественной, и подвиг голодного, сражавшегося и победившего Петрограда, когда Ленин и народный комиссар продовольствия бились за то, чтобы добыть в боях и дать в голодные руки осьмушку хлеба, когда хлеб решал судьбу революции, наряду с подвигом Красной Армии.

О СТАРОМ РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ И НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В первый день 1928 года отец пришел из Совнаркома в чрезвычайном смущении. Он рассказал, что сотрудники встретили его аплодисментами, а он все оглядывался, пытаясь увидеть — кто вошел вслед за ним, кому аплодируют.

Оказалось, что поздравляли именно его: он стал первым дедом в правительстве.

Дочку Петра и Таси, первую из внуков нашего отца, назвали так, как только и могли назвать в его семье первое послереволюционное дитя,— Искрой. Тогда такое имя было внове.

Трех внуков, рожденных позже, нашему отцу не довелось увидеть. Дочь Вали, а также дочь Петра назвали в память мамы: Марианна Цюрупа (ныне кандидат наук, металлург) и Мария Цюрупа (доктор наук, химик); сына Дмитрия назвали в память деда — Александром.

Искра — многолетний переводчик МИДа, она участвует в ответственных международных переговорах. А в те дни она была существом настолько крохотным, что, когда ее перепеленали на кровати деда, он, обнаружив забытую распашонку, в изумлении спросил:

— Тут кто-то играл в куклы?

И опустился в кресло, сжав руками грудную клетку.

Отец был тяжело болен. Все чаще возникали приступы удушья, пульс падал до 30—40 ударов. В один из дней Н. А. Семашко и В. А. Смольянинов на руках принесли его из Совнаркома домой. Он отлежался часа два и снова ушел на работу.

Не было больше шутливых и строгих предписаний Владимира Ильича щадить «казенное имущество».

В Центральном партийном архиве я нашел письмо от 10 февраля 1928 года:

«Мы, ближайшие сотрудники А. Д. Цюрупы, не можем не обратить Вашего внимания на состояние его здоровья. На протяжении истекшего месяца Александру Дмитриевичу удавалось работать с совершенно исключительным

перенапряжением и перегрузкой, лишь поддерживая себя искусственно взбадривающими средствами вроде кофеина, камфоры и сердечных препаратов.

В среду 8/II, готовясь к заседанию у т. Сталина, Александр Дмитриевич почувствовал себя плохо...

Сегодня, 10/II он чувствует себя хуже вчерашнего. Крайнее переутомление и слабость требуют предоставить А. Д. немедленный отдых, хотя бы на 10 дней. Александр Дмитриевич волнуется и, конечно, рвется на работу.

В целях обеспечения его работоспособности в дальнейшем, не говоря уже о поддержании его здоровья, необходимо авторитетное воздействие на него, чтобы он на это время уехал из Москвы и на месте отдыха отказался от всякой работы».

Накануне отпуска отец говорил с кем-то по телефону о хлебном экспорте. Мне запомнились слова:

— Мы обязаны сберечь каждую зернинку. Это — золото.

Опять позвонили, сказал:

— Да, завтра утром уезжаю.

Положил трубку. В кабинете были Петя и я. Отец сказал:

— Необходимо строить элеваторное хозяйство. Владимир Ильич считал, что мы тогда выполним задачу, когда к хлебу у нас будет причастен не только хлебороб, но индустрия и наука. Это будет, будет... Мы перед землей в неоплатном долгу, столетиями брали от нее, ничего взамен не давая. Я, старый хлебороб, не перестаю удивляться, как чуду, ее ежегодным зачатиям на пользу человеку...

Сберечь каждую зернинку... Сегодня я снова вспоминаю эти отцовские слова: почта принесла мне письмо из города Новочеркасска, из механико-технологического техникума, носящего имя отца. В конверте — текст Клятвы хранителей хлеба Родины. Ее дают студенты-первокурсники, избравшие для себя ответственную профессию — специалистов элеваторного хозяйства.

Вот эта клятва:

«Я, будущий специалист по хранению и переработке зерна, торжественно КЛЯНУСЬ:

приложить все силы, все свое старание для приобретения знаний, необходимых для сохранения хлебных запасов моей великой Родины — СССР.

ХЛЕБ — золото, без которого невозможна жизнь миллионов людей на планете.

КЛЯНУСЬ сохранить все, до единого зернышка!

ХЛЕБ — непременный спутник сострадания, потому что раздается в годину бедствий.

КЛЯНУСЬ делиться последним куском хлеба, так как вкус разделенного хлеба не сравним ни с чем.

ХЛЕБ — символ величия ТРУДА человека, он добывается в поте лица.

КЛЯНУСЬ свято чтить труд хлебороба!

ХЛЕБ — это богатство и могущество страны.

КЛЯНУСЬ свято сохранить это богатство.

Мой техникум носит имя верного соратника В. И. Ленина — наркома продовольствия Советской республики Александра Дмитриевича Цюрупы.

КЛЯНУСЬ всегда и везде высоко нести звание ХРАНИТЕЛЯ ХЛЕБА РОДИНЫ — ЦЮРУПИНЦА...»

Жаль, что эту вдохновенную клятву, которую произносят молодые люди 80-х годов нашего столетия, не может услышать отец.

...Был конец апреля. Мы провожали отца в Крым, в маленький дом отдыха «Мухалатка». Он уезжал с мамой. Перед отъездом мама, оживленная, рассказывала сон, который видела в ту ночь: отец шел веселый, в окружении краснофлотцев в белых бескозырках.

Из Крыма мама написала, что море еще холодное, но все вокруг в цвету, красота удивительная, воздух прохладен и чист. Отец стал чувствовать себя лучше, посвежел, легче дышит, на лице появился загар.

«Чудесно, что папу обязали поехать отдохнуть»,— писала мама.

...Перелистываю письма. Вот открытка из далекого 18-го года. Прислана отцом из Москвы в Уфу, когда мне шел седьмой год. Открытка — самодельная, на ней тушью нарисован мальчуган, он лежит на полу, изучает огромную книгу, рядом с ним глобус и тетрадки.

Открытку нарисовала для меня, еще не знакомого ей, Лидия Александровна Фотиева. На обороте написано рукой отца:

«Милый, дорогой мой мальчик Воленька!

Ты очень обрадовал меня своим письмом. Я уже не ожидал никаких известий от тебя и вдруг получил. Так радостно и приятно было. Я так скучаю по тебе. Мне так хочется видеть тебя, поиграть с тобой и приласкать тебя. Наверно, ты уже большой вырос. Почти целый год я тебя не видал. Уже учиться стал. Мальчик мой дорогой,

учись хорошенько, люби мамочку и не забывай твоего папу, который один далеко-далеко от тебя живет и всегда тебя вспоминает. Поздравляю тебя, любимый мой мальчик, с Новым годом, будь умница, здоров и счастлив.

Твой *А. Цюрупа*

24.XII (н. с.) 18 г.»

Письмо из Крыма 20 апреля 1928 года Вячеславу Александровичу Кугушеву:

«Ах, дорогой мой! Так хочется быть здоровым и работать. Настроения и духовной силы столько, что готов бы был проделать все с начала — с X 17-го года, даже 14-го года! А «физики» не хватает... Жизнь... толкает и будирует, не дает опомниться, заставляет быть твердым и работать».

Письмо моей сестре Вале, строгое и доброе, характерное для отношений отца с нами, повзрослевшими детьми:

«Дорогая моя доченька!

Я все ждал известия о том, что ты поумнела. Ожидания оказались тщетными. Оставить мне в этом отношении надежду на будущее? Пора тебе понять, что лишние десять фунтов, которые ты приобретешь на Кавказе, нисколько тебя обременять не будут и дадут запас, из которого ты сможешь черпать впоследствии, когда будешь жить в обстоятельствах и условиях гораздо худших, чем теперь...

Очень прошу тебя по приезде в Москву сразу же поставить себя строго в рамки правильной жизни, т. е. поздно не ложиться, вставать своевременно, ухажеров гонять по шеям и заниматься делом, для развлечений оставляя праздничные дни...

Целую мою доченьку, милую, хорошую.

А. Цюрупа».

А вот письмо мне, оттуда, из Мухалатки. 23 апреля 1928 год.

«Дорогой Волик! Уже полторы недели живем здесь, а настоящего тепла все еще нет. А подчас бывает так, что приятно, когда протопят печь в комнате. Я выхожу на прогулку в пальто осеннем. А все-таки хорошо здесь!

Твой *А. Цюрупа*».

В тот же день мне пишет мама:

«Дорогая мрачная личность!.. Как твои дела? Как провел каникулы? Был ли в клубе под воскресенье? Занимался ли? А главное, чуть не забыла, обмундировали ли тебя?

Что купили? Удачно ли? Или ты фыркаешь и критикуешь, критическая личность? (Это мама напоминает мне о давнишнем моем бунте против детского пальто на вате, его я ненавидел и старался улизнуть из дома, не одевшись)... Писать много не могу, т. к. у меня большая слабость. Четыре дня у меня была малярия, и я не сходила с верха к общему столу. Что я делаю? Лежу, читаю и смотрю картинки. Здесь много книг «Всемирной иллюстрации» за старые годы, те самые, которые были у моего папы, когда мы были маленькие. Здесь есть теннис, кегельбан и биллиард. Конечно, я еще ни во что не играла.

Целую тебя. Твоя М. Ц.».

Как далека была мама от мысли о роковом дне 8 мая, до которого всего две недели сияющей, коварной крымской весны.

Открытка отца. Вот она сейчас в моей руке, написанная зелеными чернилами, тонким, вздрагивающим пером. Чернила не выцвели за эти почти шесть десятилетий. Вновь читаю знакомые, неровные, измененные строки, чувствую ослабевшую руку отца и испытываю щемящее чувство боли, которое испытал тогда.

«6 мая 28. Шлю Вам привет, милые и дорогие мои.

Передайте мой привет моим друзьям, товарищам. Также товарищам по Управделу СНК и секретариату. Крепко всех обнимаю.

А. Цюрупа».

На лицевой стороне открытки — цветная репродукция — пионер, трубящий в горн под бескрайним синим небом; на вымпеле слова «Будь готов!». И название репродукции на четырех языках: L' appel, Das Herbeirufen, The call, Призыв...

Это была последняя весточка от отца. На следующий день «Правда» печатала бюллетень о болезни: «Сегодня, 7 мая, температура 39,5, пульс 90 в минуту, среднего наполнения, тоны сердца глухи».

Его сердце не выдержало вспыхнувшего воспаления легких. Он умер в ночь на 8 мая 1928 года от паралича сердца.

Храню пропуск в черной рамке, выданный мне для встречи поезда, прибывающего из Крыма в Москву. Помню красные с черным полотнища и хвойные гирлянды на Курском вокзале, запруженную людьми площадь — пришли рабочие делегации с заводов и фабрик.

Мы, семья, в толпе на перроне. Рядом, как в тумане, знакомые лица — Калинин, Орджоникидзе, Молотов, Литвинов, Микоян, Семашко...

Мама опирается на руку Мити, он в военной шинели, с обнаженной головой.

Поезд медленно подошел к дебаркадеру. Мы увидали: на паровозе несут караул матросы в белых бескозырках. От Севастополя посланцы Красного флота сопровождали нашего отца.

Гроб несли на руках члены правительства. За колесницей двинулся почетный эскорт — кавалерийский дивизион.

Помню тяжелую поступь похоронного марша, толпы людей с обнаженными головами, море венков и прочитанное вечером в «Правде» обращение: вместо венков в память А. Д. Цюрупы делать взносы в фонд деткомиссии по борьбе с беспризорностью.

К Дому Союзов шли по Земляному валу, Мясницкой (ныне улица Кирова), площади Дзержинского, площади Свердлова... Теперь кажется, что товарищи провожали отца в последний путь.

В Октябрьском зале Дома Союзов помню маму без кровинки в лице.

В 5 часов 20 минут вечера в последний почетный караул встали Калинин, Молотов, Сталин...

12 мая в «Правде» снимок: Сталин с траурной повязкой на рукаве возле урны А. Д. Цюрупы.

На митинге Михаил Иванович Калинин в речи от имени правительства сказал:

— На заре своей жизни т. Цюрупа начал вместе с немногими нашими товарищами создавать Коммунистическую партию, а в конце своей жизни он уже строил практически социализм. Не много найдется людей, которым удалось пройти в своей жизни такой путь.

В эти дни в Москве проходил VIII Всесоюзный съезд комсомола. В день похорон вечернего заседания не было. Съезд в полном составе хоронил Цюрупу. Об этом «Правда» писала 12 мая: «Это и впрямь — цвет советской трудовой молодежи, тысяча делегатов Всесоюзного съезда Ленинского комсомола. Но за первой тысячей стали два миллиона других таких же и десятки миллионов еще более юных, подрастающих, вылезающих из детских пеленок ребят... Миллионы живых перед горсткой пепла... Пусть вынут еще один обомшелый кирпич из Кремлевской стены, она стала не слабее, а крепче. Не просто пепел, а

пепел-порох стучит и до конца будет стучать в каждое большевистское сердце».

Кипа газет с черными рамками лежала в нашей опустевшей квартире.

Извещение Центрального Комитета партии:

«Партию постигла новая тяжелая утрата... В лице тов. А. Д. Цюрупы партия теряет одного из опытнейших и компетентнейших руководителей дела социалистического строительства. Потеря особенно ощутительна сейчас, когда все силы партии сосредоточены на осуществлении индустриализации и культурного подъема Советского Союза.

На смену таким крупнейшим работникам партии и Советского государства, каким был А. Д. Цюрупа, должны быть выдвинуты новые и новые силы социалистических строителей из рядов рабочего класса».

Я прочел маме объявление: Московский Совет объявил день похорон отца траурным днем. Отменялись все увеселения, концерты, кино.

— Зачем же? Ну зачем же? — откликнулась мама.— Пусть бы люди жили себе, как жили. Особенно молодежь, ей нужна радость...

«Правда» опубликовала статью А. М. Горького, обращенную к зарубежным клеветникам, к белоэмигрантам:

«Что бы вы ни говорили о большевиках, но ими взято на себя бремя воистину грандиозной тяжести, поставлена к разрешению задача нечеловечески трудная, ибо эта задача сводится к осуществлению всего, о чем мечтали мудрейшие и наиболее искренне человеколюбивые люди мира».

И еще дорогие мне слова в «Правде»:

«Революция потому и победила, что с первых же дней ее рядом с Лениным стояли такие люди, как Цюрупа».

Спустя 41 год, в годовщину смерти отца, в «Правде», в статье «Зерна в ладонях Революции», я прочитал:

«Сегодня мы должны низко поклониться бледным до синевы наркомам: они сеяли на опустошенной земле Родины семена, которым предназначалось взойти через десятилетия, для нас».

И над всеми этими взволнованными, благодарными речами звучит голос моего отца, живой голос, его слова о Владимире Ильиче Ленине, обращенные ко всем живущим, ко всем, кто будет жить после:

«...Благодаря именно его безоговорочной решительности, его политическому и нередко организационному руководству было сделано то, что было сделано... Без его ак-

тивного и непосредственного участия в разрешении стоявших в порядке дня острейших и сложнейших продовольственных задач проблема снабжения страны не получила бы разрешения и, может быть, трудящиеся не вынесли бы обрушившихся на них продовольственных испытаний.

...Именно он на своих могучих плечах вынес эту колоссальную работу...

ПУСТЬ ПОМНЯТ ЭТО ВСЕ. ПУСТЬ ПОМНЯТ ТАКЖЕ ВСЕ, ЧТО ИСКУССТВУ УПРАВЛЯТЬ, УМЕНИЮ СТРОИТЬ НЕОБХОДИМЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И БЫТЬ ТОЧНЫМИ В СВОЕЙ РАБОТЕ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЧИЛ НАС НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ РАБОТЕ».

Пусть помнят все...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор книги «Колокола памяти» — Всеволод Александрович Цюрупа, журналист. Почти четверть века он работал в газете «Известия», ранее — в «Красной звезде», на радио. Коммунист, ветеран войны, за подвиг удостоенный солдатского ордена Славы и других наград, автор многих статей и очерков в центральной прессе.

Последние два года жизни он писал книгу об отце.

Смерть прервала эту работу.

Продолжила и завершила этот большой труд я, его жена и товарищ по профессии, опираясь на главы, им написанные, на фрагменты, черновики, на его опубликованные материалы и записные книжки, на его воспоминания, на систематизированный им статистический материал.

Имя А. Д. Цюрупы ныне носят — город Цюрупинск (бывший Алешки), где он родился, сельсовет в поселке Тудозеро, где отбывал ссылку, улицы в Москве, Уфе, Херсоне, Брянске, Воронеже, Харькове, Сочи и других городах; Херсонский сельскохозяйственный институт, механико-технологический техникум в Новочеркасске, крупный совхоз под Уфой, элеваторные и мукомольные предприятия, фабрики и поселки, Дома культуры и дома отдыха.

Именем Цюрупы назван горный пик на Памире рядом с пиками, носящими имена Ленина, Свердлова, Дзержинского.

Два теплохода дальнего плавания носят имя Александра Дмитриевича Цюрупы. Крупный современный сухогруз «Александр Цюрупа» выполняет свою рабочую долю экономической и политической работы: возит хлеб и машины в развивающиеся страны, крепит дружеские связи народов.

Э. Цюрупа,
член Союза писателей СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Всеволод Александрович ЦЮРУПА

КОЛОКОЛА ПАМЯТИ

Заведующий редакцией А. И. Котеленец
Редактор Л. И. Стебакова
Младший редактор С. В. Вершинская
Художник Е. А. Крылов
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Г. М. Короткова

ИБ № 4708

Сдано в набор 18.12.85. Подписано в печать 02.04.86. А00062. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 14,27. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 1396. Цена 60 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

60 коп.

В. И. Ленин слушает игру Г. И. Романовского на квартире у А. Д. Цюрупы, 1919 г.

ПОЛИТИЗДАТ